

ISSN 2619–0214

**НАСЛЕДИЕ
И
СОВРЕМЕННОСТЬ**

**2023, том 6
№ 4**

НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

2023, т. 6, № 4

ISSN 2619–0214 (Print)

Печатное средство массовой информации
журнал о культурном наследии

«Наследие и современность» – рецензируемое научное издание по проблемам сохранения и использования культурного наследия. Журнал предоставляет возможность профессионального общения широкому кругу специалистов, становясь постоянным и надежным источником информации о текущих научных исследованиях и разработках в сфере сохранения и использования культурного наследия, формирования различных типов исто-рико-культурных территорий, развития Списка всемирного наследия ЮНЕСКО. Публикуемые в журнале материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Журнал включен в перечень ВАК по специальностям:

5.6.1. Отечественная история

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов

Информация об издании

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77 - 71548 от 13.11.2017.

Зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации, ISSN 2619-0214.

Издается с 2018 года.

Периодичность: 4 выпуска в год.

Подписной индекс в каталоге «Газеты и журналы - 2023 ГК «Урал-Пресс» **64981**

Цена свободная.

Учредители:

Хайрутдинов Рамиль Равилович, г. Казань, Российская Федерация

Ситдииков Айрат Габитович, г. Казань, Российская Федерация

Издатель:

АНО «Институт культурного наследия»

Адрес: ул. Кремлевская, д. 10/15, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация, 420111

Тел.: +7 (843) 221-33-21

Редакция:

Адрес: ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117, г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация, 420008

E-mail: worldheritage2018@mail.ru

Сайт: <https://nasledie.elpub.ru>

Редакционно-издательская группа:

Штеле Ольга Евгеньевна (ответственный секретарь) – кандидат географических наук, г. Москва, Российская Федерация

Мурашкина Светлана Игоревна (научный редактор) – кандидат географических наук, г. Москва, Российская Федерация

Включен в каталог периодических изданий Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory) Размещается на платформах eLIBRARY.RU (РИНЦ) и КиберЛенинка

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Валеев Рафаэль Миргасимович – доктор исторических наук, профессор, Институт международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, Российский комитет Международного Совета по охране памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС), Поволжское отделение Кафедры ЮНЕСКО, г. Казань, Российская Федерация.

ШЕФ-РЕДАКТОР

Шульгин Павел Матвеевич – кандидат экономических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Хайрутдинов Рамиль Равилович – кандидат исторических наук, доцент, Институт международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Российская Федерация.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Валеева-Сулейманова Гузель Фуадовна – доктор искусствоведения, профессор, Институт истории имени Ш. Марджани Академия наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация.

Веденин Юрий Александрович – доктор географических наук, профессор, Институт географии Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация.

Гордеева Татьяна Юрьевна – доктор культурологии, доцент, Казанский государственный институт культуры, г. Казань, Российская Федерация.

Иманкулов Джумаamedель Джумабаевич – доктор архитектуры, профессор, Кыргызский государственный университет строительства, транспорта и архитектуры им. Н. Исаева, г. Бишкек, Киргизия.

Лисович Инна Ивановна – доктор культурологии, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Маклыгин Александр Львович – доктор искусствоведения, профессор, Казанская государственная консерватория имени Н. Г. Жиганова, г. Казань, Российская Федерация.

Нарожный Евгений Иванович – доктор исторических наук, Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева, г. Карачаевск, Российская Федерация.

Руденко Константин Александрович – доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры, г. Казань, Российская Федерация.

Ситдииков Айрат Габитович – член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, доктор исторических наук, профессор, Институт археологии имени А. Х. Халикова Академия наук Республики Татарстан; Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Султанова Рауза Рифкатовна – доктор искусствоведения, Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академия наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация.

Фазылзянова Гузалия Ильгизовна – доктор культурологии, профессор, Национальный исследовательский университет "Московский институт электронной техники", г. Москва, Российская Федерация.

Фахрутдинов Раиль Равилович – доктор исторических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Шкалина Галина Евгеньевна – доктор культурологии, профессор, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация.

HERITAGE AND MODERN TIMES

2023, Vol. 6, No. 4

ISSN 2619–0214 (Print)

**Print media
journal for cultural heritage issues**

"Heritage and Modern Times" is a peer-reviewed scientific publication on the problems of preservation and use of cultural heritage. The journal provides an opportunity for professional communication to a wide range of specialists, becoming a permanent and reliable source of information on current scientific research and developments in the field of conservation and use of cultural heritage, the formation of various types of historical and cultural territories, and the development of the UNESCO World Heritage List. The materials published in the journal have passed the procedure of reviewing and expert selection.

The materials published in the journal have passed the procedure of peer review and expert selection. The journal is included in the List of Higher Attestation Commission the group of specialties:

5.6.1. History of Russia

5.10.1 Theory and history of culture, art

5.10.2 Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects

Edition information:

Registration number and date of the decision to register with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor): PI No. FS 77 - 71548 of 13.11.2017

Registered in the ISSN National Centre of the Russian Federation, Russian Book Chamber: ISSN 2619-0214 (Print) Published since 2018

A frequency of 4 issues per year

Subscription index in the catalog "Newspapers and Magazines – 2023 GC "Ural-Press" **64981**

The price is free.

Founders:

Ramil R. Khairutdinov, Kazan, Russian

Federation Airat G. Sitdikov, Kazan,

Russian Federation

Publisher:

ANO "Institute of Cultural Heritage"

Address: 10/15, Kremlin str., Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Tel.: +7 (843) 221-33-21

Editorial staff:

Address: 3, Martyn Mezhlaik str., off. 117, Kazan, Republic of Tatarstan., 420008, Russian Federation

E-mail: worldheritage2018@mail.ru

Website: <https://nasledie.elpub.ru>

Editorial and publishing group:

Olga E. Shtele (Executive Secretary) – Ph.D. of Geography, Moscow, Russian Federation

Svetlana I. Murashkina (Scientific editor) – Ph.D. of Geography, Moscow, Russian Federation

Included in the Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals
Directory) Placed in the platforms of eLIBRARY.RU and
CyberLeninka

CHIEF EDITOR

Rafael M. Valeev – Doctor of History, Professor, Institute of International Relations of the Kazan (Volga Region) Federal University; Russian Committee of the International Council for the Protection of Monuments and Sites (ICOMOS); Volga Branch of the UNESCO Chair, Kazan, Russian Federation.

CHEF EDITOR

Pavel M. Shulgin – Ph.D. in Economics, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation.

DEPUTY CHIEF EDITOR

Ramil R. Khairutdinov – Ph.D. in History, Associate Professor, Institute of International Relations of the Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

EDITORIAL TEAM

Guzel F. Valeeva-Suleimanova – Doctor of Arts, Professor, Institute of History named after Sh. Mardzhani Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation.

Yuri A. Vedenin – Doctor of Geography, Professor, Institute of Geography Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation.

Tatyana Yu. Gordeeva – Doctor of Culturology, Associate Professor, Kazan State Institute of Culture, Kazan, Russian Federation.

Dzhumamedel Dz. Imankulov – Doctor of Architecture, Professor, Kyrgyz State University of Construction, Transport and Architecture named after N. Isaiova, Bishkek, Kyrgyzstan.

Inna I. Lisovich – Doctor of Culturology, Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Alexander L. Maklygin – Doctor of Arts, Professor, Kazan State Conservatory named after N.G. Zhiganov, Kazan, Russian Federation.

Evgeniy I. Narozhny – Doctor of History, Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliev, Karachaevesk, Russian Federation.

Konstantin A. Rudenko – Doctor of History, Professor, Kazan State Institute of Culture, Kazan, Russian Federation.

Airat G. Sitdikov – Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Doctor of History, Professor, Institute of Archeology named after A. Khalikov Tatarstan Academy of Sciences; Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Rauza R. Sultanova – Doctor of Arts, Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimova Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation.

Guzaliya I. Fazylyanova – Doctor of Culturology, Professor, National Research University "Moscow Institute of Electronic Technology", Moscow, Russian Federation.

Rail R. Fakhrutdinov – Doctor of History, Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Galina E. Shkalina – Doctor of Culturology, Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

**Хайрутдинов Р. Р., Мухаметзянова Ф. Г., Сыченкова Л. А.,
Латышев О. Ю., Латышева П. А., Радаэлли М.о, Луизетто М.**
ВЛИЯНИЕ ИТАЛЬЯНСКИХ АРХИТЕКТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ НА
ФОРМИРОВАНИЕ ОБЛИКА БАШНИ СЮЮМБИКЕ
КАЗАНСКОГО КРЕМЛЯ 347

Батыршин Р. Р.
ТРАДИЦИОННАЯ ОБРЯДОВАЯ КУЛЬТУРА МОРДВЫ-КАРАТАЕВ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ОСНОВЕ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО
ОЧЕРКА ГУРИЯ ФИЛИППОВА «МОРДВА-ХРИСТИАНЕ. ИЗ ЖИЗНИ СЕЛА
МОРДОВСКИЕ КАРАТАИ ДЕРЕВНИ МЕНСИТОВО
ТЕТЮШСКОГО УЕЗДА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ» (1914 Г.)) 367

Ведерникова Н.М.
ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕХА И КОЖИ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
НАРОДОВ СЕВЕРА 376

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

Веденин Ю.А.
МЕСТО И РОЛЬ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ
В СОХРАНЕНИИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ 389

Васильева Е.В.
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА 405

Меньшов А.В.
ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ 411

Султанова Р.Р.
МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО СКУЛЬПТУРЕ «МЕЛОДИЯ КАМНЯ
(ТАШ МОҢЫ)» В КАЗАНСКОМ КРЕМЛЕ: ПРОСТРАНСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПОИСКОВ И ЭКСПЕРИМЕНТОВ 424

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ

Басманова Н.Ю.
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МУЗЕЕВ-КВАРТИР
В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ 431

Маслова Ю.В., Бородина С.Д., Мансурова А.Р.
СОХРАННОСТЬ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ
КАК ЧАСТИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ИНФОРМАЦИОННОГО
РЕСУРСА СТРАНЫ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ 443

CONTENTS

HISTORY OF RUSSIA

Khairutdinov R.R., Mukhametzyanova F.G., Sychenkova L.A., Latyshev O.Yu., Latysheva P.A., Radaelli M., Luizetto M. INFLUENCE OF ITALIAN ARCHITECTURAL TRADITIONS ON THE FORMATION OF THE APPEARANCE OF THE SYUYMBIKE TOWER OF THE KAZAN KREMLIN	347

Batyrshin R.R. THE TRADITIONAL RITUAL CULTURE OF THE MORDVINS-KARATAI AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (BASED ON THE HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC ESSAY BY GURIY FILIPPOV «MORDVINS ARE CHRISTIANS. FROM THE LIFE OF THE VILLAGE OF MORDOVIAN KARATAI AND THE VILLAGE OF MENSITOVO, TETYUSHSKY DISTRICT, KAZAN PROVINCE» (1914))	367

Vedernikova N.M. FUR AND LEATHER PRODUCTS IN THE SYSTEM OF CULTURAL VALUES OF THE NORTH PEOPLES	376

THEORY AND HISTORY OF CULTURE, ART

Vedenin Yu.A. PLACE AND ROLE OF SPECIALLY PROTECTED NATURAL AREAS IN THE PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS	389

Vasilyeva E.V. INTERACTION OF LEGAL CULTURE AND ART	405

Menshov A.V. THE PROBLEM OF CULTURAL IDENTITY FORMATION IN THE MODERN WORLD. THEORETICAL ASPECTS	411

Sultanova R.R. INTERNATIONAL SYMPOSIUM ON SCULPTURE "STONE MELODY (TASH MONY)" IN THE KAZAN KREMLIN: A SPACE FOR ARTISTIC RESEARCH AND EXPERIMENTATION	424

MUSEUM SCIENCE, CONSERVATION AND RESTORATION OF HISTORICAL AND CULTURAL OBJECTS

Basmanova N.Yu. FEATURES OF THE APARTMENT MUSEUM FUNCTIONING IN THE MODERN SOCIOCULTURAL SITUATION	431

Maslova Y.V., Borodina S.D., Mansurova A.R. PRESERVATION OF THE WRITING SOURCES AS PART OF THE CULTURAL HERITAGE AND INFORMATION RESOURCE OF THE COUNTRY IN THE DIGITAL ERA	443

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

HISTORY OF RUSSIA

Научная статья

УДК 72

<https://doi.org/10.52883/2619-0214-2023-6-4-347-366>

Исторические науки

ВЛИЯНИЕ ИТАЛЬЯНСКИХ АРХИТЕКТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЛИКА БАШНИ СЮЮМБИКЕ КАЗАНСКОГО КРЕМЛЯ

Рамиль Равилович Хайрутдинов

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия,
ramilh64@mail.ru*

Флера Габдульбаровна Мухаметзянова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия,
florans955@mail.ru*

Лидия Алексеевна Сыченкова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия,
l.sichenkova@yandex.ru*

Олег Юрьевич Латышев

*Международная Мариинская академия имени М.Д. Шаповаленко,
Москва, Россия, para888@list.ru*

Полина Александровна Латышева

*Международная Мариинская академия имени М.Д. Шаповаленко,
Москва, Россия, para888@list.ru*

Радаэлли Массимо

*Международная Мариинская академия имени М.Д. Шаповаленко,
Москва, Россия, radatass1@gmail.com*

Луизетто Мауро

*Международная Мариинская академия имени М.Д. Шаповаленко,
Москва, Россия, maurolu65@gmail.com*

Аннотация. В данной статье рассматриваются варианты культурно-исторического осмысления гуманитариями архитектурного стиля башни Сююмбике. Авторы рассматривают влияние архитектурных традиций Апеннинского полуострова эпохи позднего Средневековья и

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

© Хайрутдинов Р.Р., Мухаметзянова Ф.Г., Сыченкова Л.А., Латышев О.Ю.,
Латышева П.А., Радаэлли М., Луизетто М., 2023
© Наследие и современность, 2023

HISTORY OF RUSSIA

Khairutdinov R.R., Mukhametzyanova F.G., Sychenkova L.A., Latyshev O.Y. etc.
Heritage and Modern Times. 2023;6(4):347–366

Ренессанса на архитектурную концепцию башни Сююмбике. Гипотеза об «итальянском влиянии» находит подтверждение в фактах биографий известных архитекторов Аристотеля Фиораванти и Пьетро Антонио Солари, прибывших в Россию в XVII веке с Апеннинского полуострова.

Оценивается вклад апеннинских мастеров в развитие архитектуры Казанского Кремля. Авторами произведено сопоставление исторической иконографии башни Сююмбике Казанского кремля и современных версий ее художественных реконструкций. Делается вывод о продуктивности культурно-исторического синтеза в архитектурном облике казанской башни Сююмбике, вобравшей в себя элементы итальянского и восточного стиля, переосмысленного русскими зодчими.

Ключевые слова: башня Сююмбике, «итальянский стиль архитектуры», Аристотель Фиораванти, иконография Казанского Кремля, Боровицкая башня, синтез архитектурных стилей

Для цитирования: Хайрутдинов Р.Р., Мухаметзянова Ф.Г., Сыченкова Л.А., Латышев О.Ю., Латышева П.А., Радаэлли М., Луизетто М. Влияние итальянских архитектурных традиций на формирование облика башни Сююмбике Казанского кремля. *Наследие и современность*. 2023;6(4):347–366. <https://doi.org/10.52883/2619-0214-2021-6-4-347-366>.

Original article

Historical Sciences

<https://doi.org/10.52883/2619-0214-2023-6-4-347-366>

INFLUENCE OF ITALIAN ARCHITECTURAL TRADITIONS ON THE FORMATION OF THE APPEARANCE OF THE SYUYMBIKE TOWER OF THE KAZAN KREMLIN

Ramil R. Khairutdinov

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, ramilh64@mail.ru

Flera G. Mukhametzyanova

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, florans955@mail.ru

Lydia A. Sychenkova

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, l.sichenkova@yandex.ru

Oleg Yu. Latyshev

International Mariinsky Academy named after M.D. Shapovalenko, Moscow, Russia, papa888@list.ru

Polina A. Latysheva

International Mariinsky Academy named after M.D. Shapovalenko, Moscow, Russia, papa888@list.ru

Radaelli Massimo

International Mariinsky Academy named after M.D. Shapovalenko, Milano, Italy radamass1@gmail.com

Luizetto Mauro

International Mariinsky Academy named after M.D. Shapovalenko, Piacenza, Italy, maurolu65@gmail.com

© Khairutdinov R.R., Mukhametzyanova F.G., Sychenkova L.A., Latyshev O.Y., Latysheva P.A., Radaelli M., Luizetto M., 2023
© Nasledie i sovremennost', 2023

Abstract. This article examines options for cultural and historical understanding by humanitarians of the architectural style of the Suyumbike tower. The authors consider the influence of the architectural traditions of the Apennine Peninsula of the late Middle Ages and the Renaissance on the architectural concept of the Suyumbike Tower. The hypothesis of "Italian influence" is confirmed in the facts of the biographies of famous architects Aristotle Fioravanti and Pietro Antonio Solari, who arrived in Russia in the 17th century from the Apennine Peninsula. The contribution of Apennine masters to the development of the architecture of the Kazan Kremlin is assessed. The authors made a comparison of the historical iconography of the Suyumbike Tower of the Kazan Kremlin and modern versions of its artistic reconstructions. The conclusion is made about the productivity of cultural and historical synthesis in the architectural appearance of the Kazan tower Suyumbike, which incorporated elements of the Italian and Eastern style, rethought by Russian architects.

Keywords: Suyumbike tower, "Italian style of architecture," Aristotle Fioravanti, iconography of Kazan Kremlin, Borovitskaya tower, synthesis of architectural styles

For citation: Khairutdinov R.R., Mukhametzhanova F.G., Sychenkova L.A., Latyshev O.Y., Latysheva P.A., Radaelli M., Luizetto M. The influence of Italian architectural traditions on the formation of the appearance of the Suyumbike tower of the Kazan Kremlin. *Nasledie i sovremennost' = Heritage and Modern Times.* 2023; 6(4):347-366. <https://doi.org/10.52883/2619-0214-2023-6-4-347-366>.

Башня Сююмбике – один из символов Казани, жемчужина в архитектурном ансамбле Казанского кремля. О башне существует огромное количество мифов и легенд, однако сложность изучения ее подлинной истории состоит в том, что не сохранилось никаких документальных свидетельств ее проектирования и строительства. Историками пока не обнаружено ни чертежей, ни рисунков архитекторов, ни описания процесса ее строительства. Известно, что первое иконографическое изображение башни (рис. 1) было сделано в 1701–1708 гг. нидерландским художником, писателем и путешественником Корнелисом де Брюйном (1652–1727).

Изображение нидерландского художника можно считать важным визуальным источником для датировки сооружения башни Сююмбике.

С начала XX века накоплена значительная историография по осмыслению архитектурного стиля башни, которая представлена трудами казанских историков, археологов, искусствоведов – Г.Н. Ахмерова, Н.А. Спасского, Р. Галлямова, П.М. Дульского, А.Х. Халикова, С.А. Саначина, И.Р. Рэмиевой, Ф.А. Рашидова, Б.Р. Рахимзянова, Р.Р. Хайрутдинова и др.

Предметом дискуссий специалистов до настоящего времени является дата сооружения памятника. Большинство современных ученых склонны считать, что башня построена между XVII–XVIII вв., немногие датируют ее постройку второй половиной XVI в. Никто не знает точно ее функционального назначения. Типологические особенности башни не позволяют считать ее оборонным сооружением. Башня Сююмбике высотой 58 метров, на самой высокой точке Казани выполняла функции дозорной (сторожевой) башни. Еще ее считают «проездной башней», т.к. в ее первом ярусе есть ворота (рис. 1).

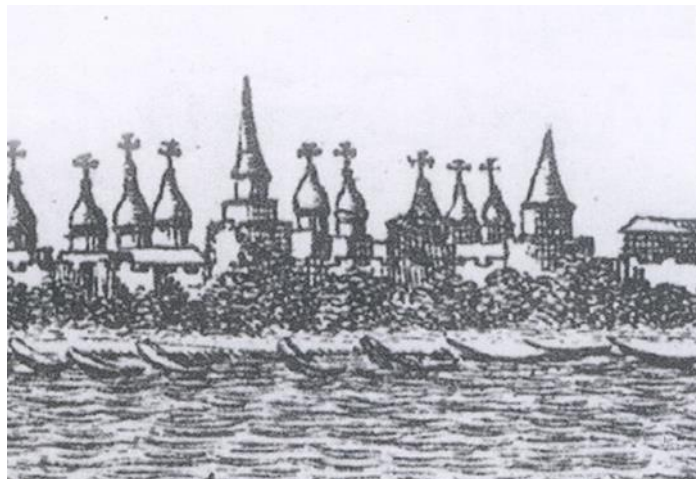

Рисунок 1 – Панорама Казанского Кремля (примерно 1701–1708 гг.).
Рисунок Корнелиса де Брюйна. В книге «Путешествие через Московию в Персию и Индию»
(«Voyage de Corneille Le Brun par la Moscovie, en Persia, et aux Indes Orientales», 1718 ¹

Рисунок 2 – Башня на гравюре художника Э. Турнерелли начала XIX века

В литературе название «Башня Сююмбике» («башня Сумбекина») впервые встречается в 1832 году в казанском журнале «Заволжский Муравей». Постепенно это название становится общеупотребительным. В 2015 году в Касимове Рязанской области была проведена научная конференция о Сююмбике [2]. Конференция 2019 года в Казани «Татарская царица Сююмбике: от исторической реальности до исторической памяти», посвященная 500-летию со дня рождения Сююмбике ², осмысливала историю закрепления

¹ Русский перевод книги де Брюйна «Voyage de Corneille Le Brun par la Moscovie, en Persia, et aux Indes Orientales» (1718) был сделан в 1873 году. См.: Бруин К. де. Путешествие через Московию. М., 1873[1].

² Конференция проводилась в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ.

в национальной памяти мифа о связи названия башни с именем царицы Казанского ханства. Несмотря на богатую историографию о башне, вопрос о влиянии итальянского (апеннинского) стиля на ее архитектуру до настоящего времени не был темой специального изучения.

На протяжении столетия идет осмысление учеными архитектурного стиля башни на основе сличения с российскими и европейскими аналогами того времени. Историки архитектуры, искусствоведы, культурологи предпринимают попытки определить в архитектуре башни влияние русской, татарской и европейских архитектурных традиций. Явные элементы итальянского стиля в облике башни позволяют выдвинуть гипотезу о влиянии архитектурных традиций Апеннинского полуострова эпохи позднего Средневековья и Ренессанса на архитектурную концепцию башни Сююмбике.

Традиции архитектуры Апеннинского полуострова и прилегающих островов называют «итальянскими» условно, поскольку единого государства Италии к тому времени не существовало. Поэтому ни в одном старинном документе (манускрипте) не обнаружено упоминания об итальянском влиянии на внешний облик башни Сююмбике.

Попытаемся разобраться в этом вопросе. Итак, начнем с того, что авторами многих статей, предлагаемых вниманию гостей Казани, сообщается, что создателем проекта башни Сююмбике был архитектор Ридольфо Аристотеле Фиораванти (также возможны такие варианты написания, как Фьораванти, Фиеравенти, Фиораванте), называемый в наше время «итальянским» [3, с. 40] (рис. 3).

Рисунок 3 – Лоренцо Лотто. Ридольфо Аристотель Фиораванти

Известно, что Ридольфо Аристотель Фиораванти был привезен в Казань Иваном Грозным (рис. 4), в первую очередь, не как архитектор, а как руководитель взрывных работ при взятии Казанского кремля [4].

Рисунок 4 – В.М. Васнецов. Царь Иван Васильевич Грозный. 1897 год. Фрагмент картины.

История многих европейских замков изобилует упоминаниями о том, что разрушившие их завоеватели впоследствии начинали вновь отстраивать захваченные ими архитектурные сооружения, но уже для собственных нужд и по своему усмотрению. Возможно, что по взятии Казанского кремля и исчерпанию перечня инженерно-взрывных работ Иван Грозный мог переориентировать Ридольфо Аристотеля Фиораванти на создание новых архитектурных сооружений [5]. Однако те, кто выдвигает предположение о том, что Ридольфо Аристотель Фиораванти стал автором башни Сююмбике, опираются на определенное сходство её архитектуры с обликом Боровицкой башни, названной так по имени холма, на котором стоит, в свою очередь, Московский кремль³ (рис. 5).

Рисунок 5 – Нижние ярусы башни Сююмбике (а) и Боровицкой башни (б).

Фото: О.Ю. Латышев, 2017, 2005 г.

³ Башня на литографии А. Дюрана середины XIX века. Источник: <https://testirovanie24.ru/bashnya-syuyumbike-zhemchuzhina-kazanskogo-kremlya-i-simvol-goroda-krome-togo-ona-takzhe-izvestna-oge>

Однако подобные предположения представляются почти лишенными логики. Боровицкую башню строил не Ридольфо Аристотель Фиораванти, а первый главный архитектор Московского кремля Пьетро Антонио Солари (рис. 6), приглашенный в Москву предшественником Ивана Грозного на троне Иваном Третьим Великим.

Рисунок 6 – Портрет Пьетро Антонио Солари

Но считать Пьетро Антонио Солари итальянцем, постулируя влияние итальянских традиций на облик башни Сююмбике, это также неверно, поскольку он родился в городе Кароне швейцарского кантона Тичино, и только при постройке Миланского собора совместно со своим отцом Джунифорте Солари мог по праву относиться к миланской архитектурной школе. Это, собственно, в дальнейшем и позволит действительно называть его «итальянским» зодчим.

Также следует отметить, что верхние ярусы башни Сююмбике, в отличие от нижних четвериков [6], в значительно большей степени похожи на верхние ярусы Беклемишевской (Москворецкой, Свибловой/Свирловой) башни Московского кремля, стоящей справа от Боровицкой, ближе к Большому Кремлевскому дворцу [7] (рис. 9). Начинал сооружать эту башню коллега Пьетро Антонио Солари при строительстве в Моковском кремле Марк Фрязин [8]. Возможно, что именно Пьетро Антонио Солари и является автором тех верхних ярусов, которые делают их схожими с верхними ярусами башни Сююмбике [9] (рис. 7, 8). Это тем более вероятно, поскольку именно ему выпало работать над завершением Беклемишевской (Москворецкой, Свибловой/Свирловой) башни Московского кремля [10].

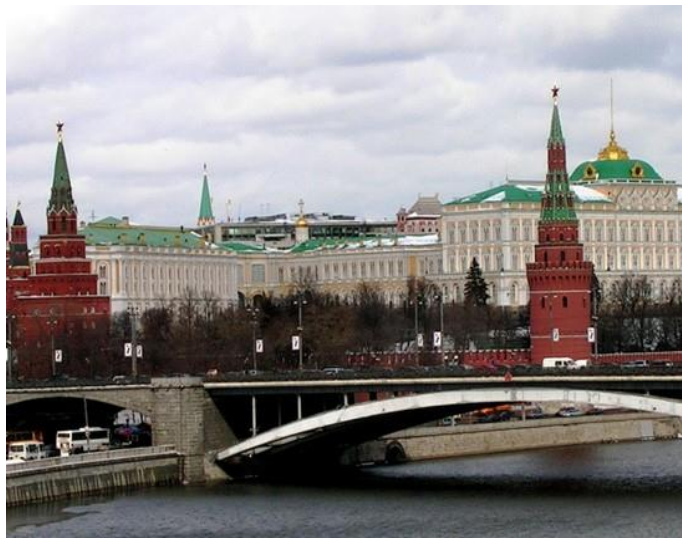

Рисунок 7 - Боровицкая и Беклемишевская башни Московского кремля.
Фото: О.Ю. Латышев, 2005 г.

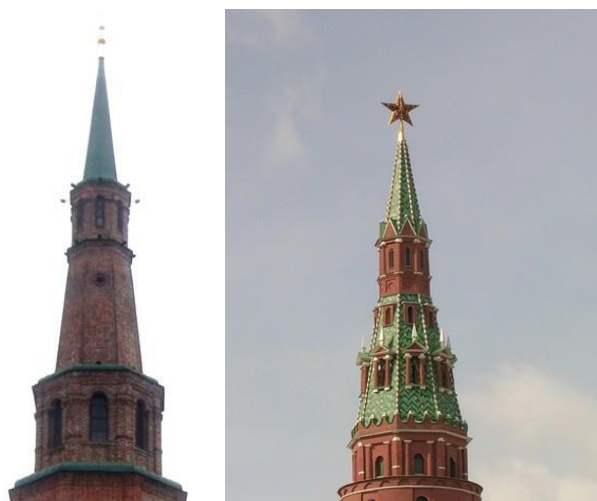

Рисунок 8 – Верхние ярусы башни Сююмбике и Беклемишевской башни.
Фото: О.Ю. Латышев, 2017, 2005 г.

Ридольфо Аристотель Фиораванти (рис. 9) был знаменит своими культовыми сооружениями, в первую очередь – постройкой на территории Московского Кремля Успенского собора, а также ярким инженерным талантом, проявившимся при взятии Казани, куда он направился одновременно с Иваном Грозным как начальник артиллерии и как военный инженер. Что же касается Пьетро Антонио Солари, то его тоже, как и Ридольфо Аристотеля Фиораванти, призвал в Москву ещё предыдущий государь – Иван Третий.

Рисунок 9 – Басин П.В. Царь Иван III поручает Аристотелю Фиораванти заказ на чеканку монет в 1479 году. XIX век

Именно Пьетро Антонио Солари, а не Ридольфо Аристотель Фиораванти, считается строителем самых красивых башен в Московском кремле. Первой из них и стала вышеупомянутая Боровицкая башня, с которой сопоставляется внешний облик первых трёх ярусов башни Сююмбике. Боровицкая башня была возведена в 1490 году, сразу после приезда Пьетро Антонио Солари со своей бригадой в Москву на основе свежих впечатлений, полученных при строительстве Миланского собора (рис. 10).

Рисунок 10 – Миланский собор. Фото: Jakub Nałun

Все последующие сооруженные им башни Московского кремля были уже значительно меньше похожи на многочисленные башенки Миланского собора: 1490 г. – Константино-Еленинская башня. 1491 г. – Спасская (Фроловская) башня; 1491 г. – Никольская башня. 1491 г. – Сенатская башня; 1492 г. – Угловая Арсенальная (Собакина) башня.

Но сведений о поездках Пьетро Антонио Солари в Казань не сохранилось. Поэтому с осторожностью можно строить предположения об опосредованном, косвенном влиянии облика Боровицкой и Беклемишевской башен Московского кремля Пьетро Антонио Солари на облик башни Сююмбике.

Более того, ещё в 1912 году историк С.П. Бартенева в проведённом им кропотливом исследовании башен Кремля называл Боровицкую башню наиболее своеобразной из всех рассмотренных им башен:

«Среди всего множества башен Италии и иных стран Европы ей нельзя приискать прототипа. В России можно указать лишь на один памятник, имеющий с ней сходство, это — башня Сумбеки (т.е. Сююмбике – Р. Х.) в Казани. Отличие Боровицкой башни от других проездных башен Кремля усиливается ещё тем, что её отводная стрельница поставлена не прямо, как в них, а сбоку и имеет призматическую, а не квадратную форму» [11].

Данную мысль С.П. Бартенева можно было бы истолковать как предположение об обратном влиянии, когда башня Сююмбике своим внешним обликом продиктовала бы в дальнейшем форму Боровицкой, Беклемишевской и последующих башен авторства Пьетро Антонио Солари. Однако вопрос обратного влияния архитектурного облика башни Сююмбике был забыт на пятьдесят лет.

В октябре 1911 года российский архитектор А.В. Щусев (рис. 11), выигравший закрытый конкурс на проектирование Казанского вокзала в Москве, получил заказ на проект площади трех вокзалов (будущей Комсомольской площади) в Москве. Архитектор обратился к изучению облика башни Сююмбике (рис. 12).

Рисунок 11 – А.В. Щусев с проектными чертежами Казанского вокзала.
Фото: П.К. Остроумов. 1914 г.

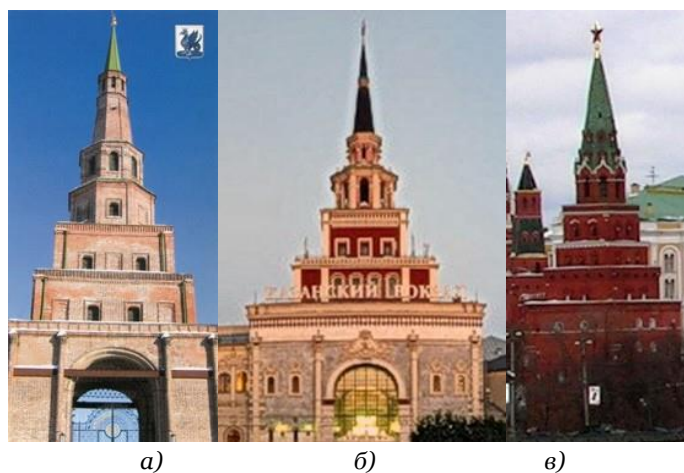

Рисунок 12 – Сопоставление внешнего башни Сююмбике (а), входной группы Казанского вокзала (б) и Боровицкой башни (в).
Фотооткрытки (1; 2). Фото: О.Ю. Латышев, 2005 г.

С этой целью А.В. Щусев направил своих учеников в Казанский кремль для произведения точных обмеров башни Сююмбике [12]. Очертания казанской башни легли в основу архитектурной идеи «Площади трех вокзалов» [13]. Облик здания Казанского вокзала гармонично сочетался с силуэтом Боровицкой башни Московского кремля⁴. Возвращаясь к истории проекта башни Сююмбике, следует учитывать факты, которые говорят не в пользу того, что Ридольфо Аристотель Фиораванти мог зарисовать уже существовавшую до него в Казани башню Сююмбике и передать данный рисунок Пьетро Антонио Солари [10]. Во-первых, хотя и принято считать, что Ридольфо Аристотель Фиораванти умер не ранее 1485–1486 гг., но и Пьетро Антонио Солари прибыл в Москву, где они могли бы встретиться, не ранее 1490 года. Во-вторых, Ридольфо Аристотель Фиораванти лишь по осторожным предположениям умер в Российском государстве. Никем из авторов найденных нами источников ничего не говорится о Москве как месте его кончины [14].

Наконец, в-третьих, чрезвычайно маловероятно, что Ридольфо Аристотель Фиораванти, подорвавший свои силы при суровом российском климате накануне своей кончины, искал встреч со вновь прибывшим в Москву с молодым своим преемником Солари, чтобы передать ему свои зарисовки из Казани [15]. Ридольфо Аристотель Фиораванти мог даже не знать о прибытии Солари и его бригады в Москву. Все вышеперечисленные факты, на наш взгляд, практически исключают возможность их встречи и возникновения преемственности архитектурных традиций.

⁴ Здание Казанского вокзала строилось с перерывами на первую мировую войну. Строительство началось в 1913, а закончилось в 1917 году, с незавершенной отделкой.

Более того, возникает вопрос о том, существовали ли зарисовки древнего облика башни Сююмбике? Как известно, в книге известного немецкого путешественника, географа, ориенталиста, историка, математика и физика Адама Олеария (рис. 13), которая содержит наиболее раннее изображение Казанского кремля в 1638 году не присутствует сколько-нибудь явственных очертаний башни Сююмбике [16]. Столь широко одарённого и определенно аккуратного человека сложно заподозрить в невнимательности по отношению к столь выразительному архитектурному сооружению, которое должна была бы представлять собой башня Сююмбике [17, с. 96–111].

Рисунок 13 – Юрген Овенс. Адам Олеарий, 1669 г.

Маловероятно также, что от взора Адама Олеария башню высотой 58 метров могли перекрывать очертания иных, более крупных сооружений Казанского кремля⁵. Если принимать во внимание, что и для данного сооружения грунт оказался явно слабым, что привело к его последующему проседанию и появлению эффекта «Пизанской башни», то более высокие сооружения вряд ли бы могли найти место на территории Казанского кремля тех лет [18].

Кроме этого, и так называемый «Чертеж Казанский» 1692 года в последующей книге авторства голландского политика, предпринимателя, картографа, бургомистра Амстердама Николааса Витсена «Северная и Восточная Тартария», также не содержит легко узнаваемых очертаний башни Сююмбике [19] (рис. 14).

⁵ Историографическое описание Казанской губернии, что прежде было царство Болгарское, потом Казанское..., сочинённое Уфимскаго леснаго стата землемером титулярным советником Капитоном Мильковичем, 1804 года // Библиотека Санкт-Петербургской духовной академии. Рук. № 315 Л. 22 об.

Первое историческое изображение силуэта ансамбля Казанского Кремля с башней Сююмбике (рис. 1) принадлежит нидерландскому путешественнику и художнику Корнелису де Брюйну (1652–1727) (рис. 15). Нидерландский художник, путешественник и писатель в самом начале XVIII века совершил два больших путешествия на Восток. 28 июля 1701 г. де Брюин направился в Россию, Персию и Ост-Индию, он вернулся на в родную Гаагу только в октябре 1708 года. По результатам путешествия Корнелис де Брюин опубликовал две книги, иллюстрированные его собственными зарисовками.

а)

б)

Рисунок 14 – а) Так называемый «Чертеж Казанский» из книги «Северная и Восточная Тартария» Николааса Витсена 1692 года.
б) Якоб ван Мушер. Портрет Николааса Витсена

Рисунок 15 – Портрет Корнелиса де Брюйна (1652–1727) и обложка его книги «Путешествие через Московию в Персию и Индию»

В одной из книг «Путешествие через Московию в Персию и Индию» сохранился рисунок нидерландского художника с натуры ансамбля Казанского Кремля, где есть изображение башни Сююмбике.

Если предположить, что вместо взорванных под руководством Ридольфо Аристотеля Фиораванти фрагментов Казанского кремля Иван Грозный заказал ему постройку новых сооружений, то они совершенно необязательно должны были быть столь же высокими, как башня Сююмбике [20]. Если предполагать ее появление уже в петровскую эпоху, то, вполне возможно, её облик мог унаследовать определенные черты итальянской архитектуры от вполне вероятно сооруженных Ридольфо Аристотелем Фиораванти «компенсационных» построек, равно как и новый облик кирпича, о чем также часто упоминается в различных источниках. Татарские архитекторы вполне могли учиться у Ридольфо Аристотеля Фиораванти и его учеников, на основе чего башня Сююмбике и приобрела соответствие многим итальянским канонам.

В начале XXI столетия скульпторы А.В. Головачева и В.А. Демченко вместе с архитектором Р.М. Забириным разработали для ансамбля Казанского кремля памятник интернациональному коллективу строивших его зодчих (рис. 16). Тем самым было ещё раз продемонстрировано межнациональное единство взглядов и концепций, нашедших свое отражение в облике как башни Сююмбике, так и архитектурного ансамбля Казанского кремля в целом.

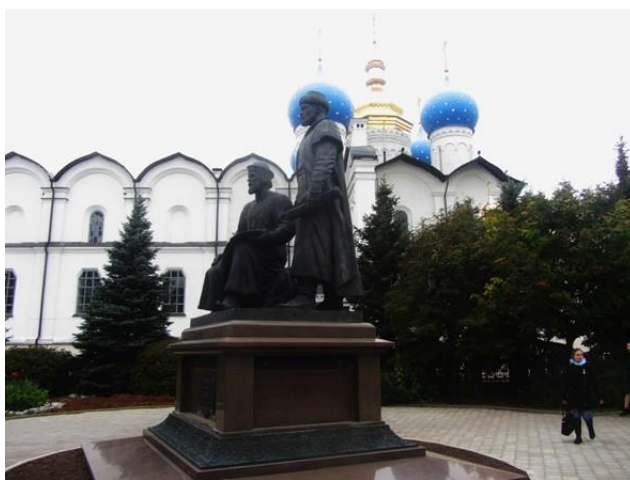

Рисунок 16 – Памятник архитекторам Казанского кремля (скульпторы А.В. Головачева и В.А. Демченко, архитектор Р.М. Забирин) на фоне Благовещенского собора. Фото: О.Ю. Латышев, 2017

В XX веке изображение башни Сююмбике как символа Казани стало тиражироваться на многих изделиях художественного промысла, открытках, почтовых марках (рис. 17, 18).

На основе проведенного сравнительно-сопоставительного анализа сохранившихся сведений можно обнаружить следы влияния «итальянского стиля» на архитектурный облик башни Сююмбике, глубоко переосмысленного русскими зодчими. В результате такого культурно-исторического синтеза появился такой памятник, который сохраняется в коллективной памяти как шедевр казанской архитектуры.

Рисунок 17 – Ваза для цветов. Казанская губерния, с. Пестрецы, 1911–1916 гг. (глина, цветная глазурь) Сокровища Республики Татарстан. Альбом НМ РТ. Казань, 2012. С. 159.

Рисунок 18 – Казанский кремль на почтовом блоке «1000 лет Казани» (2005 г.).
Фото: С. Воронцова-Ногтева. Художественное оформление: Х. Бетрединова.

Литература

1. Бруин К. де. Путешествие через Московию / Пер. с фр. П.П. Барсова, провер. по гол. подлиннику О.М. Бодянским. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1873. 292 с.
2. Казанская царица Сююн-бике в истории народов России: сб. статей / под общей ред. Б.Р. Рахимзянова. М.: Квадрига, 2015. 160 с.
3. Крюкова О.Е., Латышев О.Ю. Социально психологическая адаптация детей-сирот средствами экскурсионно-туристической и краеведческой деятельности // Социальная педагогика. 2012. № 12-1. С. 40.
4. Саначин С. Иконография и планы Казанского Кремля о возрасте Сююмбекиной башни // Казань. 2002. № 9. С. 37–47.
5. Гервер. Описание города Казани // Труды ИОАИЭ. 1907. Т. XXIII. Вып. 3. С. 4.
6. Бусева-Давыдова И.Л. Об истоках композиционного типа «восьмерик на четверике» в русской архитектуре конца XVII века. Архивная копия от 25 февраля 2020 на Wayback Machine // Архитектурное наследство. № 33, 1985. С. 220–225.
7. Рашитов Ф.А. История татарского народа: С древнейших времён до наших дней: Учебное пособие для национальных школ, гимназий, лицеев. Саратов: Региональное Приволжское издательство «Детская книга», 2001. 288 с.
8. Зверев С.М., Латышев О.Ю. Научно-педагогическое сотрудничество вузов и культурно-просветительских учреждений в области художественного краеведения // Научное обозрение. Педагогические науки. 2017. № 5. С. 71–79.
9. Галлямов Р. «Башня Сююмбике ханской мечети...» // Казанское ханство: Актуальные проблемы исследования / Материалы Научного семинара «Казанское ханство: Актуальные проблемы исследования» 5 февраля 2002 года. Казань: Издательство «Фэн», 2002. С. 215–237.
10. Чайкина Л.П., Латышев О.Ю. Литературное краеведение средствами медиаобразования как путь социализации детей-сирот // Проблемы современного образования. 2014. № 1. С. 129–140.
11. Бартенев С.П. Кремлёвские стены и башни в XIX столетии // Московский Кремль в старину и теперь. 1912–1916. Т. 1. М.: Издание Министерства Императорского двора, 1912. С. 57–209.
12. Афанасьев К.Н. А.В. Щусев. М.: Стройиздат, 1978. 191 с.
13. Васькин А.А. Щусев: Зодчий всея Руси. М: Молодая гвардия, 2015. 460 с.
14. Лангель И.Ф. Краткое медикофизическое и топографическое обозрение города Казани и губернии оной. СПб.: В Медицинской типографии, 1809. 48 с.
15. Макарова Л.Н., Латышев О.Ю. Использование средств туристско-краеведческой деятельности на уроке географии в процессе социализации детей-сирот / проблемы современного образования. 2013. № 4. С. 150–161.
16. Казань в памятниках истории и культуры / Под ред. С.С. Айдарова, А.Х. Халикова, М.Х. Хасанова, И.Н. Алеева. Казань: Татар. кн. изд-во, 1982. 282 с.
17. Свиридова А.Ю., Чайкина Л.П., Латышев О.Ю. Медиаобразование в краеведческой практике школы-интерната для детей-сирот / Медиаобразование. 2013. № 4. С. 96–111.
18. Демура С.П., Латышев О.Ю. Медиабезопасность сферы историко-художественного краеведения в социализации детей-сирот // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 21 (312). С. 184–188.

19. Историко-архитектурный анализ изображения города Казани голландским мастером Корнелисом де Брейном. [Электронный ресурс]: <http://vestnik.spbu.ru/html20/so2/so2v2/14.pdf> Архивная копия от 17 июля 2021 на Wayback Machine
20. Халиков А.Х. Что, башня, в имени твоём? // Татарстан. 1992. № 11– 12. С. 60–65.
21. Ахмеров Г.Н. Избранные труды. Казань: Тат. книжн. изд-во, 1998. 237 с.
22. Дульский П.М. О некоторых казанских вандализмах в прошлом // Материалы по охране памятников Отдела по делам музеев. Вып. 2. Казань, 1928. С. 44–48.
23. Краткое медико-физическое и топографическое обозрение Казанской губернии и губернского города Казани: Окончание / Сочин. г. надв. сов. и кав. Лангеля, Казанской врачебной управы инспектора // Всеобщий журнал врачебной науки. 1813. № 5. С. 3–23.
24. Пилюгина Е.В., Латышев О.Ю. Школа юного экскурсовода как средство развития социального туризма // Социальная педагогика, 2013. № 2. С. 69–65.
25. Рэмиева И.Р. Рус, татар һәм терек эдэбиятларында ханбикэ Сеембикэ образы. Казан: [б. и.], 2009. 243 с.
26. Сокровища Республики Татарстан. Альбом НМРТ/ Автор идеи, координатор, главный редактор, составитель Г.Р. Назипова. Казань: Логос. 2012. 216 с.
27. Спасский Н.А. Очерки по родиноведению. 2-е изд. Казань: М.А. Голубев, 1912. 376 с.
28. Хайрутдинов Р.Р. Деятельность управления по делам архитектуры СНК ТАССР по охране культурного наследия в 40-е годы XX века // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 152, кн. 3. Ч. 2. Гуманитарные науки. 2010. С. 184–190.
29. Халиков А.Х., Алишев С.Х. История Казани. Кн. I. Казань: Татар. кн. изд-во, 1988. 349 с.

References

1. Bruin K. de. Puteshestvie cherez Moskoviyu / Per. s fr. P.P. Barsova, prover. po gol. podlinniku O.M. Bodyanskim. M.: Imp. O-vo istorii i drevnostei ros. pri Mosk. un-te, 1873. 292 s.
2. Kazanskaya tsaritsa Syuyun-bike v istorii narodov Rossii: sb. statei / pod obshchei red. B.R. Rakhimzyanova. M.: Kvadriga, 2015. 160 s.
3. Kryukova O.E., Latshev O.Yu. Sotsial'no psikhologicheskaya adaptatsiya detei-sirot sredstvami ekskursionno-turisticheskoi i kraevedcheskoi deyatel'nosti // Sotsial'naya pedagogika. 2012. № 12-1. S. 40.
4. Sanachin C. Ikonografiya i plany Kazanskogo Kremlya o vozraste Syuyumbekinoi bashni // Kazan'. 2002. № 9. С. 37–47.
5. Gerver. Opisanie goroda Kazani // Trudy IOAIE. 1907. T. XXIII. Vyp. 3. S. 4.
6. Buseva-Davydova I.L. Ob istokakh kompozitsionnogo tipa «vos'merik na chetverike» v russkoi arkhitekture kontsa XVII veka. Arkhivnaya kopiya ot 25 fevralya 2020 na Wayback Machine // Arkhitekturnoe nasledstvo. № 33, 1985. S. 220–225.
7. Rashitov F.A. Istoriya tatarskogo naroda: S drevneishikh vremen do nashikh dnei: Uchebnoe posobie dlya natsional'nykh shkol, gimnazii, litseev. Saratov: Regional'noe Privolzhskoe izdatel'stvo «Detskaya kniga», 2001. 288 s.

8. Zverev S.M., Latyshev O.Yu. Nauchno-pedagogicheskoe sotrudnichestvo vuzov i kul'turno-prosvetitel'skikh uchrezhdenii v oblasti khudozhestvennogo kraevedeniya // Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki. 2017. № 5. S. 71–79.

9. Gallyamov R. «Bashnya Syuyumbike khanskoi mecheti...» // Kazanskoe khanstvo: Aktual'nye problemy issledovaniya / Materialy Nauchnogo seminarina «Kazanskoe khanstvo: Aktual'nye problemy issledovaniya» 5 fevralya 2002 goda. Kazan': Izdatel'stvo «Fen», 2002. C. 215–237.

10. Chaikina L.P., Latyshev O.Yu. Literaturnoe kraevedenie sredstvami mediaobrazovaniya kak put' sotsializatsii detei-sirot // Problemy sovremennogo obrazovaniya. 2014. № 1. S. 129–140.

11. Bartenev S.P. Kremlevskie steny i bashni v XIX stoletii // Moskovskii Kreml' v starinu i teper'. 1912–1916. T. 1. M.: Izdanie Ministerstva Imperatorskogo dvora, 1912. S. 57–209.

12. Afanas'ev K.N. A.V. Shchusev. M.: Stroizdat, 1978. 191 s.

13. Vas'kin A.A. Shchusev: Zochii vseya Rusi. M: Molodaya gvardiya, 2015. 460 s.

14. Langel' I.F. Kratkoe medikofizicheskoe i topograficheskoe obozrenie goroda Kazani i gubernii onoi. SPb.: V Meditsinskoi tipografii, 1809. 48 s.

15. Makarova L.N., Latyshev O.Yu. Ispol'zovanie sredstv turistskokraevedcheskoi deyatel'nosti na uroke geografii v protsesse sotsializatsii detei-sirot / problemy sovremennogo obrazovaniya. 2013. № 4. S. 150–161.

16. Kazan' v pamyatnikakh istorii i kul'tury / Pod red. S.S. Aidarova, A.Kh. Khalikova, M.Kh. Khasanova, I.N. Aleeva. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 1982. 282 s.

17. Sviridova A.Yu., Chaikina L.P., Latyshev O.Yu. Mediaobrazovanie v kraevedcheskoi praktike shkoly-internata dlya detei-sirot / Mediaobrazovanie. 2013. № 4. S. 96–111.

18. Demura S.P., Latyshev O.Yu. Mediabezopasnost' sfery istorikokhudozhestvennogo kraevedeniya v sotsializatsii detei-sirot // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 21 (312). S. 184–188.

19. Istoriko-arkhitekturnyi analiz izobrazheniya goroda Kazani gollandskim masterom Kornelisom de Breinom. [Elektronnyi resurs]: <http://vestnik.spbu.ru/html20/so2/so2v2/14.pdf> Arkhivnaya kopiya ot 17 iyulya 2021 na Wayback Machine

20. Khalikov A.Kh. Chto, bashnya, v imeni tvoem? // Tatarstan. 1992. № 11–12. S. 60–65.

21. Akhmerov G.N. Izbrannye trudy. Kazan': Tat. knizhn. izd-vo, 1998. 237 s.

22. Dul'skii P.M. O nekotorykh kazanskikh vandalizmakh vproshlom // Materialy po okhrane pamyatnikov Otdela po delam muzeev. Vyp. 2. Kazan', 1928. S. 44–48.

23. Kratkoe mediko-fizicheskoe i topograficheskoe obozrenie Kazanskoi gubernii i gubernskago goroda Kazani: Okonchanie / Sochin. g. nadv. sov. i kav. Langelya, Kazanskoi vrachebnoi upravy inspektora // Vseobshchii zhurnal vrachebnoi nauki. 1813. № 5. S. 3–23.

24. Pilyugina E.V., Latyshev O.Yu. Shkola yunogo ekskursovoda kak sredstvo razvitiya sotsial'nogo turizma // Sotsial'naya pedagogika, 2013. № 2. S. 69–65.

25. Remieva I.R. Rus, tatar hem terek edebiyatlarynda khabike Seembike obrazy. Kazan: [b. i.], 2009. 243 s.

26. Sokrovishcha Respubliki Tatarstan. Al'bom NM RT / Avtor idei, koordinator, glavnyi redaktor, sostavitel' G.R. Nazipova. Kazan': Logos. 2012. 216 s.

27. Spasskii N.A. Ocherki po rodinovedeniyu. 2-e izd. Kazan': M.A. Golubev, 1912. 376 s.

28. Khairutdinov R.R. Deyatel'nost' upravleniya po delam arkhitektury SNK TASSR po okhrane kul'turnogo naslediya v 40-e gody XX veka // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 152, kn. 3. Ch. 2. Gumanitarnye nauki. 2010. S. 184–190.

29. Khalikov A.Kh., Alishev S.Kh. Istoriya Kazani. Kn. I. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 1988. 349 s.

Авторы публикации

Хайрутдинов Рамиль Равилович,

кандидат исторических наук, доцент, директор Института международных отношений Казанского федерального университета, Казань, Российская Федерация.
E-mail: ramilh64@mail.ru

Мухаметзянова Флера Габдульбаровна, доктор педагогических наук, профессор кафедры исторического и обществоведческого образования (на базе Института всеобщей истории Российской академии наук) Института международных отношений Казанского федерального университета, Казань, Россия.

Сыченкова Лидия Алексеевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории «Клио+» Института международных отношений КФУ, главный научный сотрудник «Центр музейного проектирования», Казань, Российская Федерация.

Латышев Олег Юрьевич, доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, действительный член МАС, МАЕ, ЕАЕ, ISA, МОО АД ЮТК, член-корр. МАПН, профессор университета «Сайпресс», США, профессор РАЕ, президент, Международная Мариинская академия имени М.Д. Шаповаленко, г. Москва, Российская Федерация.

Латышева Полина Александровна, исполнительный директор, Международная Мариинская академия имени М.Д. Шаповаленко, г. Москва, Российская Федерация.

Радаэлли Массимо, доктор филологических наук, глава итальянского национального отделения, Международная Мариинская академия имени М.Д. Шаповаленко, г. Милан, Италия.

Authors of the publication

Ramil R. Khairutdinov, Ph.D. in History, Associate Professor, Director of the Institute of International Relations of Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation.
E-mail: ramilh64@mail.ru

Flera G. Mukhametzyanova, Doctor of Pedagogics, Professor of the Department of Historical and Social Education (on the basis of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences) of the Institute of International Relations of Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation.

Lydia A. Sychenkova, Doctor of History, Leading Researcher at the Klio + Laboratory of the Institute of International Relations of KFU, Chief Researcher at the Museum Design Center, Kazan, Russian Federation.

Oleg Yu. Latyshev, Doctor of Pedagogics, Ph. D. in Philology, full member of the IAU, MAY, EAE, ISA, MOO AD UTK, corresponding member, MAPN, Professor of Cypress University, USA, Professor RAЕ, President, International Mariinsky Academy named after M.D. Shapovalenko, Moscow, Russian Federation.

Polina A. Latysheva, executive Director, Shapovalenko International Mariinsky Academy, Moscow, Russian Federation.

Radaelli Massimo, Doctor of Philology, Head of the Italian National Branch, International Mariinsky Academy named after M.D. Shapovalenko, Milan, Italy.

Авторы публикации

Луизетто Мауро, доктор филологических наук, почетный вице-президент, Международная Мариинская академия имени М.Д. Шаповаленко, г. Пьяченца, Италия.

**Раскрытие информации
о конфликте интересов**

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 06.07.2023.

Одобрена после рецензирования:
08.08.2023.

Принята к публикации: 14.08.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Authors of the publication

Luizetto Mauro, Doctor of Philology, Honorary Vice President, International Mariinsky Academy named after M.D. Shapovalenko, Piacenza, Italy.

Conflicts of Interest

Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 07.06.2023.

Approved after peer reviewing:
08.08.2023.

Accepted for publication: 08.14.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

**ТРАДИЦИОННАЯ ОБРЯДОВАЯ КУЛЬТУРА
МОРДВЫ-КАРАТАЕВ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(НА ОСНОВЕ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОЧЕРКА
ГУРИЯ ФИЛИППОВА «МОРДВА-ХРИСТИАНЕ.
ИЗ ЖИЗНИ СЕЛА МОРДОВСКИЕ КАРАТАИ
И ДЕРЕВНИ МЕНСИТОВО ТЕТЮШСКОГО УЕЗДА
КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ» (1914 г.))**

Рустам Рафаэлевич Батыршин

*Институт Татарской энциклопедии и регионоведения, Академия наук
Республики Татарстан, г. Казань, Россия, bat81@inbox.ru*

Аннотация. В статье рассматривается дореволюционная обрядовая культура небольшой этнографической группы мордовского народа – Мордвы-Каратаев. В 1914 г. Г.А. Филиппов – представитель кряшенской духовной интеллигенции, опубликовал историко-этнографический очерк «Мордва-христиане. Из жизни села Мордовские Каратаи и деревни Менситово Тетюшского уезда Казанской губернии», в котором представлены история возникновения и этнокультурного развития каратаевских поселений. Автор подробно рассматривает сюжеты, связанные с проведением местными жителями, традиционных поминальных и свадебных обрядов.

Ключевые слова: Казанская губерния, Тетюшский уезд, Г.А. Филиппов, историко-этнографический очерк, Аордва-Каратаи, поминальные обряды, свадебные обряды

Для цитирования: Батыршин Р.Р. Традиционная обрядовая культура Мордвы-Каратаев в начале XX века (на основе историко-этнографического очерка Гурия Филиппова «Мордва-христиане. Из жизни села Мордовские Каратаи и деревни Менситово Тетюшского уезда Казанской губернии» (1914 г.)). *Наследие и современность.* 2023;6(4):367–375. <https://doi.org/10.52883/26190214-2023-6-4-367-375>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

© Батыршин Р.Р., 2023

© Наследие и современность, 2023

**THE TRADITIONAL RITUAL CULTURE OF THE MORDVINS-KARATAI AT
THE BEGINNING OF THE XX CENTURY
(BASED ON THE HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC ESSAY BY GURIY
FILIPPOV «MORDVINS ARE CHRISTIANS. FROM THE LIFE
OF THE VILLAGE OF MORDOVIAN KARATAI AND THE VILLAGE
OF MENSITOVO, TETYUSHSKY DISTRICT, KAZAN PROVINCE» (1914))**

Rustam R. Batyrshin

*Institute of the Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Academy of
Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia, bat81@inbox.ru*

Abstract. The article examines the pre-revolutionary ritual culture of a small ethnographic group of Mordovian people – the Mordvins -Karatai. In 1914 G.A. Filippov, a representative of the Kryashen spiritual intelligentsia, published a historical and ethnographic essay «Mordvins are Christians. From the life of the village of Mordovian Karatai and the village of Mensitovo, Tetyushsky district, Kazan province», which presents the history of the emergence and ethno-cultural development of Karatai settlements. The author examines in detail the plots related to the conduct of traditional funeral and wedding ceremonies by local residents.

Keywords: Kazan province, Tetyushsky county, G.A. Filippov, historical and ethnographic essay, Mordvins, funeral rites, wedding rites

For citation: Batyrshin R.R. The traditional ritual culture of the Mordvins-Karatai at the beginning of the XX century (based on the historical and ethnographic essay by Guriy Filippov «Mordvins are Christians. From the life of the village of Mordovian Karatai and the village of Mensitovo, Tetyushsky district, Kazan province» (1914)). *Nasledie i sovremennost' = Heritage and Modern Times*. 2023;6(4):367–375. <https://doi.org/10.52883/2619-0214-2023-6-4-367-375>.

В начале XX в. в Казанской губернии проживало около 40 народностей (по степени владения родным языком). Вместе с русским, татарским и чувашским населением значительную часть составляли представители финно-угорских народов: марийцы, мордва и удмурты. Согласно данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года мордовское население Казанской губернии составляло свыше 22 тыс. человек и проживало, в основном, в Спасском (4,1%, от общего числа населения), Чистопольском (3,2%) и Тетюшском уездах (2,7%). В последнем проживали Мордва-Каратаи – этнографическая группа мордвы. Впервые о Мордве-Каратаях написал русский ученый-энциклопедист, путешественник И.И. Лепехин. Он считал их особым мордовским племенем («родом»), наряду с эрзей и мокшей [1, с. 155].

Этнограф А.Ф. Риттих придерживался другой точки зрения. Он, полагаясь на документы XVI–XVII вв. [2, с. 6, 10], считал, что Мордва-Каратаи являются локальной группой мордовского народа, а термин

«каратаи» не этнический, а географический: «Эти акты и указания еще старше лепехинского открытия, но между тем, он ничего не говорит о том, чтобы каратай было особое колено, а лишь приурочивает мордву к известному месту, которое по звукам этого названия похоже на тюркское каратау, т.е. черная гора. Может быть мордву, жившую в этих местах, болгары называли так по местности, но из этого еще не следует, чтобы каратай составляли отдельное колено, от эрзы и мокши» [3, с. 223].

В 1914 г. в Казани вышел небольшой историко-этнографический очерк: «Мордва-христиане. Из жизни села Мордовские Каратаи и деревни Менситово Тетюшского уезда Казанской губернии», написанный Г.А. Филипповым [4]. Об авторе известно немного: Гурий Алексеевич Филиппов родился в 1892 г. в семье кряшенского священника из с. Баймурзино Тетюшского уезда, в 1913 г. окончил Казанскую духовную семинарию, в 1917 г. – Казанскую духовную Академию, «со степенью кандидата богословия за сочинение «Мухаммеданско-татарское учение о новозаветных событиях и лицах по сборнику Рибгузи «Кысауль амбия» [5], входил в редакционную коллегию «Кряшенской газеты» («Кряшен газеты»), выпускавшейся в 1918 г. [6, с. 108], с 1919 г. являлся действительным членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете [7, с. 243]. Другие его публикации, которые удалось обнаружить, посвящены истории христианского просвещения крещеных татар-мещеряков и практике проведения хороводов среди чувашского и крещено-татарского населения Тетюшского и Цивильского уездов Казанской губернии [8].

Автор очерка не поясняет, посещал ли он рассматриваемые населенные пункты. В тексте присутствуют ссылки на опубликованные материалы середины XIX – начала XX в. Так, Г.А. Филиппов, ссылаясь на справочные данные Казанской Епархии 1908 г., отмечает, что в с. Мордовские Каратаи (Рождественское) проживало 1421 человек, в д. Менситово – 421 человек [4, с. 1]. Все они православные инородцы, говорящие на татарском языке, «...который отличается от казанскотатарского множеством фонетических особенностей кроме того в нем находится значительное число слов, не употребляемых казанскими татарами» [4, с. 1]. По словам автора, «эти инородцы сильно обрусели: они хорошо владеют русским языком, а в последнее время некоторые начинают менять национальный костюм на русский» [4, с. 1]. Далее Филиппов приводит краткие исторические данные о с. Мордовские Каратаи, опубликованные в многотомном издании «Россия. Полное географическое описание нашего отечества...», под редакцией В.П. Семенова [9, с. 380]. Он отмечает, что «инородцы указанных села и деревни – мордовского происхождения».

Согласно местному преданию, первым поселением Мордвы-Каратаев в этих краях была д. Менситово, «...население ее называлось мордвой-мукшилар». Они соседствовали только с татарами, с которыми «жили в тесном общении... Вследствие соседства... мы свой язык забыли

и начали говорить по-татарски» [4, с. 2]. Татарское влияние распространялось даже на личные имена Мордвы-Каратаев. Автор очерка цитирует отрывок из переписной книги, опубликованный в упомянутом выше сборнике С. Мельникова: «Князь Бекбулатовы сотни, в селе Каратаях, а починок Менситов тож, пустые дворы: двор пуст Улешки Алманова с сыном Иматком... двор пуст Улакайки Мокшина с сыном Сенкою... двор пуст Чаки Парамзина... Иртуганки Тобычева с сыном Себачком..., Давытки Чакина... Иштерячки Алтуганова... Енбулатки Муразаева... Ижбулатки Пшнеева... Утяганка Кугушева с сыном Иштерячком...» [4, с. 3].

Татарское влияние среди Мордвы-Каратаев, по мнению Г.А. Филиппова, было настолько сильно, что им «угрожала опасность отпадения в магометанство». В 1827 г. для противодействия дальнейшему росту отпадений, в Свяжский и Тетюшский уезды был направлен протоиерей Иоанн Световидов. Священник должен был посетить, в том числе, с. Мордовские Каратаи, жители которого «нуждались в увещании», но не успел туда попасть. О том, когда местное население было обращено в христианство, «не сохранилось никаких преданий». Филиппов предположил, что оно «... было массовым и совершено возере, которое называется «чукыган кул» – озеро крещения» [4, с. 3]. Автор очерка достаточно подробно описывает традиционный костюм Мордвы-Каратаев. Основой мужской и женской одежды была самотканая рубашка (кульмяк). Г.А. Филиппов выделяет несколько видов женского костюма (жуллы кульмяк, «чибяр кульмяк» ике кайламалы, «урыс кульмяк»), которые отличались друг от друга, прежде всего, орнаментом и расцветкой. Женскую рубашку носили с поясом (урган ситкыслар билгя бувалар); девичий пояс дополнялся гребешками и пустыми орехами (кувуш чикляук). Отличительной особенностью женского костюма было наличие нагрудников, которые украшались монетами (танкярляр, тьякяли сюк). Основной женский головной убор – сорока (сурука), украшенная ожерельями и лентами; девушки украшали волосы лентами из монет (башларына тезгян булган ак мунжака) и серебряными нитками (ука). Повседневной обувью служили лапти (чябата) и белые онучи (ак аякчы). Мужчины носили синие самотканые шаровары (кук штан) и высокие шляпы (куснай шляпа) [4, с. 4].

Большая часть историко-этнографического очерка Г.А. Филиппова посвящена исследованию обычаев и обрядов Мордвы-Каратаев Тетюшского уезда. Эти обряды были насыщены религиозно-магическими ритуалами с молениями и жертвоприношениями в честь богов. Первым описываемым языческим обрядом Мордвы-Каратаев был «таук кляу» – моление о дожде («моление курицей»), проводимый каждой весной. Для осуществления этого обряда сельчане собирали по дворам продукты (крупы, масло, молоко, яйца и т.д.), дрова и относили их на специально отведенную для моления площадку (поляну, лужок – таук келяу чираме). Здесь из пожертвований готовились молочная каша («сутли бутка»),

куриный суп («таук шурпасы») и яичница («жоморка калзясе»). Приготовлением этих кушаний обычно занимались вдовцы («катынсыз ир») и вдовы («ирсез катын»), их называли попами («пуплар»). Также, в качестве жертвоприношения, закалывали кур. После приготовления происходило моление с просьбой о дожде, даровании милости людям и скоту: «жрецы падали на землю, на поверхности которой разбрасывалась соль, и, простирая руки к небу, молили Бога: «бир Ходай безгя жангыр». Завершался обряд коллективной трапезой и обливанием водой «чтобы также шел и дождь». Возле специально установленного ритуального столба сельчане закапывали четыре яйца и белый хлеб [4, с. 4–5].

Следующими языческими обрядами были: моление о воде («су-келяу») и моление о доме («жорт келяу»). Они совершились женщинами, которые специально для исполнения ритуалов пекли белый хлеб «и ночью с молитвой бросали в родники и колодцы», таким образом, задабривая воду, которая имела для мордвы большое практическое значение. Во время моления о доме куски хлеба обмакивались в супе и разбрасывались по углам жилища [4, с. 4–5].

Наиболее подробно в очерке представлено описание поминального обряда Мордвы-Каратаев. В конце XIX – начале XX вв. у мордвы, как и у других православных народов Среднего Поволжья, устраивались общеродовые поминки по всем умершим родственникам. Как правило, они были приурочены к церковным праздникам (Пасхе, Троице), последним крупным поминальным днем в году была Дмитриевская суббота (в дореволюционной России – суббота перед днём памяти великомученика Дмитрия Солунского (26 октября)). Собственные наблюдения, описывающие такое поминовение родственников у Мордвы-Каратаев, Г.А. Филиппов предваряет отрывком из опубликованной статьи С.Е. Мельникова [10] – этнографа, члена Императорского Русского географического общества. В середине 1850-х – начале 1860-х гг. Мельников часто публиковал статьи в «Казанских губернских ведомостях», в том числе, по истории населенных пунктов Тетюшского уезда [11].

По его словам, поминальные мероприятия у Мордвы-Каратаев в Дмитриевскую субботу начинались ближе к полудню. Женщины и дети собирались на кладбище, совершали поминальное моление и устраивали своеобразную трапезу: «Старшая женщина сначала берет ломоть ржаного хлеба, отломив кусочек, кладет в небольшую яму (заранее вырытую прямо на могиле – Р.Б.), потом ест сама и остатки ломтя складывает в пестере, затем берет по куску от всего принесенного кушанья (небольшие пшеничные и ржаные караваи, блины, жаренная рыба – Р.Б.), также ломает и кладет в яму, за ней поступают точно также и все лица, сколько у каждого семейства в наличности, не исключая и маленьких ребят, после кушанья все кладут опять три земные поклона со вздохами, слезами и причитаниями на татарском языке. Вслед за этим старшая мордовка наливает в чашку из принесенного кувшина, или бурака, пиво и отливает

его в эту же ямку, а остатки выливает и передает чашку всем предстоящим по старшинству» [4, с. 6]. Далее поминальный обряд продолжается уже дома, совместно с мужчинами, где также часть еды оставляют для умерших, в специальной чаше, которую после трапезы «выносят на задний двор, выливают...все под пятку задних ворот» [4, с. 7]. После этого застолья продолжаются несколько дней, «а иногда неделю», к ним нередко присоединяются жители соседних селений. С.Е. Мельников называет эти гуляния «праздником поминок». Сельчане носят праздничные костюмы, мужчины выстригают волосы «на вершинке головы, как старообрядцы», в знак уважения к торжеству, а женщины готовят «бавэр» – древнее народное кушанье, жаркое из мяса и мясных субпродуктов, приготовленное в горшочке.

Жители д. Менситово совершали моление об усопших («улдукляр келяу»). По словам Г.А. Филиппова, оно совершалось «один раз в году 25 октября», длилось три дня и на него приглашались только родственники. За неделю до поминовения сельчане варили пиво: «Варка пива сопровождалась особыми церемониями, в присутствии членов семьи. Посередине комнаты хозяин дома ставил пустую корчагу, украшенную разноцветными ленточками; сюда и наливалась часть приготовленного пива. Все члены семьи становились вокруг наполненной корчаги и начинали плакать и причитать об умершем». Основные поминки происходили дома, с застольями: в каждом домена стол ставились угощения (суп, каша, мясо, хлеб, пиво) и совершалась молитва об упокоении души умерших родных. После этого всеугощались, отделяя по кусочку умершим. В последний день поминок закалывали овцу. Во время совершения ритуала кто-то из пожилых жителей произносил молитву, в которой упоминалось: «... умерший не завещал, чтобы о нем плакали, он завещал пить с пением, смехом и пляской». Далее «следовал пир...напоминающий свадебный» [4, с. 8]. Историко-этнографический очерк завершается описанием свадебного обряда у Мордвы-Каратаев. Г.А. Филиппов сразу отмечает схожесть в исполнении свадебных обычаев с русскими и чувашскими традициями. Свадебный цикл у каратаев начинался со сватовства. Родители жениха для предварительных переговоров отправляли в дом невесты свата (жявче). Как правило, сватьями выбирали кого-то из родственников жениха (тетю, дядю или крестных). В доме невесты сват произносил речь: «...у вас есть овца, у нас – баран, соединим их!». В случае согласия стороны начинали договариваться о приданом, состоящем, в основном, из предметов одежды: «...сарафанов, зимних и летних сапог, поясов, платков и пр.». Также обсуждались подарки для родных жениха [4, с. 8–9].

В день венчания в доме жениха снаряжали своеобразный свадебный кортеж для поездки за невестой. В него входили: сваха, родственники и близкие друзья жениха. Когда кортеж подъезжал к дому невесты, ее подруги и родственники запирали ворота и двери, требуя выкупа. Отку-

питься можно было «...мелкой монетой и привезенным с собой вином» [4, с. 9]. После небольшого угощения участники свадебной процессии увозили невесту в церковь, где ее уже ждал жених. После венчания все основные мероприятия проходили уже в доме жениха. Вначале новобрачных во дворе встречали родители жениха «с иконой, хлебом и солью». Молодожены кланялись перед ними и получали благословение. Далее в доме начиналось свадебное застолье, на которое, в том числе, приглашались музыканты. На второй день свадебные гуляния продолжались, теперь уже гости приносили с собой угощения «...вино, пиво, кашу, поросят...». Всем приглашенным предлагалось попробовать кусочек сыра, за который гости должны были заплатить. Собранные деньги «назначались для молодухи». В последний третий день свадебных мероприятий все участники переодевались «...во всевозможные костюмы, кто как может...», некоторые даже изображали «чертей и русалок». Гуляния, с музыкой и плясками, продолжались на улице для того, чтобы сопроводить молодую невесту к ручью («жяш киленга су жулы курсятяляр») [4, с. 9]. Этот обычай был распространен среди мордовского населения Среднего Поволжья. Он означал представление нового члена семьи богине воды Ведь-аве. Невесту выводили к водоему, где она делала богине приношение, обычно кольцо [12, с. 241].

Историко-этнографический очерк Г.А. Филиппова является важным источником по изучению традиционной культуры и истории Мордвы-Каратаев. Исследование традиций обрядовой культуры этой уникальной этнографической группы в дореволюционный период показывает, что в их культуре прослеживаются как черты, характерные для финно-угорских и тюркских народов, так и локальные характеристики.

Литература

1. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. Ч. 1. СПб.: При Имп. Акад. наук. 1771. 538 с.
2. Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым, членом сотрудником императорских обществ географического, археологического и Казанского экономического и членом корреспондентом Казанского губернского статистического комитета, изданные иждивением Казанского Губернского статистического комитета : Т. I. – Казань: Тип. Казанск. Губ. стат. комитета. 1859. 231 с.
3. Риттих А.Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. XIV –ая. В 2-х ч. Ч. 2. Казань: Тип. Императ. Казан. универ-та. 1870. 256 с.
4. Филиппов Г.А. Мордва-христиане: из жизни села «Мордовские Каратаи» и деревни «Менситово» Тетюшского уезда Казанской губернии: (историко-этнографический очерк): Отдельный оттиск из журн. Православный собеседник. Казань: Центральная тип., 1914. 10 с.
5. 100-летие выпуска Казанской духовной академии 1917 года // «Православие в Татарстане» информационно-просветительский сайт Татарстанской митрополии [Элек-

тронный ресурс]. – URL: https://tatmitropolia.ru/all_publications/hramy_tatarstana/?id=65330 (дата обращения 1 сентября 2023 г.).

6. Мухамадеева Л.А. Общественные и культурные институты татар-кряшен в 1917–1940-х гг. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 252 с.

7. Сидорова И.Б. Учёное братство: Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878–1931 годы). Часть 1. Казань: Институт археологии им. А.Х. Халикова, 2014. 304 с.

8. Филиппов Г.А. Из истории христианского просвещения крещеных татар-мещеряков Цивильского и Тетюшского уездов Казанской губернии // ИКЕ. 1915. №37, 39, 40. С. 1038–1043, 1080–1084; его же. Чуваши и татары (Татарско-чувашские девичьи хоры в Тетюшском и Цивильском уездах Казанской губернии) // Иностранное обозрение. 1915. Кн. 10. С. 753–760.

9. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В.П. Семенова; под общ. рук. П. П. Семенова и В. И. Ламанского. Т. 6: Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье: [Казанская, Симбирская, Самарская, Саратовская и Астраханская губернии] / сост. П.А. Ососков [и др.]. СПб.: А.Ф. Девриен, 1901. VIII. 599 с.

10. Мельников С.Е. Поминки или Дмитриевская суббота в селе Каратаях, Тетюшского уезда // Казанские губернские ведомости. 1862. №9. С. 89–90.

11. Агафонов Н.Я., Корсаков В.Д. Указатель статей по археологии, истории и этнографии, помещенных в неофициальной части «Казанских губернских ведомостей» за 1843–1891 гг. // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1892. Т.Х. Вып.1. С. 127–131.

12. Мордва: Историко-культурные очерки / Ред. кол.: В.А. Балашов (отв. ред.), В.С. Брыжинский, И.А. Ефимов; Рук. авт. коллектива академик Н.П. Макаркин. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. 624 с.

References

1. Lepekhin I.I. Dnevnye zapiski puteshestviya doktora i Akademii nauk ad'yunkta Ivana Lepekhina po raznym provintsiyam Rossiiskogo gosudarstva, 1768 i 1769 godu. Ch. 1. SPb.: Pri Imp. Akad. nauk. 1771. 538 s.

2. Akty istoricheskoe i yuridicheskoe i drevnie tsarskie gramoty Kazanskoi i drugikh sosedstvennykh gubernii, sobrannye Stepanom Mel'nikovym, chlenom sotrudnikom imperatorskikh obshchestv geograficheskogo, arkheologicheskogo i Kazanskogo ekonomicheskogo i chlenom korrespondentom Kazanskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta, izdannye izhdiveniem Kazanskogo Gubernskogo statisticheskogo komiteta : T. I. – Kazan': Tip. Kazansk. Gub. stat. komiteta. 1859. 231 s.

3. Rittikh A.F. Materialy dlya etnografii Rossii. Kazanskaya guberniya. XIV –aya. V 2-kh ch. Ch. 2. Kazan': Tip. Imperat. Kazan. univer-ta. 1870. 256 s.

4. Filippov G.A. Mordva-khristiane: iz zhizni sela «Mordovskie Karatai» i derevni «Mensitovo» Tetyushskogo uezda Kazanskoi gubernii: (istorikoetnograficheskii ocherk): Otdel'nyi ottisk iz zhurn. Pravoslavnyi sobesednik. Kazan': Tsentral'naya tip., 1914. 10 s.

5. 100-letie vypuska Kazanskoi dukhovnoi akademii 1917 goda // «Pravoslavie v Tatarstane» informatsionno-prosvetitel'skii sait Tatarstanskoi mitropolii [Elektronnyi resurs]. – URL: https://tatmitropolia.ru/all_publications/hramy_tatarstana/?id=65330 (data obrashcheniya 1 sentyabrya 2023 g.).

6. Mukhamadeeva L.A. Obshchestvennye i kul'turnye instituty tatar-kryashen v 1917–1940-kh gg. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2019. 252 s.

7. Sidorova I.B. Uchenoe bratstvo: Obshchestvo arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (1878–1931 gody). Chast' 1. Kazan': Institut arkheologii im. A.Kh. Khalikova, 2014. 304 s.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

**Батыршин Р.Р. Традиционная обрядовая культура Мордвы-Каратаев в начале...
Наследие и современность. 2023;6(4):367-375**

8. Filippov G.A. Iz istorii khristianskogo prosveshcheniya kreshchenykh tatar meshcheryakov Tsivil'skogo i Tetyushskogo uezdov Kazanskoi gubernii // IKE. 1915. №37, 39, 40. S. 1038–1043, 1080–1084; ego zhe. Chuvashi i tatory (Tatarskochuvashskie devich'i khorovody v Tetyushskom i Tsivil'skom uezdakh Kazanskoi gubernii) // Inorodcheskoe obozrenie. 1915. Kn. 10. S. 753–760.

9. Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva: nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudei / pod red. V.P. Semenova; pod obshch. ruk. P. P. Semenova i V. I. Lamanskogo. T. 6: Srednee i Nizhnee Povolzh'e i Zavolzh'e: [Kazanskaya, Simbirskaya, Samarskaya, Saratovskaya i Astrakhanskaya gubernii] / sost. P.A. Ososkov [i dr.]. Spb.: A.F. Devrien, 1901. VIII. 599 s.

10. Mel'nikov S.E. Pominki ili Dmitrievskaya subбота v sele Karatayakh, Tetyushskogo uezda // Kazanskoe gubernskoe vedomosti. 1862. №9. S. 89–90.

11. Agafonov N.Ya., Korsakov V.D. Ukazatel' statei po arkheologii, istoriii etnografii, pomeshchennykh v neofitsial'noi chasti «Kazanskikh gubernskikh vedomostei» za 1843–1891 gg. // Izvestiya obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete. 1892. T.X. Выр.1. S. 127–131.

12. Mordva: Istoriko-kul'turnye ocherki / Red. kol.: V.A. Balashov (otv. red.), V.S. Bryzhinskii, I.A. Efimov; Ruk. avt. kollektiva akademik N.P. Makarkin. Saransk: Mordov. kn. izdvo, 1995. 624 s.

Сведения об авторе

Батыршин Рустам Рафаэлевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра энциклопедистики, Институт Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия.
E-mail: bat81@inbox.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16.11.2023.
Одобрена после рецензирования: 20.11.2023.
Принята к публикации: 25.12.2023.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Author of the publication

Rustam R. Batyrshin, Ph.D. in History, Senior Researcher at the Center of Encyclopedistics, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia.
E-mail: bat81@inbox.ru

Article info

Submitted: 11.16, 2023.
Approved after peer reviewing: 11.20.2023.
Accepted for publication: 12.25.2023.
The author has read and approved the final manuscript.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕХА И КОЖИ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НАРОДОВ СЕВЕРА

Наталья Михайловна Ведерникова

*Независимый эксперт по нематериальному культурному наследию,
Москва, Россия, sds46@yandex.ru*

Аннотация. Изделия из меха и кожи рассматриваются как наиболее значимый вид бытовых и художественных ремесел в традиционной культуре ненцев и хантов, отражающий взаимосвязи природной и культурной среды. В статье использованы материалы экспедиций автора в Ненецкий автономный округ и Ямало-Ненецкий автономный округ.

Ключевые слова: олень, чум, изделия из меха и кожи, традиции, декор, орнамент

Для цитирования: Ведерникова Н.М. Изделия из меха и кожи в системе культурных ценностей народов Севера // Наследие и современность. 2023;6(4):376–388. <https://doi.org/10.52883/2619-0214-2023-6-4-376-388>.

Original article

Historical Sciences

<https://doi.org/10.52883/2619-0214-2023-6-4-376-388>

FUR AND LEATHER PRODUCTS IN THE SYSTEM OF CULTURAL VAUES OF THE NORTH PEOPLES

Natalia M. Vedernikova

*Independent expert on intangible cultural heritage, Moscow, Russia,
sds46@yandex.ru*

Abstract. Fur and leather products are regarded as the most significant type of household and artistic crafts in the traditional culture of Nenets and Khants, reflecting the relationship between the natural and cultural environment. The article is based on materials from the author's expeditions to the Nenets Autonomous Okrug and the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug.

Keywords: deer, chum, fur and leather products, traditions, decor, ornament

For citation: Vedernikova N.M. Fur and leather products in the system of cultural values of the North peoples. *Nasledie i sovremennost' = Heritage and Modern Times*. 2023;6(4):376–388. <https://doi.org/10.52883/2619-0214-2023-6-4-376-388>.

В традиционной культуре народов Севера ярко прослеживается тесная связь искусства и быта, природных материалов, техник их обработки и декорирования, сохранение в орнаменте мировоззренческих начал – всего того, что составляет основы традиционного ремесла и народного декоративно-прикладного искусства. Традиционные ремесла ненцев и хантов, проживающих в условиях тундры и лесотундры, дают тому убедительное подтверждение.

«В понимании ненцев тундра не имеет определенных границ и не измеряется шириной, – замечает исследователь культуры самодийцев и угров А.Н. Головнев. – Одной из её мер является бесконечный путь, другой – жизнь, а третьей – высота. Может быть, действительно, высотой удобнее всего измерять «неизмеримую даль» [1, с. 230].

Главными приметами жизни в этом пространстве становятся олень и чум. Олень в материальной и духовной культуре народов Севера занимает знаковое место. По легенде верховный бог Нум сначала на земле создал оленей, причем домашний и дикий жили вместе. «На них нападали волки, тогда часть оленей решила идти к человеку. Другая часть была не согласна. Тут они разделились. И олени пришли к человеку, который потом стал их запрягать» [1, с. 120].

Олень определил специфику мужских и женских работ, формы жизни (кочевье), способы передвижения. С оленем связаны сезонные разграничения года (время отела, роста оленей, гона, выбраковка и снятие шкур). Олень – основной источник пропитания. Шкуры оленя материал для изготовления почти всех необходимых вещей. Олень занимает ведущее место в основных обрядах жизненного цикла людей рождении, смерти, календарных праздниках, жертвоприношениях. Олень – символ богатства, щедрого дара, мерило силы, выносливости, красоты. Это отражено в языке, фольклоре, изобразительном искусстве, народных ремеслах, представленных, главным образом, изделиями из меха. Как пишет А.В. Головнев: «...человек живет с оленем, благодаря оленю, подобно оленю» [1, с. 221].

Другим визуальным образом тундры предстает чум, воплощающий дом, тепло, семью. Это особенно ярко прослеживается на рисунках детей народов Севера, на которых изображение оленя и чума становятся образами тундры, как родной земли, в ее визуальном, содержательном и эстетическом восприятии (рис. 1).

В традиционных ремеслах эта мировоззренческая сущность национальных культур, связующая природу, производственно-хозяйственную деятельность человека и бытовую среду проступает особенно ярко. Одним из самых распространенных бытовых и художественных ремесел Севера и Сибири является изготовление изделий из меха и кожи. Этот вид традиционного ремесла, само существование которого определено потребностями быта, получил развитие не только у тундровых ненцев, но и у «лесных» ненцев, проживающих в лесотундровой зоне, а также у хантов и других народов Севера и Сибири, занимающихся оленеводством и охотой (нганасаны, эвенки, долганы, юкагиры, чукчи, коряки и др.).

Рисунок 1 – «Девочка на нарте». Олеся Яркова, 10 лет. Салехард.
Рисуют дети Ямала. М. Институт Наследия, 1996

В условиях Крайнего Севера шкуры оленя стали универсальным поделочным материалом для изготовления самых необходимых бытовых вещей: ими покрывают чум, их стелют на пол, на нарты, из шкур шьют одежду и обувь, головные уборы, сумки для перевозки клади, сумки для рукоделия. Перечень традиционных изделий из меха и кожи включает в себя и множество других изделий – коврики, оленью упряжь, арканы, ремни, обрядовые вещи, такие как бубны, и др. Оленьи жилы в руках мастерицы становятся нитками, а длинный подбородный волос – материалом для вышивок.

Изготовление изделий из меха относится к сфере женского ремесла и охватывает все стадии работы с оленьей шкурой: ее обработку, подготовку нитей из спинных сухожилий оленя, шитье одежды, ее декорирование. Непременная принадлежность каждой женщины – сумка для рукоделия, где мастерица хранит кусочки камуса (шкурки с ног оленя) для орнаментов, отделочный мех, жильные нитки, в специальной игольнице – набор иголок и наперсток. Изготовление изделий из меха, их украшение входят в систему народного трудового воспитания. Для девочки, когда она начинает шить, делают небольшую сумочку (ненец. – тучейку). Эта традиция сохраняется и поныне, передаваясь по женской линии – от матери к дочери.

Первой ступенью в работе с мехом является выделка шкуры, превращающая ее в поделочный материал. Это один из самых трудоемких этапов работы, но вместе с тем очень важный, поскольку в процессе выделки выверяются поделочные и эстетические свойства данного материала, его пригодность для изготовления тех или иных изделий.

Ручная выделка производится в соответствии с традиционной технологией – применения нехитрых приспособлений: досок, специальных скребков; для размягчения мездры используют природные биологические материалы (у каждого из северных народов существуют свои традиционные рецепты выделки шкур, например, содержимое желудка оленя,

труха сгнившего дерева, экскременты животных и др.). В современных мастерских для обработки шкур используют химические реактивы.

Оленья шкура – лишь общее название материала, с которым работает мастерица. При шитье, в первую очередь, учитываются поделочные свойства шкуры – мягкость, пластичность, качество шерстяного покрова. Особую ценность представляют шкурки молодых телят разных возрастов, которые употребляются для изготовления одежды для детей, подкладок головных уборов и рукавиц, выделки первосортной замши. Из шкур шестимесячных телят, имеющих плотную мягкую и густую шерсть, шьют верхнюю одежду. Шкура взрослого оленя служит постелью в жилище, используется для шитья спальных мешков, а также верхней рабочей одежды.

Л.И. Чубарова, художник, знаток искусства северных народов, специалист по работе с мехом и кожей, обратила внимание на то, что мастерица, приступая к изготовлению одежды, разложив шкуру, соотносит ее с телом человека: шкура с головы оленя пригодна для шитья головных уборов, спинная часть шкуры – для плечевой одежды (малиц, женских шуб, детских комбинезонов и т.п.), шкуры с лап – материал для обуви, мужской и женской. Щетки – подкопытный мех, позволяющий оленю не скользить по снежному насту, используется для подбивки лыж.

Из ровдуги – замши из оленьей шкуры изготавливается летняя одежда и обувь, сумки, кошельки и др. Обычно ровдуга окрашивается отваром ольхи или березовой коры, приобретая коричнево-золотистый цвет. Таким образом, в работе со шкурой оленя можно видеть рациональное и полное использование этого уникального природного сырья, который предоставляет мастерице как бы различные виды материалов, отличающиеся прочностью, эластичностью, тепловыми свойствами и декоративностью.

Шитье одежды как исконное домашнее ремесло, сохраняющее глубинные традиции, подтверждается особыми приемами обмера шкур при крое, которыми народные мастерицы пользуются и сегодня. Ладонь и пальцы на руке становятся универсальными модулями измерения материала, позволяющими достаточно точно изготовить изделие нужного размера.

«Шить приходится много – всю жизнь, – замечает исследователь культуры самодийцев А.В. Головнев. – Не считая покрывшек чума, обуви, шапок и многого другого, одних только малиц у мужа должно быть три-четыре. Самой женщине положено иметь четыре-пять ягушек: праздничную, повседневную, самую легкую (для ношения летом), совсем старую (для работы у печи), ночное покрывало для мужа, запасную (что лежит в нарте)» [1, с. 218]. Исследовательница традиционного искусства хантов А.М. Сязи также отмечает, что у хантыйских женщин есть несколько одежд: для дальних поездок: длинные шубы из толстых шкур, такие шубы носят и во время сильных морозов; шубы из шкур средней толщины, надевают во время каслания (переездов), поскольку женщине приходится нередко соскакивать с нарта, бежать по снегу. Помимо этого, есть «шубы для

сна», а также (обычно ношенные) шубы для заготовления дров, для повседневной носки на улице, работ близ чума [2, с. 30].

От умения мастерицы работать со шкурами оленя понимания пластичных и декоративных свойств материала, зависит и качество изготавливаемой вещи, и ее красота. Первое, что обращает на себя внимание – это подбор меха по цвету, длине ворса. В зависимости от того, какая вещь задумана, мастерица подбирает шкуры однотонных или же контрастных цветов. Использование в женской и мужской верхней меховой одежде шкур, сходных по цвету, структуре и качеству волоса, создает в готовом изделии впечатление цельной меховой пластины. Одежда из шкуры белого оленя считается наиболее нарядной, что соотносится с особым почитанием белого оленя. При подборе пестрых шкур часто достигается живописный эффект, что особенно видно в одежде коряков.

Широко используемым декоративным приемом в работе с мехом служит цветовой контраст обычно белого (серого) и коричневого меха. В женской зимней одежде меховые шкуры с изнаночной стороны по цвету обычно контрастны лицевой части одежды. Тот же принцип виден в соединении камусных пластин при шитье обуви, в декоративных отделках головных уборов, сумок и ковриков, в которых соединение светлых и темных кусочков меха служит основой построения орнамента и художественной композиции всего изделия (рис. 2 и 3).

Отделка мехом пушных животных (собаки, росوماхи, песца, ондатры, лисы) шапок, ворота несет в себе не только прагматическую функцию дополнительной защиты от ветра и мороза, но и придает изделиям художественную завершенность. Опушка как важный элемент декора присутствует и в оформлении сумок, ковриков и других изделий.

Традиционная одежда – мужская и женская в максимальной степени отвечает местным климатическим условиям и удобству в работе, что определено ее конструкцией и кроем. Эта во многом объясняет многообразие культур северных народов, особенности одежды, ее приспособленности к местным условиям [3, с. 36–62; 4, с. 64–86; 5, с. 200–208].

Рисунок 2 – Меховая обувь. Ямало-Ненецкий автономный округ (фото автора)

Рисунок 3 – Сумка для клади. Ямало-Ненецкий автономный округ (фото автора)

Малица ненца-оленевода (глухая одежда, мехом внутрь, чуть ниже колен с пришитым капюшоном и рукавицами), не стесняющая движений, позволяет свободно передвигаться, удобна в работе с оленями. «Гусь» – глухая одежда мехом наружу, с капюшоном, длиной намного ниже колен надевается поверх малицы в сильные холода и во время кочевий. Женская одежда (ягушки) ненцев и хантов, живущих в таежной зоне, заметно короче аналогичной одежды тундровых ненцев, которые на стойбище носят длинные распашные шубы (мехом внутрь и наружу), служащие надежной защитой от мороза и ветра, а в чуме – теплым одеялом.

В традиционной культуре народов Севера и Сибири прослеживаются хорошо видимые взаимосвязи человека и среды проживания. Ненец-оленеvod в короткой малице, подпоясанной ремнем, в высоких меховых сапогах с узкими голенищами невольно вызывает сравнение с оленем, а ненка в долгополой шубе, меховом капоре, опушенном песком, ассоциируется с домом – чумом, символизирующим тепло, защищенность. Чум (по мнению Головнева) служит самой верхней одеждой для кочующей семьи, а одежда – «маленьким чумом». Когда оленеvod, слегка сгорбившись и расставив ноги, сидит на нарте, он силуэтом напоминает чум. Зимняя одежда надевается в той же последовательности, что и покрывки чума: сначала обращенная мехом внутрь малица, затем широкий, мехом наружу, совик-гусь. Из двух слов, внутреннего и внешнего, состоит и обувь [1, с. 209]. Так, олень – чум – человек, предстают как звенья единой цепи, определяющей особенности традиционной культуры народов Севера.

Богатство и разнообразие национальных культур проявляется в региональных вариантах изделий одного типа. Об этом убедительно пишет А.М. Сязи, рассмотрев локальные варианты традиционной одежды хантов [2, с. 49–108], проживающих в районах Приобья и Приуралья. Эти различия ярко видны и в сравнении женской меховой одежды малоземельских ненцев (Архангельская область) и ямальских ненцев. Паница – женская меховая одежда малоземельских ненцев (канинских и тиманских, Архангельская обл.), как и ягушка ямальских ненцев, представляет собой распашную шубу, но при этом имеет характерные отличия: подол шубы

HISTORY OF RUSSIA

**Vedernikova N.M. Fur and leather products in the system of cultural values...
Heritage and Modern Times. 2023;6(4):376-388.**

декорирован двумя вставными широкими пластинами из шкур лисы или собаки, а спинка и нагрудная часть украшена крупным мозаичным орнаментом (рис. 4 и 5).

Рисунок 4 – Женская зимняя шуба. Ямало-Ненецкий автономный округ (фото автора)

Рисунок 5 – Женская зимняя шуба. Ненецкий автономный округ (фото автора)

Различия в одежде могут быть следствием межнациональных контактов, определивших культурные заимствования. К примеру, зимние головные уборы ненцев Ненецкого автономного округа Архангельской области, по всей видимости, заимствованы у саамов, некогда проживавших на территории, простирающейся далеко на восток, вплоть до берегов Печоры. У женщин – это высокая шапка из оленьего меха, с верхним горизонтальным швом, по которому выпущены широкие полосы цветного сукна, или высокая меховая шапка с цилиндрическим дном, которую носят и мужчины (заметим, что у сибирских ненцев женский головной убор – это меховой капор, который шьют из шкуры головы оленя) [6, с. 112]. Ненецкий гусь – шуба с капюшоном глухого покроя мехом наружу, выполненная из грубых оленьих шкур, получила распространение у многих сибирских народов, как наиболее удобная при переездах. У камчатских эвенков, проживающих на севере полуострова, традиционная одежда распашного типа, по наблюдениям этнографов, стала заменяться корякской кухлянкой.

Изделия из меха и кожи северных мастериц – яркий пример народного творчества, в котором бытовые и декоративные функции тесно взаимосвязаны. Исследователь народного бытового искусства В.С. Воронов писал: *«Круг вещей обусловлен основными потребностями климата, пола, хозяйства, ремесла, труда; это... продукты сурового и трезвого бытового порядка. Несложный жизненный уклад сказочно обогащен искусством, ибо каждая вещь, входящая в этот небольшой и стесненный круг, служит объектом художественного внимания и труда»* [7, с. 37]. Свои выводы о природе народного художественного ремесла В.С. Воронов сделал, изучая художественные памятники русского крестьянского искусства. Но они оказались справедливы при рассмотрении художественных ремесел самых разных народов, в том числе народов Севера, в культуре которых глубинная связь традиционных ремесел с природной и бытовой средой проступает особенно ярко.

Художественная выразительность изделий, их композиционная завершенность определяется не только их конструктивными особенностями. подборкой меха, опушками. Особую красоту изделиям придают орнаментальные вставки, которые всегда согласованы с общим строем одежды.

Орнамент сибирских народов, как в прошлом, так и в настоящем в наибольшей степени сохраняет свою «знаковость», то есть представляет знаковую систему, передающую жизненно важную информацию: этническую, родовую, региональную принадлежность человека, а также его половозрастные особенности, социальный статус, ситуацию, в которой он находится (одежда повседневная, праздничная, обрядовая). Исходным материалом для передачи информации служит природа во всем ее многообразии, выявляя характер взаимоотношений людей с окружающим миром.

Основной способ орнаментации меховых изделий – мозаика, основывающийся на соединении контрастных по цвету кусочков камуса

(шкурки с ног оленя). В мозаичном геометрическом орнаменте фактура и цвет камуса используются как средство графической прорисовки узоров. Наиболее традиционными орнаментальными формами являются полосы, круги, квадраты, треугольники, ромбы, ломаные линии в их многочисленных вариациях. Мозаичный геометрический орнамент в наибольшей степени сохранил свои древние основы в построении рисунка и наделении его особым содержанием. Однако мозаичный узор никогда не стремится к точному воспроизведению исходного объекта, отраженного в названии. Это своего рода знаки-символы определенных образов – мифологических, зооморфных, природных, бытовых, расширяющих наше представление о взаимосвязях природы и человека.

Орнамент складывается из повторяющихся мотивов, каждый из которых имеет название и обычно служит отделкой определенного вида изделия. При кажущемся сходстве мозаичных фигур у каждого из сибирских народов орнамент обладает своей спецификой, которая находит свое выражение в распространенности тех или иных мотивов, их комбинации, месте расположения на изделии, во введении дополнительных элементов декора (кисточки, ремешки и др.) [2, с. 109–115; 3, 4, 5, с. 205–206].

У ненцев и хантов на всей территории их проживания наиболее часто используемым является мотив «оленьи рога» в его различных модификациях («маленького оленя рога», «рога большого хора», «рога лесного оленя», «сломанные рога» и др.). Орнаментом «оленьи рога» не украшали обувь: «нельзя топтать оленя и его голову» [2, с. 112]. Орнаментом «ножки оленя» орнаментировали одежду, женские шапки и меховые сумки.

Множество орнаментов в культуре сибирских народов связаны с изображением водоплавающих и таежных птиц, а также животных и растений. Со многими из них связаны поверия и обычаи. У хантов это «шея утки узор», «выводок утят узор», «большой чайки крыло», «гусиное крыло», «хвост глухаря» и др. [2, с. 236–237]. Мотивы «щучьи зубы» (другое название «чумики») в виде треугольничков часто сопутствуют основному, более сложному мотиву. В украшении изделий для детей часто используются узоры «головки» и «заячьи уши». Последний связан с почитанием хантами одной из богинь, которая в фольклоре описывается как «покровительница в шапке из зимнего заячьего меха». Мотив «заячьи уши» популярен и у ненцев, проживающих на о. Колгуев. Орнаментом «лисий локоть» ханты часто украшают женскую обувь. Орнамент «зуб белки» встречается на маленьких сумках. У южнообских хантов береза, как и лиственница, относится к сакральной сфере, с этими деревьями связан ряд обрядов и обычаев, что отразилось и в орнаменте, мотивы которого получили название «березовая ветка», «ветвистая ветка березы» и др. [2, с. 114]. В Приуральской тундре мужскую обувь (кисы) часто украшают орнаментом «волчий капкан».

Особого отношения к себе требовал орнамент, изображающий части тела медведя, предписывающий ряд непреложных правил. Вещи с

этим орнаментом должны почитаться, их не смеет носить женщина во время беременности, в этих вещах нельзя ходить на кладбище и священные места. На детской одежде они служат оберегом. Чаще всего «медвежьи» орнаменты украшают мужскую одежду хантов. Ими отделывают рукава малицы, подол, капюшон и рукава парки [2, с. 111].

У хантов, отмечает Сязи, существует много преданий и легенд о мамонте, изображение которого в списке орнаментов значит как «подземного зверя рога». Упоминание мамонта отмечено и в культуре нганасан. Меховая обувь нганасан, имеющая широкие мягкие головки стоп и объемные голенища, по словам одной из нганасанских мастериц, «это ноги мамонта». Возможно, и традиционная ровдужная парка нганасан со множеством длинных свисающих со спины и груди узких кожаных лент навеяна представлениями о мамонтах, некогда населявших Таймыр.

В декоре изделий северных народов часто видим розетку, спирали, ромбы – знаки солнца. У саамов солнце изображалось как четырехугольник (ромб) с отходящими по углам нитями – знак того, что власть солнца распространяется на всю землю [8 с. 143]. Этот орнамент можно видеть на изделиях ненецких мастериц Архангельской области. Композиция большинства кумоланов (круглых меховых ковриков), представляющая собой круг с отходящими от центра треугольными клиньями, которые чередуются по цвету (темный и светлый), также вызывает ассоциации с солнцем (рис. 6).

Рисунок 6 – Коврик (кумолан). Эвенки (фото автора)

Человек, дом (чум) как главная жизненная ценность, присутствуют в орнаменте многих сибирских народов, получая специфические изображения. Из них наиболее популярен ромбовидный узор, имеющий назва-

ния «чум» («чумик»), «голова», «головешки», «мужская голова» («двойные головешки»), «женская голова» («одинарные головешки»), которым украшают женские шубы (ягушки) и обувь (кисы) [5, с. 205–206].

Исходный смысл того или иного орнамента может быть забыт или получить другое название, но культурная традиция украшения изделий у каждого из народов тем или иным видом орнамента оказалась чрезвычайно устойчивой, сохраненной до наших дней. С.В. Иванов свое исследование назвал «Орнамент народов Сибири как исторический источник» (1963). Считая орнамент важнейшим элементом культуры народа, он показал, что при всей своей устойчивости орнамент способен к изменениям, которые могут указывать на происхождение народа, его родственные и культурные связи, культурные контакты. Вместе с тем орнамент всегда сохраняет функцию декора – украшения вещи, в своей стилистике следуя особенностям материала, композиционному строю изделия в целом.

Декоративно-прикладное искусство народов Севера, при всей своей архаичности и консервативности, на протяжении веков изменялось в результате контактов с соседними народами. Культурные пересечения находим в искусстве ямальских ненцев и северных хантов, саамов и северных коми, береговых чукчей и эскимосов, чукчей и коряков, эвенов и якутов, проживающих на севере Республики Саха. Заимствовались тип одежды, бытовая утварь, приемы декора и орнаментальные мотивы, но при этом не происходило полной ассимиляции. Национальное самосознание, базирующееся на родовых преданиях, верованиях, бытовых и художественных традициях, выступало хранителем основ своей культуры.

В XVII в. началось освоение сибирских земель русскими землепроходцами. Развитие торговли, часто носившее характер обмена на пушнину, послужило источником проникновения в эти края новых материалов, таких как цветное сукно, вошедшее в культуру северных народов как материал-заменитель ровдуги, и тонких телячьих шкур. Из сукна стали шить сезонную (весенне-летне-осеннюю) одежду (кроем повторявшую традиционные одежды), летнюю обувь, головные уборы, а также маличники, защищавшие поверхность меховой одежды. Летняя одежда и бытовые изделия из цветного сукна (например, олени праздничные попоны) плотно вошли в традицию саамов, ненцев, хантов, коми, при этом сохранялись традиционные принципы декорирования: цветные ткани соединялись в контрастных сочетаниях (синего и красного, желтого, зеленого и красного, красного и черного), пришивные из сукна полосы украшались суконным же орнаментом, повторяющим узоры меховой мозаики.

Сукно стало использоваться и как отделочный материал в виде пришивных полос, бахромы, кисточек, аппликационных нашивок. Народы Севера и Сибири оценили сукно и как удобный поделочный материал при работе с мехом, облегчающий соединение между собой меховых пластин при шитье изделий – одежды, обуви, головных уборов, сумок из

оленьего меха. Полоски красного сукна, проложенные в конструктивные швы меховых изделий, усиливали их декоративность.

Национальными культурами был освоен бисер, поступавший в сибирские регионы из России, Америки и Китая, а в районы Русского Севера – из Центральной России и Европы. Бисер стал использоваться в украшении одежды, обуви, перчаток, определил особенности женских украшений. Кроме того, бисер позволил широко варьировать традиционные мотивы, создавать многообразные композиции, переводить простейшие орнаментальные формы в сложные узорчатые розетки, способствуя таким образом развитию национальной орнаментики. Бисер вошел в искусство чукчей, эскимосов, коряков, эвенов, дополняя (подменяя) вышивку оленьим волосом. У хантов вышивкой бисером украшают одежду и бытовые изделия, из бисера плетут налобные повязки, свадебные головные уборы, накосники, нагрудные женские украшения, сохраняя в узорочье орнаментальные традиции хантыйского искусства. С появлением городов, поселков люди стали носить одежду городского типа. Но в привычной среде (на стойбищах и в кочевье), занятиях традиционными видами работ устойчиво сохраняется традиционная одежда и бытовая утварь, в полной мере демонстрирующая взаимосвязь природной среды, хозяйственных занятий, бытовых и художественных ремесел.

Литература

1. Головнев А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург. 1995. 606 с.
2. Сязи А.М. Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья. Томск. 2000. 245 с.
3. Чубарова Л.И. Художественные изделия из меха и кожи Чукотского автономного округа. // Сельскому учителю о народных художественных промыслах Сибири и Дальнего Востока. М. 1983. С. 36–62.
4. Чубарова Л.И. Художественная обработка меха Корякского автономного округа // Сельскому учителю о народных художественных промыслах Сибири и Дальнего Востока. М. 1983. С. 64–86.
5. Рафаенко В.Я. Народные художественные ремесла Тюменской области // Сельскому учителю о народных художественных промыслах Сибири и Дальнего Востока. М. 1983. С. 200–224.
6. Ведерникова Н.М. К вопросу о межэтнических связях в искусстве саамов Кольского полуострова // Отражение межэтнических связей в народном декоративном искусстве удмуртов. Ижевск, 1984. С. 108–117.
7. Воронов В.С. О крестьянском искусстве. М., 1972. 320 с.
8. Харузин Н.Н. Русские лопари. М., 1890. 472 с.

References

1. Golovnev A.V. Govoryashchie kul'tury. Traditsii samodiitsev i ugrov. Ekaterinburg. 1995. 606 s.
2. Syazi A.M. Ornament i veshch' v kul'ture khantov Nizhnego Priob'ya. Tomsk. 2000. 245 s.
3. Chubarova L.I. Khudozhestvennye izdeliya iz mekha i kozhi Chukotskogo avtonomnogo okruga. // Sel'skomu uchitelyu o narodnykh khudozhestvennykh promyslakh Sibiri i Dal'nego Vostoka. M. 1983. S. 36–62.
4. Chubarova L.I. Khudozhestvennaya obrabotka mekha Koryakskogo avtonomnogo okruga // Sel'skomu uchitelyu o narodnykh khudozhestvennykh promyslakh Sibiri i Dal'nego Vostoka. M. 1983. S. 64–86.
5. Rafaenko V.Ya. Narodnye khudozhestvennye remesla Tyumenskoi oblasti // Sel'skomu uchitelyu o narodnykh khudozhestvennykh promyslakh Sibiri i Dal'nego Vostoka. M. 1983. S. 200–224.
6. Vedernikova N.M. K voprosu o mezhetnicheskikh svyazyakh v iskusstve saamov Kol'skogo poluostrova // Otrazhenie mezhetnicheskikh svyazei v narodnom dekorativnom iskusstve udmurtov. Izhevsk, 1984. S. 108–117.

Сведения об авторе

Ведерникова Наталья Михайловна, независимый эксперт по нематериальному культурному наследию, Москва, Россия.
Email: sds46@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16.09.2023.
Одобрена после рецензирования: 20.10.2023.
Принята к публикации: 25.10.2023.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Author of the publication

Natalia M. Vedernikova, Independent expert on intangible cultural heritage, Moscow, Russia.
sds46@yandex.ru

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 09.162023.
Approved after peer reviewing: 10.20.2023.
Accepted for publication: 10.25,2023.
The author has read and approved the final manuscript.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

THEORY AND HISTORY OF CULTURE, ART

Научная статья

Культурология

УДК 502

<https://doi.org/10.52883/2619-0214-2023-6-4-389-404>

МЕСТО И РОЛЬ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В СОХРАНЕНИИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Юрий Александрович Веденин

*Институт географии Российской Академии наук, Москва, Россия,
Vedenin37@gmail.com*

Аннотация. В статье подчёркивается особое назначение объектов наследия, расположенных на особо охраняемых природных территориях (ООПТ). Именно благодаря таким объектам сохраняется историческая память о взаимодействии человека и природы, расширяется наше представление о подлинности наследия, поскольку истинная подлинность может быть достигнута только в том случае, если вмещающие их культурные и природные ландшафты в течение долгих лет оставались не затронутыми интенсивной деятельностью человека или использовались для традиционного природопользования – охоты, рыбной ловли, выпаса скота, земледелия и других видов деятельности, не связанных с деструктивным воздействием на природные ландшафты. Наиболее заметно ведущая роль ООПТ проявляется в связи с сохранением сакрального, этнографического и археологического наследия, памятников традиционного природопользования, этнологии, исторических коммуникаций, образцов традиционной хозяйственной и социокультурной деятельности. В статье ставится вопрос о необходимости установления тесных контактов между органами охраны культурного наследия и охраны природы, а также подчинёнными им учреждениями, в первую очередь, природными заповедниками, национальными и природными парками, музеями-заповедниками и музеями-усадьбами.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, особо охраняемые природные территории, культурный ландшафт

Для цитирования: Веденин Ю.А. Место и роль особо охраняемых природных территорий в сохранении объектов культурного наследия. *Наследие и современность*. 2023;6(4):389-404. <https://doi.org/10.52883/2619-02142023-6-4-389-404>.

Благодарности. Статья выполнена в рамках ГЗ ИГ РАН «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности» №0148-2019-0008, №AAAA-A19-119022190170-1.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

© Веденин Ю.А., 2023

© Наследие и современность, 2023

PLACE AND ROLE OF SPECIALLY PROTECTED NATURAL AREAS IN THE PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS²

Yuri A. Vedenin

*Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
Vedenin37@gmail.com*

Abstract. The article emphasizes the special purpose of heritage sites located in specially protected natural areas (SPNA). Historical memory of the interaction between man and nature is preserved and our understanding of the authenticity of heritage is expanded due to these objects, as true authenticity can only be achieved through the cultural and natural landscapes, that contain heritage sites, for many years they remained unaffected by intensive human activity or were used for traditional environmental management – hunting, fishing, grazing, farming and other activities not associated with a destructive impact on natural landscapes. The leading role of protected areas is most noticeably manifested in connection with the preservation of sacred, ethnographic and archaeological heritage, monuments of traditional environmental management, ethnology, historical communications, and examples of traditional economic and sociocultural activities. The article raises the question of the need to establish close contacts between bodies for the protection of cultural heritage and nature conservation, as well as institutions subordinate to them, primarily nature reserves, national and natural parks, museum reserves and estate museums.

Keywords: cultural heritage sites, specially protected natural areas, cultural landscape

For citation: Vedenin Yu.A. Place and role of specially protected natural areas in the preservation of cultural heritage objects. *Nasledie i sovremennost' = Heritage and Modern Times*. 2023;6(4):389–404. <https://doi.org/10.52883/26190214-2023-6-4-389-404>.

Acknowledgment. The article was carried out within the framework of the State Budget of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences “Problems and Perspectives prospects for the territorial development of Russia in conditions of its unevenness and global instability” No. 0148-2019-0008, No. AAAA-A19-119022190170-1.

Культурное наследие и особо охраняемые природные территории

Одной из важнейших функций культурного наследия является сохранение исторической памяти о взаимодействии человека и природы [1]. В связи с этим особый интерес представляют те объекты наследия, которые расположены на особо охраняемых природных территориях (ООПТ) [2, 3, 4]. Казалось бы, роль культурного наследия на ООПТ вторична. Ведь подобные территории создаются «в целях сохранения уникальных и типичных природных комплексов и объектов, достопримечательных

природных образований, объектов растительного и животного мира, их генетического фонда, изучения естественных процессов в биосфере и контроля за изменением ее состояния, экологического воспитания населения» [5]. Однако, именно на таких территориях в наибольшей степени сохранилась окружающая среда, соответствующая тому времени, когда были созданы и в течение длительного времени функционировали объекты культурного наследия. Это, как правило, территории, которые в течение долгих лет оставались не затронутыми интенсивной деятельностью человека или использовались для традиционного природопользования – охоты, рыбной ловли, выпаса скота, земледелия и других видов деятельности, не связанных с деструктивным воздействием на природные ландшафты.

Для того, чтобы наше дальнейшее повествование было более содержательным, я хотел бы напомнить читателям о том, как в настоящее время формулируется понятие «культурное наследие». В соответствии с Федеральным Законом РФ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 2002 года к культурному наследию относятся «объекты недвижимого имущества со связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники, иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры» [6].

Первое важнейшее свойство культурного наследия, на которое указывается в данном определении – это его аутентичность или подлинность. В роли наследия рассматриваются только те объекты, которые выступают источниками достоверной информации о зарождении и развитии культурных ценностей, которые создавали наши предки на протяжении длительного процесса формирования человечества. Второе важнейшее свойство наследия – это его тесная связь с территорией, обеспечивающей сохранность исторически сложившейся окружающей среды. Из этого следует вывод о том, что истинная подлинность объекта наследия может быть достигнута только в том случае, если представление о подлинности распространяется не только на сами объекты наследия, но и на вмещающее данные объекты наследия культурные и природные ландшафты.

Таким образом, объекты, вырванные из своей исторической и традиционной среды, уже не могут рассматриваться как полноценные образцы культурного наследия. Всё это позволяет понять, что именно на особо охраняемых природных территориях (ООПТ) могут быть созданы условия, в наибольшей степени соответствующие представлению об истинной подлинности культурного наследия.

Особая роль ООПТ в сохранении различных видов культурного наследия

В настоящее время ООПТ охватывают практически все, за исключением исторических городов, виды наследия. Наибольший вклад ООПТ в сохранение культурного наследия связан со сбережением и защитой сакральных и этнокультурных ценностей, археологических объектов, мест, связанных с творчеством выдающихся литераторов и художников, а также наиболее ярких образцов исторического и традиционного природопользования [7, 8, 9]. Специфическим признаком ООПТ является то, что в роли объектов культурного наследия там выступают не только созданные человеком сооружения и артефакты, но и природные образования – горные вершины и скальные формы рельефа, естественные водоёмы и водотоки – ручьи, водопады, озёра, ключи, а также растительные сообщества и даже отдельные деревья [8].

Значительная часть объектов культурного наследия на ООПТ тесно связана с духовной жизнью местного населения, с традиционными поверьями народов, жизненный уклад которых в течение многих веков определялся их особым отношением к природе. Множество таких сакральных объектов размещается на территории национальных парков. Это священные скалы «Старик-хозяин» и «Каменная баба» в национальном парке «Югыд ва» и легендарный «Синий камень» (моренный валун – объект языческого культа) в национальном парке «Плещеево озеро». Несомненный интерес представляет знаменитая «Китовая аллея» (древнее культовое сооружение) в национальном парке «Берингия», священная гора Мунку-Сардык в Тункинском национальном парке, мыс Буркан – одна из основных святынь бурятского народа в Прибайкальском национальном парке, места обитания великих и грозных духов – хозяев гор, рек, ущелий, водопадов, скопление священных скал-останцев, вокруг которых ежегодно собираются паломники в национальном парке «Алханой» в Забайкальском крае. В Кенозерском национальном парке (Архангельская область) сохраняются священные рощи, происхождение которых многие исследователи связывают с дохристианскими религиями.

Важную роль в сбережении сакральных ценностей играют природные парки, природные заказники и памятники природы. Особо следует выделить: памятник природы «Урочище Савинская Саксония» (Савинские скалы – обиталище духа легендарного байкальского ветра – Баргузин) в Бурятии, природный парк Уч-Энмек (многочисленные стелы и менгиры) в Горном Алтае, природный заказник Агинская степь в Забайкалье (в урочище Малый Батор расположены священные скалы и валуны, к северу от урочища – ритуальный комплекс скальных останцев, в том числе Камень-Котел или Чаша Чингиз-хана), природный парк «Воскресенское Поветлужье (озеро Светлояр, связанное с легендой о граде Китеже) в Нижегородской области. Множество сакральных объектов

расположено в природных заповедниках. Это гора Белуха – культовый объект для буддистов и последователей Рериха в Катунском заповеднике (Горный Алтай), остров Столб и скальный массив Таба-Бастак – святые места в Усть-Ленском заповеднике (Якутия), урочище Адун-Челон – священное место для приверженцев буддизма в Даурском заповеднике (Забайкалье) и т.д.

Чрезвычайно важное место в деятельности ООПТ занимает охрана исторических и традиционных форм природопользования [4, 9] Уникальные образцы подобного наследия можно увидеть на территории многих национальных парков: Куршской косы (система специальных укреплений, обеспечивающих защиту уже сложившихся песчаных дюн и предотвращение деструктивного перемещения песка по территории косы), Орловского полесья (многочисленные каналы на месте бывших торфоразработок), Мещерского (множества каналов, оставшихся от мелиоративных работ, проводившихся в конце XIX века). Весьма важными для истории природопользования представляются сохранившиеся до наших дней фрагменты древних земледельческих террас (национальный парк «Алания») и пастушеских хозяйств в национальном парке «Сочинский». История промышленного природопользования в границах национальных парков запечатлена в заброшенных геологических базах, карьерах и торфоразработках, солеварнях, бывших местах углежжения и металлургических плавков. Уникальные образцы древних горных выработок сохранились в национальном парке «Таганай» в Челябинской области, на территории национального парка «Самарская лука» подземные известняковые каменоломни [4].

Некоторые ООПТ создаются в местах, богатых объектами археологического наследия, многие из которых обладают высокой историко-культурной ценностью и являются весьма привлекательными для туристов. Среди них многочисленные дольмены Сочинского национального парка, галерея наскальных рисунков на скале Саган-Заба в Прибайкальском национальном парке. Особенно много объектов археологического наследия находится в природных заповедниках. На территории Шульган-Таша в Башкирии располагается Капова пещера с уникальными образцами наскальной живописи. В Алтайском заповеднике, на берегах памятника природы «Телецкое озеро» можно увидеть древние тюркские изваяния, в Хакасском заповеднике находятся плиточные курганы, в которых сохраняются древние захоронения, а также петроглифы и остатки средневековой крепости. Убсанурская котловина известна, прежде всего, тем, что там расположены скифские, гунно-сарматские и тюркские курганы, а важную роль в сохранении археологического наследия играют природные парки. В качестве примера можно привести природный парк Ак-Чулушпа, где в урочище Пазарык расположены курганы и погребальные сооружения в виде каменных насыпей и природный парк Уч-Эрмек, где сохраняются каменные стелы, балбалы и наскальные рисунки. Наконец,

некоторые ценные объекты археологического наследия включены в списки памятников природы. В Республике Хакассия выделен природно-исторический памятник природы регионального значения «Горная гряда Сундуки», где находятся многочисленные наскальные рисунки, развалины крепостных стен и святилищ, курганы, стелы и менгиры. Кстати, проблема сохранения объектов археологического наследия может быть весьма актуальна на ООПТ ещё и потому, что именно там могут быть опробованы современные методы исследования культурного слоя, включающие традиционные раскопки.

Велика роль ООПТ в сохранении памятников науки и инженерного искусства: железных дорог, мостов, маяков, пирсов, метеостанций, исторических обсерваторий и т.д. Несомненный интерес представляет охрана исторических путей сообщения – сухопутных и водных, сохранившихся объектов транспортной инфраструктуры. Особое место в системе объектов, обладающих особой историко-культурной ценностью, занимают исторические водно-канальные системы, включающие старинные гидроэлектростанции, судоходные каналы, водонасосные станции и т.д. Среди них уникальная Северо-Двинская водно-канальная система в национальном парке «Русский Север», Мытищинская водонасосная станция (1897–1906 г.) в национальном парке «Лосиный остров», Воткинская ГЭС с водохранилищем в национальном парке «Нечкинский». На территории Валдайского национального парка можно познакомиться с водно-канальной системой, созданной ещё в XIX веке. Там до сих пор сохраняется Боровновская ГЭС, в основе функционирования которой лежит продуманное использование свойств естественного ландшафта [10].

На территории национального парка Угра в качестве особо ценных историко-культурных объектов рассматриваются старинные дороги, использовавшиеся ещё для гужевого транспорта. Среди них наиболее известен Гжатский тракт. В течение полутора столетий эта дорога, проходившая через Юхновский уезд, являлась важнейшей транспортной артерией, связывающей новую столицу России – Санкт-Петербург с южными губерниями, обеспечивающей её хлебом и другими товарами. Один из фрагментов этой дороги, длиной около 4 километров, до сих пор сохраняет свой внешний облик и некоторые элементы её обустройства – два-три ряда дорожного полотна, разделённые аллеями посадками и кюветами [11].

Особое место в деятельности ООПТ, касающейся охраны объектов культурного наследия, занимают военно-исторические памятники и, прежде всего, места наиболее значимых для истории страны военных сражений [12]. Одно из таких мест расположено на территории национального парка Угра. Это Великое противостояние на Угре, где в 1480 году происходили сражения между русскими войсками под руководством великого князя Московского Ивана III, и войском Большой Орды, возглавляемым ханом Ахматом. Многие парки, расположенные на западе

Европейской части России, сохранили на своей земле свидетельства битв, происходивших во времена Отечественной войны 1812 года, Первой мировой войны и Великой Отечественной войны. В ряде мест сохранились свидетельства этих событий – окопы, рвы, ДОТы и ДЗОТы. Это тема наиболее всего разработана и представлена в национальных парках Смоленское Поозерье и Угра. Особый интерес представляет тема партизанского движения. С ней можно познакомиться на территории природного биосферного заповедника «Брянский лес» и природного заказника Трубчевский партизанский лес.

Ведущую роль в сохранении архитектурного наследия играет министерство культуры и его региональные отделения. При этом долгое время основное внимание органов охраны культурного наследия обращалось на сохранение отдельных архитектурных сооружений – жилых, общественных, религиозных и промышленных зданий, а также городских (кремлей, исторических центров, площадей и кварталов), монастырских и усадебных ансамблей. При этом роль связанной с этими объектами исторической среды оставалась недооценённой. Это особенно заметно проявилось в создании музеев под открытым небом («скансенов»).

Первый такой музей появился в Стокгольме в имении Бургмана в 1891 году. Своё название он получил в связи с тем, что рядом с имением Бургмана была расположена небольшая крепость (по-шведски «scans»). В нашей стране создание первого скансена было инициировано известным советским реставратором П.Д. Барановским. Ещё в конце 1920 – начале 1930-х гг. он пытался организовать такой музей в подмосковном селе Коломенском [13]. У него появились оппоненты. В частности, против этой идеи, предполагающей перенесение исторических памятников на специально выделенную для этого территорию, выступила заместитель наркома просвещения РСФСР Н.К. Крупская, вдова Ленина. В 1930 г. она написала, что «всесоюзный отбор» и «своз характерных деревянных построек» из разных мест связан с их предварительным разрушением и отрывом от естественной обстановки». Она горячо поддержала предложение о создании в России национальных парков, ориентированных на сохранение памятников в их исторической природной среде [14]. Однако, идея создания «скансенов» оказалось чрезвычайно привлекательной для многих чиновников и специалистов, работающих в области охраны архитектурного наследия. В 1960–1970-х годах в СССР, в том числе и на территории современной Российской Федерации, появилось множество таких музеев. Среди них Малые Карелы в Архангельской области, Витиславицы в Новгородской области, Кижы в Карелии, архитектурно-этнографический музей Прикамья и т.д.

Вместе с тем, в те же годы в стране началось формирование сети музеев-заповедников и музеев-усадоб. Это чаще всего были центры исторических городов, бывшие монастыри и мемориальные усадьбы. В отличие от музеев под открытым небом они создавались на своих «родных» террито-

риях и были ориентированы на сохранение и презентацию архитектурного наследия памятников в традиционной исторической среде. Однако в наиболее полной мере идея сохранения объектов архитектурного наследия и окружающей их среды как целостного системного образования была реализована в результате формирования ООПТ. Более того, ряд российских ООПТ были созданы специально для того, чтобы сохранить места концентрации архитектурных ансамблей и отдельных памятников архитектуры всемирного, федерального и регионального значения с их исторической средой. В качестве примера следует назвать Кенозерский национальный парк и национальный парк Угра. В Кенозерском парке особую ценность представляют памятники деревянного зодчества – два ансамбля – Порженский и Почозерский погосты, а также многочисленные часовни, каждая из которой имеет своё уникальное архитектурное решение. Кроме того, здесь можно увидеть множество обетных крестов, а также традиционные для этой местности избы, амбары, бани и т.д.

На территории национального парка Угра сохранились известнейшие в России монастыри, в частности Оптина Пустынь и Шамардинский, а также усадебные комплексы, в том числе Павлицев Бор Ярошенко и Галкино Мятлевых. Ещё одним примером использования статуса ООПТ для охраны архитектурного наследия является природный парк «Валаамский архипелаг» в Карелии. На территории парка размещается СпасоПреображенский монастырь, множество, скитов, часовен, поклонных крестов. На территории самого крупного острова архипелага – Валаам, благодаря деятельности монахов, послушников и трудников был создан дендропарк, в котором растут экзотические для этих мест растения, многие из которых были завезены из самых разных континентов, регионов и стран.

В настоящее время всё чаще обращают внимание на необходимость изучения, фиксации и сохранения нематериального наследия. Это нашло отражение в международных документах (Конвенция ЮНЕСКО) и Российском федеральном законе «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации». В соответствии с принятой в ЮНЕСКО специальной конвенцией в качестве нематериального культурного наследия рассматриваются «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, – а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, – признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека» [15].

В этом определении подчёркивается, что сохранить нематериальное наследие можно только в тесном взаимодействии с местным коренным

населением, которое также как объекты культурного и природного наследия, является предметом охраны и требует особой поддержки, обеспечивающей с одной стороны современные потребности человека в комфортной среде их обитания, а с другой сохранение его традиционных культурных ценностей. Во многих регионах России до сих пор можно встретиться с живыми образцами этнокультурного нематериального наследия – обряды, обычаи, традиционные формы ремесел, кулинарного искусства, фольклор. Это, прежде всего, регионы Сибири и Дальнего Востока, места проживания народов, основные занятия которых связаны с традиционными видами природопользования – выпасом скота, охотой и рыбной ловлей.

Важнейшая роль в сохранении культурного нематериального наследия принадлежит ООПТ. Именно на ООПТ, расположенных в Сибири и Дальнем Востоке, где проживают коренные малочисленные народы, в наибольшей степени сохраняется нематериальное наследие. Это касается самых разнообразных видов наследия – фольклора, религиозных обрядов, технологий природопользования и т.п. Одним из важных направлений деятельности в ООПТ может стать фиксация памяти о нематериальном наследии, о местах, где оно впервые было обнаружено, о людях, которые выступали в роли носителей этого наследия, об истории его открытия и фиксации. Это может быть продемонстрировано на примере Кенозерского парка, где был создан уникальный музей, рассказывающий об учёных, работавших в парке в течении XIX–XX веков и записавших уникальные образцы русского фольклора, о народных сказителях, со слов которых были записаны многие былины, сказания, песни, об их потомках, которые продолжают жить на этой земле или связаны с ней по своей жизни.

Самое серьёзное внимание должно быть уделено сохранению местной топонимики, одного из важнейших видов нематериального наследия на ООПТ. Следует также подчеркнуть важность сохранения названий природных элементов ландшафта – урочищ, озёр, речек, ручьёв и ключей, возвышенных мест, балок и оврагов, названия бывших полей и покосов, следы от проходивших здесь когда-то границах между земельными участками.

Культурные ландшафты как один из основных видов наследия на ООПТ

Одним из важнейших объектов культурного наследия на ООПТ и прежде всего на территориях национальных парков и природных заповедниках выступают культурные ландшафты [8]. Включение культурного ландшафта как объекта наследия в практику природоохранной деятельности и охраны памятников истории и культуры позволяет рассматривать множество движимых и недвижимых памятников истории и культуры, памятников природы, ценностей нематериальной культуры в рамках единого и целостного культурно-природного комплекса.

В качестве наиболее распространённых на ООПТ видов культурных ландшафтов следует назвать естественно (спонтанно) сформировавшиеся традиционные сельские и этнокультурные ландшафты (последние чаще всего связаны с жизнью малых коренных народов, сохранивших самую тесную связь с природной средой), а также ассоциативные мемориальные ландшафты.

Традиционные сельские ландшафты включают селитебную компоненту, прежде всего, деревни с жилыми домами, церквями или часовнями, хозяйственными постройками, амбарами, сараями, колодцами, с примыкающими к ним полями, лугами, водоёмами и лесными угодьями [16, 17]. Наиболее ярко этот тип культурного наследия представлен в национальных парках, расположенных в Европейской части России, в районах, где долгое время сохранялась довольно плотная сеть сельских поселений. В настоящее время, основная часть местного населения, некогда проживавшего на ООПТ, выехала из этих мест. И лишь немногие из оставшихся там людей продолжают заниматься традиционными формами сельского хозяйства, благодаря которым был создан и долгое время сохранялся исторический культурный ландшафт. В результате этого расположенные там поля и луга практически не используются и зарастают лесной растительностью. Очень быстро исчезают и многие деревни. Заброшенные дома превращаются в руины и от них сохраняются лишь фундаменты и остатки срубов. В относительно хорошем состоянии сохраняются лишь те дома, которые используются горожанами в качестве дач. Однако память о историческом культурном ландшафте до сих пор сохраняется. Это материальные свидетельства существования там бывших деревень, дорог, границ между исчезнувшими сельскохозяйственными угодьями, топонимика и т.д.

Этнокультурные ландшафты. Одним из весьма распространённых видов культурных ландшафтов на ООПТ являются этнокультурные ландшафты. В настоящее время это, прежде всего, места расселения малых коренных народов Сибири и Дальнего Востока, продолжающих жить в тесном контакте с природой. При этом, в отличие от сельскохозяйственных ландшафтов Европейской части России, в этих ландшафтах до сих пор сохраняются традиционные формы природопользования и используемые для этих целей угодья [8, 18]. На этих территориях сохраняются сакральные места, связанные с традиционными религиями, объекты поклонения коренного местного населения. При этом, большая часть таких объектов – это элементы природного ландшафта – озёра, реки и ключи, горные вершины, ущелья, останцы, рощи или отдельные деревья.

Ассоциативные мемориальные ландшафты, связанные с жизнью и творчеством исторически значимых личностей (государственных деятелей, учёных, деятелей культуры и искусства). В системе ООПТ мы можем назвать ряд национальных парков, в которых наиболее полно представлен этот вид культурного ландшафта. Так, например, организа-

цию Мещёрского национального парка во многом определило творчество К.Г. Паустовского [19]. Фактически именно Паустовский открыл значимость и величие Мещерского края, красоту и привлекательность его дремучих лесов, таинственных озёр и людей, населяющих эту Землю. На Валдае до сих пор помнят о том, что многие произведения Виталия Бианки написаны в деревне Боровно, расположенной на берегу Боровенского озера. И именно там регулярно проходят Бианковские чтения. Творчество Бианки стало визитной карточкой Валдайских ландшафтов. Ценность Кенозерья как объекта наследия во многом обусловлена тем, что здесь долгое время сохранялись и были записаны уникальные образцы нематериального наследия – старинные былины, сказания, обряды и обычаи, что там работали замечательные русские исследователи фольклора – Николай Павлович Рыбников, Александр Федорович Гильфердинг, братья Борис и Юрий Соколовы.

Перспективы сохранения и использования культурного наследия на ООПТ

Многие объекты, обладающие историко-культурной ценностью, расположенные на ООПТ, в настоящее время уже признаны объектами наследия и включены в соответствующие реестры. Это архитектурные памятники, памятники археологии, истории, монументального искусства. Эта работа должна быть продолжена. Все аналогичные объекты должны быть выявлены и поставлены на государственную охрану. Впоследствии они могут быть отреставрированы в соответствии с программами, финансируемыми Министерством культуры и региональными органами охраны объектов культурного наследия.

Однако значительная часть ценных в историко-культурном и научном отношении объектов, всё ещё не поставленных на государственную охрану, остаётся незащищенной и может быть в любой момент утрачена. Это, прежде всего, памятники традиционного природопользования, этнологии, исторические водные и сухопутные коммуникации, гидротехнические сооружения, сакральные объекты и образцы традиционной хозяйственной и социокультурной деятельности. К ним могут быть отнесены сохранившиеся до наших дней жилища, амбары, сараи, бани, колодцы, охотничьи избушки и т.д. сельскохозяйственные угодья, лесные массивы и болота, в течении нескольких столетий используемых для традиционной деятельности местного населения – для сбора грибов и ягод, охоты.

Очевидно, что для того, чтобы ввести их в правовое пространство, необходима определённая корректировка национального законодательства. Но решение этой проблемы не терпит отлагательств. Поэтому следует с большим вниманием отнестись к уже имеющимся в настоящее время законам и нормативным актам. На их основе многие из этих проблем могут быть решены. Для этого на территории национальных парков и запо-

ведников необходимо выделить ценные в историко-культурном отношении территории и установить для них статус достопримечательных мест. Представление о достопримечательном месте было введено в наше законодательство по аналогии с Конвенцией о Всемирном культурном и природном наследии.

В настоящее время, в связи с принятием Федерального закона «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» появилась возможность охраны нематериального наследия народов, проживающих на территории России, в том числе и на ООПТ. Это устное творчество и традиции и формы их выражения, формы традиционного исполнительного искусства, традиционные формы обрядов, празднеств, обычаев, игр, знаний, технологий, навыков, проявляющихся в укладах жизни и традиционных ремёслах народов и этнических групп. Выделение на территории особо охраняемых территорий достопримечательных мест и применение нового закона, регулирующего охрану нематериального этнокультурного наследия поможет противостоять деструктивному натиску урбанизации и не соответствующей требованиям охраны этих территорий хозяйственной деятельности.

Уже давно у специалистов, работающих в системе особо охраняемых природных территорий и в сфере сохранения культурного наследия, сформировалось представление о необходимости установления тесных контактов между органами охраны культурного наследия и охраны природы, между подчинёнными им учреждениями, в первую очередь, между природными заповедниками, национальными и природными парками, музеями-заповедниками и музеями-усадьбами. Именно эти учреждения являются в настоящее время ведущими субъектами, осуществляющими деятельность по сохранению и эффективному использованию культурного и природного наследия как комплексных территориальных образований.

В нашей стране уже были попытки объединения усилий Министерства культуры и Министерства природных ресурсов и экологии РФ к управлению историко-культурными территориями. Однако большая часть таких инициатив до сих пор оканчивалась провалом. Так, например, в 1990-х гг. было принято решение о включении территории музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита» в Список особо охраняемых природных территорий Смоленской области. Однако каких-либо эффективных действий по реализации такого решения со стороны Министерства культуры или природоохранных ведомств не было предпринято; фактически музей-заповедник был отстранён от охраны природы и вследствие этого не мог противостоять негативным процессам, которые происходили и происходят на его территории.

В недавнем прошлом обсуждался вопрос об организации на территории некоторых музеев-заповедников природных заказников. Попытка реализовать эту идею была предпринята в музее-заповеднике «Куликово поле». К сожалению, эту идею не удалось реализовать, хотя была

разработана вся документация, необходимая для решения этого вопроса. До сих пор на повестке дня стоит вопрос об организации природного заказника на территории Соловецкого музея-заповедника. Это особенно важно сделать сейчас, поскольку министерство культуры воспрепятствовало принятию уже разработанного и получившего положительную оценку государственных экспертов проекта достопримечательного места, в котором было предусмотрено сохранение всех природных объектов, обладающих историко-культурной ценностью и расположенных на территории Соловецкого архипелага.

В настоящее время многие страны уже решили проблему объединения усилий по сохранению и эффективному использованию объектов культурного и природного наследия, историко-культурных и природных территорий. Примерами этому служат опыт Службы национальных парков США, управляющих как природными, так и историко-культурными территориями, а также скандинавских стран, прежде всего Норвегии, где департамент охраны культурного наследия находится в составе Министерства экологии. В нашей стране эта тема также неоднократно обсуждалась.

Ещё в начале 1990-х годов Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия ставил вопрос о необходимости создания межведомственной комиссии по охране культурного и природного наследия, в которую входили бы представители Минкультуры и Минприроды, а также других ведомств, так или иначе связанных с этой проблемой. В августе 2007 года в Кенозерском парке впервые собрались вместе представители музеев-заповедников и национальных парков. В том же году в Каргополе было проведено совещание директоров национальных парков и природных заповедников России. На этом совещании была принята резолюция, в которой говорилось о необходимости координации деятельности федеральных и региональных органов власти, ответственных за сохранение культурного и природного наследия. Тогда же были выдвинуты предложения об организации специального органа, в задачи которого входило бы регулирование деятельности по сохранению объектов культурного и природного наследия и прежде всего, особо охраняемых территорий. В качестве образца предлагалось рассматривать Службу национальных парков США.

Создание Российской службы культурного и природного наследия должно обеспечить реализацию программы перехода от современной структуры управления деятельности по охране наследия, имеющей ярко выраженный ведомственный характер к более эффективной системе управления, обеспечивающей полноценную и всеобъемлющую охрану всех видов наследия с возможностью привлечения специалистов самого разного профиля.

Очевидно, что на первом этапе перестройки работы ведомств, ответственных за сохранение объектов культурного и природного наследия, необходимо начать целенаправленную работу по объединению усилий

различных работающих в этой сфере ведомств. Это может быть реализовано путем создания соответствующих межведомственных комиссий. Накопленный опыт работы этих комиссий и изучение деятельности зарубежных и международных органов охраны наследия должны быть положены в основу организации новой системы управления охраной культурного и природного наследия в России.

Литература

1. Ведин Ю.А. Культурный ландшафт как хранитель исторической памяти Земли // Региональные проблемы. 2018. Т. 21, № 3. Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Академии наук. Биробиджан. С. 28–34.
2. Матюшкин И.Е. Памятники историко-культурного наследия на территориях государственных природных заповедников (краткий обзор). М., 1998. 41 с.
3. Национальные парки России: Урал, Сибирь и Дальний Восток / Отв. ред. В.В. Горбатовский. М., 2011. С. 168–185.
4. Кулешова М.Е. Новиков В.П. Оценка историко-культурного потенциала национальных парков России // Природные резерваты – гаранты будущего. Материалы Всероссийской конференции с международным участием, посвящённой 100-летию заповедной системы России и Баргузинского заповедника, Году ООПТ и Году экологии. Улан-Удэ. Изд-во БНЦ СО РАН, 2017.
5. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/
6. https://www.consultant.ru/document/cons/.doc_LAW_37318/.
7. Кулешова М.Е. Природно-культурный континуум наследия и формы его территориальной охраны // Лицом к морю. Памяти Людмилы Богословской. Москва. 2016. С. 272–298.
8. В гармонии с природой. Памятники заповедных территорий России / М.: Агентство «Стиль-МГ» 2017. 324 с.
9. Новиков В.П. Историко-культурное наследие в заповедниках и национальных парках России. Самарская лука. Проблемы региональной и глобальной экологии 2017. 26. №3. С. 48–57.
10. Зайцев В.М. Культурное наследие Валдая: Справочное издание. 2009. 108 с.
11. Памятники истории и культуры национального парка «Угра». Калуга. Нац. Парк «Угра», 2015. 260 с.
12. Новиков В.П., Массалитина Г.А. Памятные места Великого стояния. Калуга, 2013. 40 с.
13. Петр Барановский. Труды, воспоминания современников. Москва, Фонд П.Д. Барановского, МГО ВООПИиК, 1996. С. 3.
14. Отзыв Н.К. Крупской на предложение о создании архитектурного музея в Коломенском. ГА РФ, ф. 2306, оп. 69, д. 2365, л. 14 об.
15. https://en.wikipedia.org/wiki/Convention_for_the_Safeguarding_of_the_Intangible_Cultural_Heritage
16. Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как наследие. Общие представления, актуализация ценности, исследовательские подходы // Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию. М.: ЭкоЦентр «Заповедники», 2013. С. 12–41.
17. Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию / [науч. ред. Кулешова М. Е.]. М.: ЭкоЦентр «Заповедники», 2013. 219 с.
18. Богословская Л.С. Особенности традиционного природопользования народов Российского Севера // Проблемы традиционного природопользования. Север, Сибирь, Дальний Восток Российской Федерации. Аналитические материалы. Правовые акты. М.: Изд. Гос. Думы, 2000. С. 14–20.
19. Ведин Ю.А. «Мешёра – земля Паустовского» – уникальное культурно-ландшафтное пространство России // Наследие и современность. Т. 5, № 4. С. 426–448.

References

1. Vedenin Yu.A. Kul'turnyi landschaft kak khranitel' istoricheskoi pamyati Zemli // Regional'nye problemy. 2018. T. 21, № 3. Institut kompleksnogo analiza regional'nykh problem Dal'nevostochnogo otdeleniya Akademii nauk. Birobidzhan. S. 28–34.
2. Matyushkin I.E. Pamyatniki istoriko-kul'turnogo naslediya na territoriyakh gosudarstvennykh prirodnykh zapovednikov (kratkii obzor). M., 1998. 41 s.
3. Natsional'nye parki Rossii: Ural, Sibir' i Dal'nii Vostok / Otv. red. V.V. Gorbatovskii. M., 2011. S. 168–185.
4. Kuleshova M.E. Novikov V.P. Otsenka istoriko-kul'turnogo potentsiala natsional'nykh parkov Rossii // Prirodnye rezervaty – garanty budushchego. Materialy Vserossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 100-letiyu zapovednoi sistemy Rossii i Barguzinskogo zapovednika, Godu OOPT i Godu ekologii. Ulan-Ude. Izd-vo BNTs SO RAN, 2017.
5. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/
6. https://www.consultant.ru/document/cons/.doc_LAW_37318/.
7. Kuleshova M.E. Prirodno-kul'turnyi kontinuum naslediya i formy ego territorial'noi okhrany // Litsom k moryu. Pamyati Lyudmily Bogoslovskoi. Moskva. 2016. S. 272–298.
8. V garmonii s prirodoj. Pamyatniki zapovednykh territorii Rossii / M.: Agentstvo «Stil'-MG» 2017. 324 s.
9. Novikov V.P. Istoriko-kul'turnoe nasledie v zapovednikakh i natsional'nykh parkakh Rossii. Samarskaya luka. Problemy regional'noi i global'noi ekologii 2017. 26. №3. S. 48–57.
10. Zaitsev V.M. Kul'turnoe nasledie Valdaja: Spravochnoe izdanie. 2009. 108 s.
11. Pamyatniki istorii i kul'tury natsional'nogo paka «Ugra». Kaluga. Nats. Park «Ugra», 2015. 260 s.
12. Novikov V.P., Massalitina G.A. Pamyatnye mesta Velikogo stoyaniya. Kaluga, 2013. 40 s.
13. Petr Baranovskii. Trudy, vospominaniya sovremennikov. Moskva, Fond P.D. Baranovskogo, MGO VOOPiK, 1996. S. 3.
14. Otyzv N.K. Krupskoi na predlozhenie o sozdanii arkhitekturnogo muzeya v Kolomenskom. GA RF, f. 2306, op. 69, d. 2365, l. 14 ob.
15. https://en.wikipedia.org/wiki/Convention_for_the_Safeguarding_of_the_Intangible_Cultural_Heritage
16. Kuleshova M.E. Kul'turnyi landschaft kak nasledie. Obshchie predstavleniya, aktualizatsiya tsennosti, issledovatel'skie podkhody // Sel'skie kul'turnye landschafty: rekomendatsii po sokhraneniyu i ispol'zovaniyu. M.: EkoTsentr «Zapovedniki», 2013. S. 12–41.
17. Sel'skie kul'turnye landschafty: rekomendatsii po sokhraneniyu i ispol'zovaniyu / [nauch. red. Kuleshova M. E.]. M.: EkoTsentr «Zapovedniki», 2013. 219 s.
18. Bogoslovskaya L.S. Osobennosti traditsionnogo prirodopol'zovaniya narodov Rossiiskogo Severa // Problemy traditsionnogo prirodopol'zovaniya. Sever, Sibir', Dal'nii Vostok Rossiiskoi Federatsii. Analiticheskie materialy. Pravovye akty. M.: Izd. Gos. Dumy, 2000. S. 14–20.
19. Vedenin Yu.A. «Meshchera – zemlya Paustovskogo» – unikal'noe kul'turno-landshaftnoe prostranstvo Rossii // Nasledie i sovremennost'. T. 5, № 4. S. 426–44.

Сведения об авторе

Веденин Юрий Александрович, доктор географических наук, профессор, Институт географии Российской Академии наук, Москва, Россия.

Vedenin37@gmail.com

**Раскрытие информации
о конфликте интересов**

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 06.09.2023.

Одобрена после рецензирования: 18.09.2023.

Принята к публикации: 25 октября 2023.

Опубликована: 14.10.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Author of the publication

Yuri A. Vedenin, Doctor of Geography, Professor, Institute of Geography Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Vedenin37@gmail.com

**Conflicts of Interest
Disclosure**

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 09.06.2023.

Approved after peer reviewing: October 20, 2023.

Accepted for publication: 09.18.2023.

Published: 10.14.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

Евгения Николаевна Васильева

*Коллегия адвокатов "Гриднев и партнеры", Москва, Россия,
katarsis394@gmail.com*

Аннотация. Данная научная статья посвящена изучению взаимосвязи между искусством и правовой культурой в обществе. Автор считает, что как искусство, так и право направлены на удовлетворение материальных и духовных интересов общества, а также на создание устойчивых отношений и развитие государственных и социальных институтов. Искусство играет важную роль в формировании нравственных и правовых принципов и способствует развитию правовой культуры. Исследование анализирует процесс формирования искусства и правовой культуры, а также выделяет их общие характеристики. Цель исследования состоит в понимании влияния искусства и правовой культуры на формирование социума и выявлении их роли в общественном развитии.

Ключевые слова: общество, право, искусство, культура, нравственность

Для цитирования: Васильева Е.Н. Взаимодействие правовой культуры и искусства. // Наследие и современность. 2023;6(4):405–410.
<https://doi.org/10.52883/2619-0214-2023-6-4-405-410>

Original article

Art History

<https://doi.org/10.52883/2619-0214-2023-6-4-405-410>

INTERACTION OF LEGAL CULTURE AND ART

Evgenia N. Vasilyeva

Gridnev and Partners collegium of advocates, Moscow, Russia, katarsis394@gmail.com

Abstract. This scientific article is devoted to the study of the relationship between art and legal culture in society. The author believes, that both art and law are aimed at satisfying the material and spiritual interests of society, as well as at creating stable relations and developing state and social institutions. Art plays an important role in the formation of moral and legal principles and contributes to the development of legal culture. The study analyzes the process of formation of art and legal culture, and also highlights their common characteristics. The purpose of the study is to understand the influence of art and legal culture on the formation of society and to identify their role in social development.

Keywords: society, law, art, culture, morality

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

© Васильева Е.Н., 2023

© Наследие и современность, 2023

For citation: Vasilyeva E.N. Interaction of legal culture and art. *Nasledie i sovremennost' = Heritage and Modern Times*. 2023;6(4):405–410. <https://doi.org/10.52883/2619-0214-2023-6-4-405-410>.

В начале своего развития искусство было прикладным, что проявлялось в появлении различных ремесел и создании предметов, необходимых для повседневной жизни. Как писал В.В. Бычков: «В античном мире термином «искусство» обозначали всю широкую сферу искусной практической и теоретической деятельности людей, которая требовала определенных навыков, обучения, умения и т.п.» [1]. Это привело к дальнейшему процессу развития общества и разделения труда.

В рамках ремесла начинает формироваться современное искусство, которое можно рассматривать как наивысшую степень мастерства. Искусство включает в себя процессы создания и познания, тем самым уже на ранних этапах оно было связано с производством, наукой и обществом, включая право. Хотя на начальном этапе искусство представляло собой подражание природе, со временем стало очевидно, что оно активно влияет на общественное сознание. Л.В. Мальцева резонно отмечает: «философия, искусство, культура являются зданием нашей общественной жизни не только потому, что они передаются от одного человека к другому, от одного поколения к другому в процессе социализации и контактов с другими культурами и народами, но также и потому, что формируют у людей чувство принадлежности к определенной культуре» [2].

Искусство – это творческий процесс, связанный с личными переживаниями и общественными отношениями. Целью искусства является эстетическое познание и отображение мира. Результатом этого процесса стало появление различных видов искусства: литературы, музыки, живописи, скульптуры, архитектуры и других.

В Древней Греции произведения искусства были оценены в соответствии с принципом «мера во всем». Чтобы считаться эстетически привлекательными, произведения должны были быть гармоничными. Как пишет Е.Е. Нагорнова об античных представлениях о прекрасном, прекрасное – всегда соразмерно и пропорционально – «прекрасное – и животное и всякая вещь, – состоящее из известных частей, должно не только иметь последние в порядке (все части должны иметь определенный порядок), но и обладать не какою попало величиной: красота заключается в величине и порядке» [3]. Это также касается и понимания права. Например, Пифагор писал законы для города, в которых определял границы царской власти и предписывал нормы поведения, регулировал пользование собственностью и имущественные права, а также

«устанавливал пропорциональность преступлений и наказаний» [4]. Таким образом, мера определяет границы деятельности человека в обществе в праве, а в искусстве – границы совершенства.

Право и искусство нацелены на удовлетворение как материальных, так и духовных потребностей общества и личности, а также на достижение стабильного развития общественных отношений и совершенствование государственных институтов и правовых норм.

Приверженцы этой концепции утверждают, что наличие универсальных общечеловеческих ценностей, которые могут быть реализованы независимо от национальных особенностей и географического положения, является основой для формирования мировой культурной цивилизации.

Релятивистские концепции обосновывают самобытный, неповторимый, уникальный характер культуры конкретного общества, что поддерживает многообразие культур в мире. Это, в свою очередь, определяет множество культурологических моделей понимания права, правовых культур.

В контексте рассматриваемой проблемы, согласимся с позицией, изложенной в научной литературе, о существовании двух различных тенденций развития правовой культуры. «С одной стороны, глобализация несет идею универсализма, пытающегося унифицировать правовое сознание человечества на основе идеи прав человека. С другой стороны, мы наблюдаем стремление национальных культур к сохранению собственной культурной идентичности...» [5]. Оба утверждения являются справедливыми и лишь подчеркивают сложность изучения данной темы.

Место и значение права в жизни человека связаны с отмеченной научной дискуссией. Универсалисты считают, что идея права является единым и универсальным свойством для всех культур. Релятивисты, наоборот, утверждают, что право является результатом развития западной цивилизации и несовместимо с восточными культурами, где религия является основным социальным регулятором. В российской культурной традиции также преобладают этнические и нравственные начала над правовыми.

Мы считаем, что это указывает на наличие большого потенциала в духовной и культурной сфере, включая искусство, которое является одним из ее компонентов. Этот потенциал может стать связующим звеном между правом, правоприменительной практикой и моральными ориентирами, которые определяются эволюцией общества. По нашему мнению, взаимосвязь права с другими социальными регуляторами является объективной и характерна для всех правовых систем. Культурные особенности этих взаимоотношений определяются, главным образом, типом правопонимания и его трансформацией в определенный исторический период. В юридической науке данной проблематике посвящены специальные исследования, подтверждающие утверждение о наличии тесной взаимосвязи права, правопонимания и правовой культуры [6]. Правовая культура, в целом, представляет собой явление, объединяющее единство понимания права, правовых знаний и правового поведения.

Таким образом, анализируя различные точки зрения на взаимодействие правовой культуры и искусства, можно сделать вывод о том, что, являясь социокультурными явлениями разного уровня, они:

1) относятся к части общей культуры человека, социальной группы, общества; выступают точкой соприкосновения культуры и права;

2) непосредственно связаны друг с другом, во многом обеспечивая реализацию и регулятивных свойств права и находятся под влиянием его духовно-нравственного содержания, отображаемого в искусстве;

3) являясь частью духовной сферы жизни общества, находятся в отношениях взаимосвязи и взаимозависимости с ее элементами;

4) носят исторически неприменимый характер, динамично развиваясь в зависимости от цивилизационных процессов;

5) имеют зависимость от социокультурных условий своего формирования и развития;

6) связаны с творческой, преобразующей окружающую действительность деятельностью человека;

7) аккумулируют, продуцируют и способствуют преемственности правокультурных ценностей;

8) имеют существенное значение для осознанности уважительного отношения к праву и обеспечения правомерного поведения;

9) выступают одним из факторов социальной стабильности;

10) определяют прогресс в социокультурном развитии социума;

11) осуществляют функцию индикатора уровней развития правовой и социокультурной систем;

12) не лишены материальной составляющей, с помощью которой находят свое внешнее выражение и приобретают свойства подверженности внешнему оцениванию;

13) различаясь способами выражения и воспроизведения внутреннего содержания, подвержены трансформациям, имея динамичный характер.

Этот список характеристик правовой культуры не исчерпывает все аспекты. Правовая культура, как отмечено А.С. Бондаревым: «... не может быть широкой либо узкой, поскольку носит целостный характер... и фиксирует степень правового совершенства...» [7], совпадая в этом смысле с целеполаганием искусства, но в сфере права. При этом, сложно выделить качества правовой культуры. Практически все ее свойства являются сущностными и важны для понимания ее природы, роли в жизни общества и взаимодействия с другими социально-экономическими, политическими и культурными явлениями. Они также позволяют определить факторы развития правовой культуры и найти пути ее совершенствования.

Важным вопросом в современной науке является взаимосвязь правовой культуры с искусством, хотя она не вызывает сомнений в своей значимости. Искусство влияет на формирование моральных и правовых принципов, и таким образом играет роль в создании правовой культуры. Это подтверждается в концептуальных работах (помимо рассмотренных:

И.А. Исаев [8], Г.В. Мальцев [9], Н.Ф. Медушевская [10], и многие другие правоведа). Кроме того, существует опыт аналитического и критического рассмотрения взаимодействия права и искусства на конференциях, научных симпозиумах и других мероприятиях [11]. Хотя право, правовая культура и искусство относительно автономны и независимы, у них есть много общих черт, которые мы уже рассмотрели. Все они функционируют в обществе и преследуют одну и ту же цель – удовлетворить потребности и интересы общества и отдельных людей. Исходя из общих принципов диалектики, они взаимодействуют и влияют друг на друга. Одним из способов взаимодействия является правовое просвещение и воспитание.

С учетом специфики рассматриваемой проблемы под правовой культурой понимается исторически сложившийся компонент общей культуры общества, обусловленный духовно-культурными, моральными и иными факторами жизни общества. Он проявляется в единстве ценностного отношения к праву, сходном понимании правовых норм, осознанном соблюдении субъектами права и выражается в качестве правовой жизни общества и соответствии представлений личности, групп и общества о моральных основах регулирования отношений и содержанию правовых норм.

Правовая культура соединяет внутренние свойства и внешние проявления социальных феноменов – права и культуры. Следовательно, между правом и искусством существует связь и зависимость. Это означает, что искусство и правовая культура взаимосвязаны.

Литература

1. Бычков В.В. Искусство как эстетический феномен. Античность // Вестник культурологии. №2 (81). 2017. С. 89–93.
2. Мальцева Л.В. Искусство, философия, общественное сознание // Общество: философия, история, культура. №1. 2012. С. 19–22.
3. Нагорнова Е.Е. «Красота» в античной философии // Аналитика культурологии. №4. 2005. С. 110–114.
4. Лафитский В.И. Поэзия права: страницы правотворчества от древности до наших дней. М., 2003.
5. Аленькова Ю.В. Правовая культура в контексте социодинамики современной культуры // В сборнике: Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания. Сборник статей II Международной научно-практической конференции. 2019. С. 274–278.
6. Юн Л.В. Современное правопонимание в эволюции российской правовой культуры постсоветского периода. дис.... канд. юрид. наук. Казань, 2019. 206 с.
7. Бондарев А.С. Правовая культура и демократическое развитие общества // Правовая культура. 2007. №2(3). С. 4–10.
8. Исаев И.А. Правовая культура России. Москва: Проспект, 2015. 96 с.
9. Мальцев Г.В. Культурные традиции права: Монография. М. Норма: ИНФРА-М, 2013. 608 с.
10. Медушевская Н.Ф. Интеллектуально-духовные основания российского права. М.: Издательство СГУ, 2011. 392 с.

11. Право и литература: Материалы восьмых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / отв. ред. и сост. В.Г. Графский. М.: Норма, 2014. 256 с.

References

1. Bychkov V.V. Iskusstvo kak esteticheskii fenomen. Antichnost' // Vestnik kul'turologii. №2 (81). 2017. S. 89–93.
2. Mal'tseva L.V., Iskusstvo filosofiya, obshchestvennoe soznanie // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. №1. 2012. S. 19–22.
3. Nagornova E.E. «Krasota» v antichnoi filosofii // Analitika kul'turologii. №4. 2005. S. 110–114.
4. Lafitskii V.I. Poeziya prava: stranitsy pravotvorchestva ot drevnosti do nashikh dnei. M., 2003.
5. Alen'kova Yu.V. Pravovaya kul'tura v kontekste sotsiodinamiki sovremennoi kul'tury // V sbornike: Gosudarstvo i pravo: aktual'nye problemy formirovaniya pravovogo soznaniya. Sbornik statei II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 2019. S. 274–278.
6. Yun L.V. Sovremennoe pravoponimanie v evolyutsii rossiiskoi pravovoii kul'tury postsovetского периода. dis. ... kand. jurid. nauk. Kazan', 2019. 206 с.
7. Bondarev A.S. Pravovaya kul'tura i demokraticeskoe razvitie obshchestva // Pravovaya kul'tura. 2007. №2(3). S. 4–10.
8. Isaev I.A. Pravovaya kul'tura Rossii. Moskva: Prospekt, 2015. 96 s.
9. Mal'tsev G.V. Kul'turnye traditsii prava: Monografiya. M. Norma: INFRA-M, 2013. 608 s.
10. Medushevskaya N.F. Intellektual'no-dukhovnye osnovaniya rossiiskogo prava. M.: Izdatel'stvo SGU, 2011. 392 s.
11. Pravo i literatura: Materialy vos'mykh filosofsko-pravovykh chtenii pamyati akademika V.S. Nersesyantsa / отв. ред. i sost. V.G. Grafskii. M.: Norma, 2014. 256 с.

Сведения об авторе

Васильева Евгения Николаевна, кандидат юридических наук, юрист коллегии адвокатов «Гриднев и партнеры», Москва, Россия.
katarsis394@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 06.07.2023.
Одобрена после рецензирования: 08.08.2023.
Принята к публикации: 14.08.2023.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Author of the publication

Evgeniya N. Vasilyeva, Candidate of Law, Lawyer of the Gridnev and Partnerscollegium of advocates, Moscow, Russia.
katarsis394@gmail.com

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 07.06.2023.
Approved after peer reviewing: 08.08.2023.
Accepted for publication: 08.14.2023.
The author has read and approved the final manuscript.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Алексей Владимирович Меньшов

*Администрация Президента Российской Федерации, Москва, Россия,
menshov99@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена теоретическим проблемам культурной идентичности. Подчеркивается, что культура формирует индивида, способствует его социализации на основе освоения языка, ценностей, норм, обычаев и традиций своего народа. В соответствии с общепринятой в историографии классификацией в мире выделяют около 20 историко-культурных районов, в том числе восточноевропейская провинция. В статье проводится краткий анализ процесса формирования традиционной культуры восточноевропейской провинции России, основными носителями культуры которого являются коренные народы русские, финно-угорские народы (карелы, коми, мордва, удмурты и др.), тюркоязычные народы (татары, чуваша, башкиры) и т.д. Российская культура сформировалась в сложных географических, климатических и геополитических условиях. Традиционная российская культура в процессе становления прошла все этапы эволюционного развития. Под влиянием культурного взаимодействия происходил процесс превращения локальной и этнической культуры в общенациональную.

Ключевые слова: культура, культурная идентичность, традиционная культура, национальная культура, этносы, Восточноевропейская провинция, славяне, тюркские народы, финно-угры, трансформация культуры, массовая культура, глобализация, социокультурная теория, пассионарность, трансформационные процессы

Для цитирования: Меньшов А.В. Проблема формирования культурной идентичности в современном мире. Теоретические аспекты. Наследие и современность. 2023;6(4):411–423. <https://doi.org/10.52883/2619-0214-2023-6-4-411-423>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

© Меньшов А.В., 2023

© Наследие и современность, 2023

THE PROBLEM OF CULTURAL IDENTITY FORMATION IN THE MODERN WORLD. THEORETICAL ASPECTS

Alexey V. Menshov

*Administration of the President of the Russian Federation, Moscow, Russia,
menshov99@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to theoretical problems of cultural identity. It is emphasized, that culture forms an individual, contributes to his socialization on the basis of mastering the language, values, norms, customs and traditions of his people. In accordance with the classification generally accepted in historiography, there are about 20 historical and cultural regions in the world, including the Eastern European province. The article provides a brief analysis of the process of formation of the traditional culture of the Eastern European province of Russia, the main carriers of the culture of which are the indigenous peoples of the Russians, Finno-Ugric peoples (Karels, Komi, Mordovians, Udmurts, etc.), Turkic-speaking peoples (Tatars, Chuvashs, Bashkirs) and etc. Russian culture was formed in difficult geographical, climatic and geopolitical conditions. Traditional Russian culture in the process of formation has gone through all stages of evolutionary development. Under the influence of cultural interaction, process of transformation of local and ethnic culture into a national one took place.

Keywords: culture, cultural identity, traditional culture, national culture, ethnic groups, Eastern European province, Slavs, Turkic peoples, Finno-Ugric peoples, culture transformation, mass culture, globalization, sociocultural theory, passionarity, transformational processes

For citation: Menshov A.V. The problem of cultural identity formation in the modern world. Theoretical aspects. *Nasledie i sovremennost' = Heritage and Modern Times*. 2023;6(4):411–423. <https://doi.org/10.52883/2619-0214-2023-6-4-411-423>.

Формирование традиционной культуры сложный и долгий по продолжительности процесс, на который оказывают влияние природно-географические и хозяйственные условия окружающей среды. Как совокупность устойчивых форм человеческой деятельности культура существует в определённой среде в виде материальных и духовных ценностей. Традиционная культура является проявлением человеческой жизнедеятельности и несёт в себе информацию об эволюционном прошлом человечества, в связи с чем культура является предметом изучения истории, философии, социологии, искусствоведения, лингвистики, этнологии, психологии, педагогики и т.д.

Процесс формирования культуры человека происходит на основе обогащения материальными и духовными составляющими. Культурно-историческое развитие общества достигается за счет становления личности

путем взаимодействия и взаимопроникновения различных культур [1]. Именно культура формирует личность человека и способствует его социализации на основе освоения языка, ценностей, норм, обычаев и традиций своего народа.

На основе культуры человека формируется культура общества. Характерной особенностью традиционной культуры является замедленный процесс эволюции, незаметный для коллективного сознания. Она сохраняется и воспроизводится за счет коллективного сознания, что в конечном итоге способствует становлению этнической общности. В процессе становления коллективных форм общества именно культура выполняла регулятивную роль, позволяя держать человека в определенных рамках, что в конечном итоге позволило создать традиционную систему правовой культуры в виде обычного права. По мнению ряда исследователей именно обычное право способствовало стабильности социальных отношений и сыграло прогрессирующую роль [2].

Культурно-бытовые особенности, сформировавшиеся на определённой территории под влиянием общности населения в условиях единой социально-экономической деятельности, способствовали формированию историко-культурных областей. Процесс складывания историко-культурных областей происходит в процессе развития этносов на определённой территории и проявляется в материальной и духовной культуре. Материальная культура содержит информацию о типах жилища, пище, утвари, одежде, украшениях и т.д., духовная культура – о языке, традициях, религиозных верованиях, мировоззрении и т.д.

В соответствии с общепринятой в историографии классификацией в мире выделяют 16 историко-культурных районов: Западно-центральноевропейская провинция, Восточноевропейская провинция, Кавказская провинция, Среднеазиатско-казахстанская провинция, Сибирская провинция, Центральноазиатская провинция, Восточная Азия, Юговосточноазиатская провинция, Южноазиатская провинция (Индостан, Индийский субконтинент), Юго-Западноазиатская провинция (или Передняя Азия), Североафриканская провинция, Африканская тропическая провинция, Североамериканская провинция, Латиноамериканская провинция, Австралийская провинция, Океанийская провинция [3]. В свою очередь каждая провинция подразделяется на подгруппы, границы которых чаще всего совпадают с территорией отдельных этнографических групп.

К примеру, интересующая нас историко-культурная область в виде восточноевропейской провинции подразделяется на следующие подгруппы: Центральная (русско-белорусская) область, Европейский Север и северо-запад России, Прибалтика (Юго-восточная Балтия), Урало-Поволжье (Волго-Камская) область, Юго-западная (украинская) область, Южнорусские степи [3]. Основной упор в диссертационном исследовании будет сделан на такие историко-культурные области как Централь-

ная (русско-белорусская) область, Европейский Север и северо-запад России, область Урало-Поволжья (Волго-Камская), так как именно на этой территории был заложен фундамент единого российского культурно-исторического пространства.

Основными носителями культуры данного региона являются коренные народы – русские, финно-угорские народы (карели, коми, мордва, удмурты и пр.), тюркоязычные народы татары, чувашаи, башкиры и т.д.

Вопрос формирования традиционной культуры нередко предметом дискуссии философов. Еще в конце XVIII в. немецкий философ И.Г. Гердер дал философскую оценку данному процессу: «Европеец не имеет ни малейшего представления о тех бурных страстях, о тех миражах, что кипят в груди негра, а индийцу чуждо то беспокойство, что заставляет европейца метаться по всему свету, бороздя его из конца в конец. Дикарь не может нежиться среди роскоши, но может быть нежен – сдержан и спокоен. Короче говоря, в человеческом роде существуют все те формы, которые могли существовать на земном шаре со всем различием климатических условий, жизненных обстоятельств, органических строений человека, но счастье жизни заключается не в хаотическом бурлении чувств и мыслей, а в связи их с подлинным внутренним наслаждением нашим бытием, всем тем, что причисляем мы к своему бытию» [4]. Эволюция культурно исторического процесса России не стала исключением. Так, в XIX веке В.О. Ключевский, рассматривая природногеографические условия на территории России, писал, что «...исторически Россия, конечно, не Азия, но географически она не совсем и Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала её с Европой, но природа положила на неё особенности и влияния, которые всегда влекли её к Азии или в неё влекли Азию» [5]. Также, по его мнению, история государства, или отдельной цивилизации рождается благодаря накоплению культурного запаса народами и степенью влияния на другие народы, создавая условия для культурно-исторического пространства на определённой территории [5].

Большинство исследователей придерживаются единого мнения в вопросе возникновения традиционной русской культуры. Решающую роль в этом процессе сыграло географическое, геополитическое положение между Востоком и Западом. Территория России исторически представляла собой периферию двух культурных миров. Неравномерное культурно-историческое движение в виде замедления и скачкообразности не давало возможности постепенного поэтапного развития, поэтому для российской культуры с момента её зарождения была характерна резкая смена культурных парадигм [6]. Культурно-исторические парадигмы не успевали сменять друг друга а существовали параллельно. Так, язычество существовало наряду с христианством, византийские традиции переплетались с золотоордынскими, европеизация, модернизация в петровское время сочеталась с традиционализмом [6].

Историческая периферийность также способствовала развитию народной, а не национальной культуры. Явным подтверждением оторванности национальной культуры российской элиты от народной является употребление при дворе российских императоров французского языка [7, с. 6.]. Именно политическая периферийность стала причиной формирования культуры низов [8]. Рассуждая о причинах культурной отсталости России, Н. Бердяев писал, что катастрофический характер исторического развития России в течении пяти кардинально отличающихся друг от друга периодов (киевский, татарский, московский, петровский, советский) явился причиной прерывности русской истории, а следовательно, и культуры [9, с. 32–33.].

Еще одним важным фактором, оказавшим влияние на формирование традиционной культуры России, является огромное количество войн с её участием. Исследователи обращают внимание на тот факт, что постоянные войны способствовали развитию духовной культуры русского народа. Именно под влиянием войн сформировались в менталитете выносливость, самоотверженность, жертвенность и готовность отказаться от благополучия ради интересов государства [6].

Процесс формирования традиционной культуры русского народа происходил в среде восточнославянского населения восточно-европейской равнины. Исторические корни этого процесса восходят ко временам Киевской Руси. В дальнейшем, в ходе нашествия монголов, образования Великого Московского княжества, расширения территории путём присоединения Северо-Западных земель, Заволжья, Среднего Поволжья и Приуралья происходит процесс складывания единой историко-культурной общности русского народа. Этот процесс происходил в условиях сложных миграционных процессов. В ходе колонизации новых земель процесс ассимиляции, в частности финно-угорских народов, способствовал культурному обмену между народами, это в свою очередь способствовало формированию отдельных историко-культурных регионов и этнографических групп русского народа.

Исследователями выделяются две историко-культурные зоны изучаемого региона, а именно северорусская и южнорусская.

Территория северорусской историко-культурной зоны простирается от реки Волхов на западе, верховьев Вятки и Камы на востоке, на севере границы достигают берегов Баренцева моря. Отличительными элементами культуры русских данной историко-культурной зоны является наличие своеобразного диалекта (оканье), наличие малодворных населенных пунктов, «гнезда» селений, а также свои отличные культурно-бытовые и духовные особенности [10]. Процесс формирования культурной идентичности данной группы происходил в непростых природно-географических условиях Русского Севера. На миграционные процессы в этом регионе сильно влияла монастырская колонизация и стихийные крестьянские переселения [11, с. 19]. Переселение новгородских и росто-

во-суздальских крестьян на север способствовало смещению населения и складыванию культурно-языкового единства. Даже поморы – самая отдалённая субэтническая группа русских, несмотря на своеобразные бытовые и хозяйственные отличия по языку и культуре, схожи с остальными русскими северорусской историко-культурной зоны.

Основной отличительной чертой южнорусской историко-культурной зоны является так называемый «акающий» диалект. Территория данного культурного региона простирается с севера от реки Ока на Юг до среднего Дона, с запада на восток от Десны до Суры. Выгодные географические и климатические условия данного региона способствовали активному заселению, которое было прервано монгольским нашествием. Дальнейшая колонизация региона была продолжена в ходе строительства оборонительных сооружений в процессе образования Русского централизованного государства. Здесь появляются монастырские, помещичьи, правительственные поселения, а также поселения вольных переселенцев.

Формирование культуры данной группы происходило в условиях лесостепной и степной полосы. Преобладали крупные многодворные поселения и хаты (дома из глины). В традиционной одежде преобладают южнорусские особенности, а также отражаются связи с финноугорскими народами. По мнению исследователей, формирование традиционной культуры южнорусского населения происходило в условиях этнокультурной консолидации населения региона и способствовало выработке общерусских черт в культуре [10].

Духовная культура северорусской и южнорусской историко-культурных зон сформировалась под влиянием православия, отличались только местные храмовые праздники. С церковными праздниками были связанные календарные обряды, такие, как Святки, Крещение, Масленица, Пасха, Троица и т.д.

В целом, процесс формирования традиционной русской культуры происходил в сложных климатических и политических условиях. Феодальная раздробленность стала причиной замедленного темпа развития. Большое влияние на становление русской культуры оказала Византия. После принятия христианства культура развивалась на основе новой религии. В процессе объединения русских княжеств, пришло понимание необходимости самоидентификации русского народа и начинается процесс формирования общерусской культуры. Православная церковь берет на себя главную роль в сохранении культурных традиций народа и распространения русской культуры на всей территории государства [12]. Так, на основе славянской, русско-православной культуры начинается процесс формирования традиционной культуры России, на который конечно же оказали влияние и другие коренные российские народы.

Формирование традиционной культуры историко-культурной области Европейского Севера и Северо-запада России происходило в среде таких финно-угорских народов как, саамы, карелы, вепсы, воль, ижора,

коми, коми-пермяки и др. Формирование культуры различных этнографических групп коми начинает складываться в условиях культурного взаимодействия с русскими переселенцами. К XII в. русская колонизация охватывает все больше земель заселённых народом коми [13, 14]. В XIV в. существовало восемь территориально-племенных групп коми. К началу XVI в. сформировались основные культурно-этнографические группы коми: нижневычегодская, вымская, прилузская, сысольская и удорская [14]. Исследователи отмечают, что русские переселенцы оказали влияние на культуру нижневычегодской и вымской группы путём смешанных браков. Результатом данного взаимодействия явились особые диалекты и большое количество заимствований в материальной и духовной культуре. У прилузцев наряду с русским влиянием прослеживаются связи с удмуртами и марийцами [14].

Народы, живущие в тундре и лесотундре – саамы, северные карелы, коми – под влиянием географических и природно-климатических условий занимались традиционным хозяйством в виде оленеводства, основанного на сезонных перекочёвках. Зимой олени паслись в лесных районах Кольского полуострова, а летом практиковался вольный выпас на океаническом побережье (сами хозяева занимались в этот период) рыболовством и зверобойным промыслом. Традиционный чум или же чумшалаш (кувакса) у саамов был приспособлен к условиям кочевого быта. Одежда шилась из оленьих шкур.

Традиционная культура народов лесной полосы историко-культурной области северо-запада России (карелы, вепсы, водь, ижора, коми-пермяки и коми) также сформировалась под влиянием природных условий. Занимались они земледелием, лесным животноводством, рыболовством. В качестве жилища строили срубные избы северорусского типа. Одежда также была близка к севернорусскому типу. У финноугорских народов историко-культурной области северо-запада России сформировалась своеобразная духовная культура. Устное народное творчество представлено сказками, преданиями, мифами и одноголосыми руническими песнями.

Под влиянием язычества у финно-угорских народов России формировалась религиозная культура. Подтверждением этого является сохранившаяся традиция заклинаний, почитание хозяев леса, священных деревьев, воды, камней. С XIII в. под влиянием религиозной просветительской деятельности распространяется православие.

Процесс формирования традиционной культуры региона УралоПоволжья (Волго-Камская) область Восточноевропейской культурной провинции происходил в мультикультурной среде финно-угорских и тюркских народов, где наряду с христианско-мусульманской культурой существовала языческие традиции. Носителями финно-угорской культуры региона являлись мордва, марийцы, удмурты, бесермяне, тюркской – татары, чуваша, башкиры, ногайцы. С XVI века активное распространение получает русская культура.

Исследователи выделяют три хозяйственно-культурные зоны в Поволжье: Лесной север, Среднее Поволжье, Степной и лесостепной юго-восток. В зависимости от природно-климатических и географических условий в каждой зоне сформировалась своя традиционная культура.

Одной из главных особенностей традиционной культуры финно-угорских народов является культ предков. Главным содержанием этой традиции была вера, что умершие помогают и заботятся о благополучии живых предков. Также существовал культ духов сакральных хозяев определённых территорий. Это традиция использовалась родовыми группами для сакрализации права на территорию обитания, что и в наши дни отражается в сохранившейся в памяти народа священных местах у большинства финно-угорских народов [16, с. 16, 149, 293, 475, 479].

Формирование традиционной культуры татар происходило в течение длительного времени из элементов тюркских племен. Татарская культура унаследовала традиции Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. Под влиянием ислама большое влияние на формирование культуры татар оказали регионы Среднего и Ближнего Востока. Поэтому татарская культура представляет симбиоз тюркских, монгольских и среднеазиатских культурных традиций. К примеру, до середины XX века у них существовала своя письменность на основе арабской графики в городской архитектуре прослеживался восточный стиль и т.п. Исследователи по-разному оценивают влияние татарской культуры на русскую, российскую культуру [17, 18, 19]. Не смотря на отсутствие единой точки зрения, мы можем сказать, что взаимодействие культур имело место быть, и татарская культура оказала существенное влияние на политические традиции русского государства.

Краткий анализ процесса формирования традиционной культуры восточноевропейской провинции России показывает, что российская культура сформировалась в сложных географических, климатических и геополитических условиях. Традиционная российская культура в процессе становления прошла все этапы эволюционного развития. Под влиянием культурного взаимодействия происходил процесс превращения локальной и этнической культуры в национальную. Однако этот процесс затянулся не на одно столетие. Под влиянием эволюционных процессов и социально-политических катаклизмов российская культура развивалась неравномерно и пережила несколько этапов исторического развития.

Исторические этапы развития культуры подразделяются на следующие общепринятые хронологические этапы: Первобытная культура (до 4 тыс. до н. э.); культура Древнего мира (4 тыс. до н. э. – V в. н. э.); культура Средних веков (V–XIV вв.); культура Возрождения или Ренессанса (XIV–XVI вв.); культура Нового Времени (конец XVI–XIX вв.); культура Новейшего Времени (к. XIX – наст. время). Каждый этап характеризуется своими эволюционными и трансформационными процессами. Эволюционный подход к изучению культуры, основоположником которого являет-

ся Лесли Уайт, предполагает, что в разные периоды исторического развития культура как один комплекс взаимоотношений трансформируется в другую систему [20]. Трансформация культуры – это процесс культурной модернизации, прогрессивного развития или деградации, вплоть до исчезновения или замены одной культуры другой [21].

Процесс трансформации культуры тесно связан с эволюционными процессами в обществе. Переходу общества из кровнородственной солидарности к новым объединениям, образованным на основе культурной общности, способствует трансформация социальных функций культуры. В результате трансформируется значение культуры для общества, и культура становится основным элементом социального прогресса [22].

Процесс модернизации, трансформации культуры в России начинается с реформ Петра I. Именно реформы начала XVIII века изменили культурную парадигму России и ознаменовала переход русской культуры от средневековья к Новому времени [23]. Культурная трансформация этого периода явилась кульминацией политических реформ и затронула все сферы политической и общественной жизни государства. Однако, культура России в описываемый период была сословной, она была доступна дворянскому сословию, хотя системное ядро русской культуры развивалось в среде крестьянского сословия.

Эволюционное развитие русской культуры было прервано после 1917 г. По мнению исследователей, российская культура начала XX века показывает типологическую специфику перехода от одного идеала к другому [24]. Советский и российский культуролог И.В. Кондаков это явление назвал бинарностью [25]. По его мнению, российской культуре свойственна двойственность на всех этапах эволюционного развития.

Источником бинарности служит пограничное положение российской культуры между Западом и Востоком. Трансформационные процессы в культуре советского периода не способствовали исчезновению данного явления. Вслед за преобразованиями в политической и общественной жизни советского периода образовались две русские культуры. Советская культура явилась результатом монополии функционирования культуры со стороны государства, зарубежная русская культура, созданная русской эмиграцией на западе, трансформировалась под влиянием западной культуры [25].

Период тоталитаризма характеризуется так называемым процессом культурной революции. Идейные основы марксизма-ленинизма предусматривали создание совершенного нового типа культуры. Культура пролетариата должна была разрушить преемственность традиционной культуры и сменить дворянско-буржуазный вектор культурного развития. Главная роль в формировании культуры советского периода отводилась государству, соответственно интересы государства ставились выше общественных [26]. Трансформация культуры советского периода затронула историю и теорию культуры. Исследователи начали по-новому пере-

осмысливать культурные достижения прошлых лет. В этот период Л.Н. Гумилев создал этногенетическую концепцию культуры, ввел понятие пассионарности. Пассионарность, по мнению учёного, это культурно-историческое развитие этносов на основе взаимодействия с окружающей средой и другими этносами [27].

Другой философ и культуролог А.С. Ахиезер создал социокультурную теорию развития российского общества на разных этапах исторического развития. По его теории, российская цивилизация является промежуточной, и колебание соотношения традиционного и либерального компонентов способствует глобальной цикличности развития России [27].

Трансформационные процессы происходившие в культуре России светского периода, способствовали созданию аналога традиционной культуры и выстраивалась за счёт отказа от исторического и религиозного прошлого. Данный процесс продолжался до конца 1980-х гг. и имел скачкообразный характер. Свойственное для советской эпохи идеологические регулирование сменялась периодами «оттепели».

Трансформационные процессы культуры современного периода начинаются с конца XX в. Формирование глобальной информационной системы в период начала 1990-х годов не только ускорило процесс передачи данных, но и способствовало ускорению культурного обмена. На смену традиционным, идеологическим установкам в области культурного регулирования приходит глобальная массовая культура. Глобальная культура предлагает обществу совершенную новую модель введения повседневной жизни и интерпретацию смысла существования.

Процесс трансформации культуры имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны ускорение обмена культурной информацией разрушило естественный барьер в виде природногеографических условий и способствовало созданию равных условий культурно-исторического развития разных народов, с другой, это ускорило процесс разрушения локальных культурных обществ и ассимиляцию малочисленных народов.

Основным показателем трансформационных процессов в современной культуре является возникновение глобальной массовой культуры. Главная роль в создании глобальной культуры принадлежит странам Европы и Америки. Именно они после второй мировой войны стали более активно сотрудничать в области создания различных международных организаций. Так, они способствовали созданию соглашений, отражающих принципы и предписания мировой культуры [28].

Главными принципами глобализирующегося мира стали равная ценность всех человеческих культур. Но в тоже время следует отметить, что результатом этого «равенства» стало экономическое и культурное доминирование стран запада. Массовая культура, которая быстро набрала популярность во всем мире, включает в себя продукцию средств массовой информации, потребительские товары, продукты питания, стиль

одежды и доминирование одного языка международного общения (в данном случае английского). В свою очередь, это усилило культурную колонизацию отсталых стран, не имея финансово-экономической возможности развития и транслирования своей национальной культуры, общество в этих странах превращается в обычного потребителя глобальной, массовой культуры [29].

Из положительных сторон трансформационных процессов современной культуры следует выделить массовое распространение достижений мировой культуры среди населения, упрощение доступа к достижениям культуры, постоянное обновление и инновации в культуре помогающие облегчать повседневную жизнь [30]. Кроме того, исследование процесса глобализации культуры показывает наличие такого явления как «обратная колонизация». К примеру, население более отсталых стран переселяется в глобализированные города и на основе отдельных диаспор создает свою транскультурную среду [28].

После распада социалистического блока наблюдается процесс ускорения трансформационных явлений в культуре. Так, в конце 1980х – начале 1990-х гг. глобальная культура проникает в страны Восточной Европы и в Россию. Как уже отмечалось ранее, культурная политика, проводимая в годы советской власти, не отличалась устойчивостью. Волнообразное развитие культуры, которая характерна для всех периодов истории России, в том числе советского периода, не способствовало культурной мобилизации общества. Начало 1990-х гг. стало апогеем частой смены политического и идеологического курса. В этих условиях произошли кардинальные изменения в повседневной жизни населения России, особенно у молодёжи. В условиях отсутствия новой культурноидеологической базы она стала потребителями глобальной, массовой культуры. Так, в культуру России проникают все элементы материальной и духовной культуры стран Запада. Основные угрозы, которые исходят от процесса внедрения массовой культуры в России связаны с угрозой утраты культурной идентичности [31].

Литература

1. Новикова Л.А. Формирование культуры личности // Вестник ЯГУ. 2009, Т.6, №1. С. 141.
2. Козелько В.Н. // Новые технологии. Вып. 5, 2008.
3. Андрианов Б.В. Историко-культурные области // Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 580–585.
4. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 2013. 237 с.
5. Ключевский О.В. Русская история. Полный курс лекций. М., 2005. 941 с.
6. Моница М.П. Условия формирования русской культуры: геополитический аспект // Омский научный вестник. №1 (85), 2010. 205 с.
7. Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М., 1862. 317 с.
8. Сапронов П.А. Культурология. Курс лекций по теории и истории культуры. СПб., 2001. 502 с.

9. Бердяев Н. Русская идея. СПб., 2008. 134 с.
10. Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным. М., 1965. 257 с.
11. Традиционная культура русского народа. М., 2015. 281 с.
12. История культуры Древней Руси. М.-Л., 1951.
13. Жеребцов И.Л., Конаков Н.Д. Народ Коми: краткие исторические очерки истории и культуры. Collegium Fenno-Ugricum, 2008. 25 с.
14. Зырянский мир. Очерки о традиционной культуре коми народа. Сыктывкар, 2004.
15. Ломоносов М.В. Краткий Российский летописец с родословием // Полн. собр. соч. в 6 т. Т. 6. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
16. Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000. 578 с.
17. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 5. СПб., 1892. С. 233–235;
18. Костомаров И. Исторические монографии и исследования. XII. СПб., 1872. 90 с.
19. Милюков П. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. СПб., 1909. С. 165–167.
20. Уайт Л. Три типа интерпретации культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб., 1997. 575 с.
21. Руденко А.М. Культурология: учебник. М., 2020. 112 с.
22. Флиер А.Я. Теория культуры. М., 2019. 208 с.
23. Живов В. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. 307 с.
24. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991.
25. Кондаков И.В. Культура России. Ч.1. Русская культура // Учебное пособие. М., 2000. Гл. 2.
26. Культурология: Учебник для вузов М., 2007. Раздел III. Глава 14. С. 364–365.
27. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб., 2011.
28. Понарина Н.Н. Глобализация: Мировая культура и локальные культуры // Общество: Философия, история, культура. 2011, № 3–4. С. 36–37.
29. Многоликая глобализация. М., 2004. С. 207–208.
30. Кнатько Ю.И. Трансформация культуры в контексте современных глобализационных процессов // Универсальное и национальное в культуре // сборник научных статей / Белорусский государственный университет, Гуманитарный факультет. Минск, 2012. 89 с.
31. Иноземцев В.Л. Глобализация: иллюзии и реальность // Свободная мысль – XXI. М., 2000. 29 с.

References

1. Novikova L.A. Formirovanie kul'tury lichnosti // Vestnik YaGU. 2009, T.6, №1. S. 141.
2. Kozel'ko V.N. // Noveye tekhnologii. Vyp. 5, 2008.
3. Andrianov B.V. Istoriko-kul'turnye oblasti // Narody mira. Istorikoetnograficheskii spravochnik. М., 1988. S. 580–585.
4. Gerder I.G. Idei k filosofii istorii chelovechestva. М., 2013. 237 с.
5. Klyuchevskii O.V. Russkaya istoriya. Polnyi kurs lektsii. М., 2005. 941 с.
6. Monina M.P. Usloviya formirovaniya russkoi kul'tury: geopoliticheskii aspekt // Omskii nauchnyi vestnik. №1 (85), 2010. 205 s.
7. Pamyatnye zapiski A.V. Khrapovitskogo, stats-sekretarya imperatritsy Ekateriny Vtoroi. М., 1862. 317 s.
8. Sapronov P.A. Kul'turologiya. Kurs lektsii po teorii i istorii kul'tury. SPb., 2001. 502 s.
9. Berdyayev N. Russkaya ideya. SPb., 2008. 134 s.
10. Proiskhozhdenie etnicheskaya istoriya russkogonaroda po antropologicheskim dannym. М., 1965. 257 s..
11. Traditsionnaya kul'tura russkogo naroda. М., 2015. 281 с.
12. Istoriya kul'tury Drevnei Rusi. М.-L., 1951.
13. Zherebtsov I.L., Konakov N.D. Narod Komi: kratkie istoricheskie ocherki istorii i

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

Меньшов А.В. Проблема формирования культурной идентичности...

Наследие и современность. 2023;6(4):411-423

kul'tury. Collegium Fenno-Ugricum, 2008. 25 s.

14. Zyryanskiimir.Ocherkiotraditsionnoikul'turekominaroda.Sykyvkar,2004.

15. Lomonosov M.B. Kratkii Rossiiskii letopisets s rodosloviem // Poln. sobr. soch. v 6 t.

T. 6. M.: Izd-vo AN SSSR, 1952.

16. Narody Povolzh'ya i Priural'ya. Komi-zyryane. Komi-permyaki. Mariitsy. Mordva.

Udmurty. M., 2000. 578 c.

17. KaramzinN.M.IstoriyagosudarstvaRossiiskogo.T.5.SPb.,1892.S.233–235;

18. Kostomarov I. Istoricheskie monografii i issledovaniya. XII. SPb., 1872. 90 c. 167.

19. Milyukov P. Ocherki po istorii russkoi kul'tury. Ch. 1. SPb., 1909. S. 165–Uait L. Tri

tipa interpretatsii kul'tury // Antologiya issledovani kul'tury. T. 1. Interpretatsii kul'tury. SPb., 1997. 575 c.

20. Rudenko A.M. Kul'turologiya: uchebник. M., 2020. 112 c.

21. Flier A.Ya. Teoriya kul'tury. M., 2019. 208 c.

22. Zhivov V. Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury. M., 2002. 307 c.

23. Akhiezer A.S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. M.,1991.

24. Kondakov I.V. Kul'tura Rossii. Ch.1. Russkaya kul'tura // Uchebnoe posobie. M.,

2000. Gl. 2.

25. Kul'turologiya: Uchebник dlya vuzov M., 2007. Razdel III. Glava 14. S. 364–365.

26. Gumilev L.N. Etnogenez i biosfera Zemli. SPb., 2011.

27. Ponarina N.N. Globalizatsiya: Mirovaya kul'tura i lokal'nye kul'tury // Obshchestvo:

Filosofiya, istoriya, kul'tura. 2011, № 3–4. S. 36–37.

28. Mnogolikaya globalizatsiya. M., 2004. S. 207–208.

29. Knat'ko Yu.I. Transformatsiya kul'tury v kontekste sovremennykh globalizatsionnykh protsessov // Universal'noe i natsional'noe v kul'ture // sbornik nauchnykh statei / Belorusskii gosudarstvennyi universitet, Gumanitarnyi fakul'tet. Minsk, 2012. 89 c.

30. Inozemtsev V.L. Globalizatsiya: illyuzii i real'nost' // Svobodnaya mysl' – XXI. M.,

2000. 29 c.

Сведения об авторе

Алексей Владимирович Меньшов, Советник департамента Управления Президента Российской Федерации по общественным проектам, Москва, Россия.

E-mail: menshov99@yandex.ru

Раскрытие информации

о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16.09.2023.

Одобрена после рецензирования: 28.09.2023.

Принята к публикации: 14.10.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Author of the publication

Alexey V. Menshov, Advisor to the Department of the Office of the President of the Russian Federation for Public Projects, Moscow, Russia.

E-mail: menshov99@yandex.ru

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest..

Article info

Submitted: 09.16.2023.

Approved after peer reviewing: 09.28.2023.

Accepted for publication: 10.2023.

The author has read and approved the final manuscript

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО СКУЛЬПТУРЕ «МЕЛОДИЯ КАМНЯ (ТАШ МОҢЫ)» В КАЗАНСКОМ КРЕМЛЕ: ПРОСТРАНСТВО ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПОИСКОВ И ЭКСПЕРИМЕНТОВ

Рауза Рифкатовна Султанова

Центр искусствоведения Института, языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия, Rauzasultan.art@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются произведения скульптуры, созданные во время международного симпозиума в Казани под руководством автора, которые после установления в Казанском кремле стали местом притяжения для туристов и гостей республики. Подробно описываются разные стилистические подходы в раскрытии темы в исполнении скульпторов, представляющих национальные школы тюркского мира (Азербайджан, Башкортостан, Крым, Турция, Татарстан), аккумулирующих в своем творчестве восточные и западноевропейские традиции.

Ключевые слова: кураторский проект, скульптура, тюркская пластика, татарская культура, пластический язык, камерность, монументальность

Для цитирования: Султанова Р. Р. Международный симпозиум по скульптуре «Мелодия камня (Таш моңы)» в Казанском кремле: пространство художественных поисков и экспериментов *Наследие и современность*. 2023;6(4):424–430. <https://doi.org/10.52883/2619-0214-2023-6-4-424-430>.

Original article

Art History

<https://doi.org/10.52883/2619-0214-2023-6-4-424-430>

INTERNATIONAL SYMPOSIUM ON SCULPTURE "STONE MELODY (TASH MONY)" IN THE KAZAN KREMLIN: A SPACE FOR ARTISTIC RESEARCH AND EXPERIMENTATION

Rauza R. Sultanova

Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov (Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan), Kazan, Russia, Rauzasultan.art@mail.ru

Abstract. The article analyzes works of sculpture, created during the international symposium in Kazan under the guidance of the author, that, after being installed in the Kazan Kremlin, became objects of attraction for tourists and guests of the Republic. Various stylistic approaches are

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

© Султанова Р.Р., 2023

© Наследие и современность, 2023

described in detail in the *disclosure* of the theme performed by sculptors representing the national schools of the Turkic world (Azerbaijan, Bashkortostan, Crimea, Turkey, Tatarstan), accumulating Eastern and Western European traditions in their work long or recent past.

Keywords: curatorial project, sculpture, Turkic plastic arts, Tatar culture, plastic language, intimacy, monumentality

For citation: Sultanova R.R. International Symposium on Sculpture "Stone Melody (Tash Mony)" in the Kazan Kremlin: a space for artistic research and experimentation. *Nasledie i sovremennost'* = *Heritage and Modern Times*. 2023;6(4):424–430. <https://doi.org/10.52883/2619-0214-2023-6-4-424-430>.

20 февраля 2023 года в Институте языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан прошли Искусствоведческие чтения «Актуальные проблемы скульптуры Татарстана», посвященные 120-летию Садри Салаховича Ахуна (Ахунова) (1903–1990), в рамках которых были обсуждены такие вопросы, как роль традиций и новаций в искусстве скульптуры, воссоздание и реконструкция памятников культурного наследия, синтез искусств в пространственной среде и др.

В связи с постановкой в таком масштабе проблем развития скульптуры, актуальной стала реализация кураторских проектов, в частности, проведение симпозиумов с привлечением мастеров из различных регионов, представителей различных школ ваияния.

Артсобытия последних лет показали, что кураторские исследования невероятно популярны в процессе концептуальных исканий, позволяющих раскрыться художнику в ярком авторском жесте [1, с. 7]. Как говорит Гамзатова П.Р., «куратор – это не просто организатор или менеджер, но научно-творческая личность, способная выявить те или иные художественные процессы, почувствовать дуновение нового, ветры перемен» [2, с. 38].

Первый подобный симпозиум по камню в Казани был организован в 1996 году под руководством главного художника города Нургалеевой Р.М.: он стал переломным моментом вступления скульптуры региона в новую пору активности в контексте современного пластического искусства. Этот симпозиум, с одной стороны, отразил современное состояние этого вида искусства в России, с другой – обозначил направления развития татарской скульптуры в ее национальном преломлении [3, с. 134–140]. Мастерами ваияния из разных уголков России было создано 11 скульптурных композиций, которые украшали сквер перед зданием Национально-культурного центра «Казань» до его реконструкции под Национальную библиотеку Республики Татарстан.

Усилиями автора данной статьи при поддержке Министерства культуры Республики Татарстан после долгого перерыва с 29 июня по 18 июля 2014 года в музее-заповеднике «Казанский кремль» был организован Международный симпозиум по скульптуре «Мелодия камня (Таш моңы)» в рамках мероприятий 2014 года «Казань – культурная столица тюркского мира». Симпозиум был посвящен памяти известного художника-монументалиста Ильдара Ханова (1940–2013), основателя Вселенского храма в Казани (пос. Старое Аракчино).

В симпозиуме участвовало 8 скульпторов тюркского мира (Турции, Азербайджана, Башкортостана, Украины, России и Татарстана). В роли подмастерьев выступили молодые скульпторы, выпускники и студенты филиала института имени В. Сурикова. В рамках проекта была реализована обширная культурная программа. Участники симпозиума посетили достопримечательности Елабуги, Казани. В Казанском художественном училище имени Н.И. Фешина прошел круглый стол с участием скульпторов «Актуальные проблемы развития современной скульптуры».

Нами была поставлена цель – разнообразить город Казань, небогатый малыми архитектурными формами, новыми скульптурами. Одной из главных задач было отражение в работах черт этнической идентичности, творческое осмысление национальных традиций, что позволяет оживить символический язык тюркской пластики.

Мастерам было предложено создать скульптурные формы из известняка, который широко использовали в строительном деле Волжской Булгарии и Казанского ханства. Известняк по своей природе – ломкая порода, которая не допускает острой и точной трактовки форм. Вместе с тем относительно легкая обработка позволяет применять его в монументальной скульптуре. Достаточно напомнить архаическую декоративную скульптуру Древней Греции. Поскольку концепцию ваятеля определяет не столько особенность материала (хотя он тоже играет немаловажную роль), а сколько смысл, идея, задача художественного произведения, то не были поставлены ограничения скульпторам ни в тематике, ни в стилистических возможностях.

Общее название симпозиума «Мелодия камня» («Таш моңы») как нельзя лучше определило сущность этого вида искусства. Мастер, высекающий камень, преодолевая плотность, тяжесть твердого материала, одухотворяет его, насыщая своими эмоциями. Разные по конфигурациям, по размерам, по заложенным в них идеям, они своей простотой и прихотливостью форм гармонируют со строгостью исторической архитектуры Казанского кремля. Переходя от одной работы к другой, мы переключаем взгляд на разные фигуры и приобщаемся к разнообразным микромирам. Они, как и «философские сады», или «сады камней», пробуждают наше воображение, нарушая бурный и шумный ритм туристского центра, настраивают на созерцание, чуждое суетности. Как иероглифы, «священные высеченные знаки», как арабески, далёкие от натурализма, они

требуют расшифровки, интеллектуального напряжения, поскольку представляют собой сокровенные мысли, тяготеют к символам, знакам и аллегориям.

Символично исполнение замысла известного казанского мастера Ильдара Ханова (1940–2013) – композицию «Крест человечества», задуманную им еще в конце семидесятых годов, молодым выпускником Казанского филиала Суриковского института Фанилем Валиуллиным. Эта небольшая композиция, похожая на хаотично несущийся вверх вихрь, требует ощупывания пластических форм. В гипнотическом ритме выпуклостей и углублений скульптура таит в себе огромную концентрированную энергию, повышенное ощущение жизни. При внимательном разглядывании с разных сторон в ломаных и резких линиях просматриваются очертания двух плавных гармонично переплетенных фигур, единение мужского и женского начал, рождение божественного союза, породившего все живое. И в то же время «Крест человечества» И. Ханова – это метафора жизненного пути, изобилующего неожиданными поворотами и препятствиями, метафора поиска сокровенной мудрости.

Изящная и утонченная композиция уфимского скульптора Руслана Нигматуллина «Ашина», развивающая рельефную композицию скульптуры, перекликается с пластикой древнеегипетского искусства. Художник в тонко гравированном рельефе, в плавной непрерывной линии изображает прекрасную гибкую небожительницу Ашину, легендарную волчицу – прародительницу всех тюрков. Пластической красотой и утонченной грацией отличается вся ее фигура. Нежно и трепетно все ее тело в мягком изгибе рук, плавном наклоне головы с распущенными волосами, изящны ноги, изогнутые в коленях. Неземные пальцы рук подчеркивают божественную женственность образа. Идея сверхчеловеческого величия в земном образе выражена через застылость, статичную неподвижность позы.

Женская красота – одна из главных тем в творчестве московского скульптора Тагира Субханкулова. Он опирается на традиции европейского ваяния, скульпторов-модернистов первой трети – середины XX века (А. Майоль, К. Бранкузи, Г. Мур и др.). Скульптура мастера «Тайна озера Кабан» завораживает утонченной грацией. В плотном упругом теле женщины, в ее округлых формах угадываются и камни древних цивилизаций, и черты каменных балбалов. Видна перекличка с работами Генри Мура. В скульптуре достигнута максимальная динамика, доступная лежащей фигуре; своеобразно сочетаются юмор и монументальность, мощь и вялость одновременно.

Живой непосредственностью и плавным ритмом движения привлекает небольшая скульптура «Мелодия» («Моң») Рустама Габбасова (Казань). Это гротесковая фигура музыканта, играющего на курае, выразительна с разных точек зрения. Магия музыки воспроизведена в этом образе с захватывающей силой. Скругленная фигура кураиста напоминает графику, наполненную объемом с гладко обработанной поверхностью.

Лаконичная, без особой детализировки, она тяготеет к знаку и при освещении дает все новые и новые нюансы восприятия.

Если «Мелодию» можно созерцать по кругу, как бы повторяя ритм круговращения Вселенной, то «Воин» Азии Минулиной (Казань), продолжающей тюркские восточные традиции с их тяготением к рельефу, фронтальностью, родственностью с эпиграфикой, рассчитан на одну точку восприятия. Округлое скуластое лицо воина воплощает канонический тюркский тип красоты. По первоначальному замыслу это должен был быть лучник, но в ходе работы у автора возникла идея создать образ защитника Казанского кремля. Лук был заменен на щит.

В абстрактной динамичной композиции «Любовь» («Ашик») Метина Кара из Турции, состоящей из двух сильно редуцированных антропоморфных форм, напоминающих пластику арабской буквы, проявляется одна из особенностей изображения человека в искусстве ислама. Автор напоминает зрителю о метафорическом переосмыслении незыблемых вещей в красивые и меткие иносказания, создающие новые игровые ситуации восприятия. Здесь можно увидеть противостояние и единство, мощь и незащищенность, а в устремленной ввысь вертикали – божественную торжественность. Мастер стремился сохранить в законченной работе следы необработанного материала, как бы показывая рождение живого образа из аморфной массы.

Мамед Рашидов из Баку в своей скульптурной композиции обратился к древнейшим фигуративным и орнаментальным мотивам. Монументальность его работ обусловлена сознательным выбором древних мотивов: с одной стороны, музыки – «гавалдаш» (тюрк. – букв «камень-бубен»), с другой стороны – «камня-балбала», «тотемного столба», охраняющего и оберегающего. Сохраняя природную цветовую гамму камня, он экспериментирует с яркой тонировкой, используя роспись в авангардном ключе, как современный граффитист на архитектурной плоскости. Тонирование с эффектом патины придает глыбам древний естественный вид. Нанесенные на поверхность камня рисунки сакрального свойства, «идеогаммы», угловатые насечки и штрихи, горизонтальные полосы, треугольники своими графическими формами и линиями подчеркивают геометрическую монолитность камня, а в причудливых формах тотемов, напоминающих загадочного и таинственного Шурале, автор подчеркивает высеченность их из скалы.

Композиция «Остров» Айдера Алиева (Крым) посвящена древней Киммерии, где пластический язык впитал восточные и западные культурные традиции. В ней торжество стихии природы, стихии скал и холмов, романтики моря, игры света и тени. Мы чувствуем подвижность мира и ощущаем неокончателность всего сущего, неопределенность и неуловимость, недоговоренность... Ее поверхность характеризуется живописной подвижностью самих пластических масс, одухотворением пла-

стической субстанции, приведенной в движение глубинными силами и отныне не находящей покоя. Международный симпозиум

«Мелодия камня», прошедший в Казани, доказал, что подобный форум, являясь одним из социально-культурных феноменов современного художественного процесса, обладает большими творческими возможностями. Во-первых, он способствует установлению творческих связей между профессионалами разных регионов и созданию единого культурного пространства. Во-вторых, происходит творческий информационный обмен художников разных поколений, зрители получают возможность прямых контактов с творцами и созерцания живого процесса рождения скульптуры. В-третьих, симпозиум позволяет увидеть современные тенденции развития и наметить новые перспективы. Самый главный результат: на территории Казанского кремля появились интересные пластические произведения, которые навсегда остались знаками необычного для нас года. авангардистские направления русского, европейского искусства с опорой на собственные и общетюркские традиции открывают своеобразный плодотворный путь для развития скульптуры республики.

Автором был издан каталог симпозиума на русском, татарском, английском языках, в котором нашли отражение созданные произведения, данные о скульпторах, зафиксирован процесс работы [4]. Недавно нами обнаружено, что некоторые скульптуры по неизвестной причине исчезли из экспозиции (Асии Минулиной «Воин», Тагира Субханкулова «Озеро Кабан»).

Литература

1. Султанова Р.Р. Слово редактора о концепции и перспективах издания // Альманах. Искусствоведение Татарстана. «Сәнәигы нәфисә». Выпуск 1. Теория, история, современная художественная практика, арт-рынок. Авт.-сост. Р.Р. Султанова, 2017. 313 с.
2. Гамзатова П.Р. Художественные события и кураторская политика в современном искусстве мусульманских ареалов СНГ издания // Альманах. Искусствоведение Татарстана. «Сәнәигы нәфисә». Выпуск 1. Теория, история, современная художественная практика, арт-рынок. Авт.сост. Р. Р. Султанова, 2017. С. 38–39.
3. Кривошеева Т.Н. Скульптура Татарстана: истоки, становление, продолжение традиций // Скульптура Татарстана: альбом / Т.Н. Кривошеева, Д.Д.Хисамова; [науч. ред. Р.Р. Султанова, авт. предисл. Ф.Ш. Хузин]. Казань: Татар. кн. изд-во, 2022. С. 6–164.
4. Султанова Р.Р. Таш моны. Мелодия камня. The stone Melody / Каталог международного симпозиума по скульптуре. 29 июня – 18 июля 2014 г. (тат., рус., англ. яз.). Казань, 2015. 40 с.: ил.

References

1. Sultanova R.R. Slovo redaktora o kontseptsii i perspektivakh izdaniya // Al'manakh. Iskustvovedenie Tatarstana. «Sənəıǵy nəfısə». Vypusk 1. Teoriya, istoriya, sovremennaya khudozhestvennaya praktika, art-rynok. Avt.-sost. R.R. Sultanova, 2017. 313 s.

2. Gamzatova P.R. Khudozhestvennyye sobytiya i kuratorskaya politika v sovremennom iskusstve musul'manskikh arealov SNG izdaniya // Al'manakh. Iskusstvovedenie Tatarstana. «Sənəigy nəfisə». Vypusk 1. Teoriya, istoriya, sovremennaya khudozhestvennaya praktika, art-rynok. Avt.sost. R. R. Sultanova, 2017. S. 38–39.

3. Krivosheeva T.N. Skul'ptura Tatarstana: istoki, stanovlenie, prodolzhenie traditsii // Skul'ptura Tatarstana: al'bom / T.N. Krivosheeva, D.D. Khisamova; [nauch. red. R.R. Sultanova, avt. predisl. F.Sh. Khuzin]. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2022. S. 6–164.

4. Sultanova R.R. Tash mony. Melodiya kamnya. The stone Melody / Katalog mezhdunarodnogo simpoziuma po skul'pture. 29 iyunya – 18 iyulya 2014 g. (tat., rus., angl. yaz.). Kazan', 2015. 40 s.: il.

Сведения об авторе

Султанова Рауза Рифкатовна, доктор искусствоведения, заведующая Центром искусствоведения Института, языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация.
E-mail: Rauzasultan.art@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 6.08.2023.
Одобрена после рецензирования: 18.08.2023.
Принята к публикации: 14.10.2023.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Author of the publication

Rauza R. Sultanova, Doctor of Arts, Head of the Center for Art History of the Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimova (Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan), Kazan, the Republic of Tatarstan, Russian Federation.
E-mail: Rauzasultan.art@mail.ru

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 08.06.2023.
Approved after peer reviewing: 08.18.2023.
Accepted for publication: 10.14.2023.
The author has read and approved the final manuscript

**МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ
И РЕСТАВРАЦИЯ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ**

**MUSEUM SCIENCE, CONSERVATION
AND RESTORATION
OF HISTORICAL AND CULTURAL OBJECTS**

Научная статья

УДК 069.01

<https://doi.org/10.52883/2619-0214-2023-6-4-431-443>

Исторические науки

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МУЗЕЕВ-КВАРТИР
В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ**

Наталья Юрьевна Басманова

Государственный музей В.В. Маяковского, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, chenatasha@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности реализации музейной миссии в обществе, а именно научно-просветительской деятельности, применительно к особенностям бытования и взаимодействия с социумом такого типа малых музеев как музей-квартиры. Приводятся факторы, условия, нормативные акты, формирующие эти особенности деятельности. Кроме того, выделены и описаны способы расширения и привлечения аудитории, позволяющие максимально нивелировать масштабы и ограничения, в том числе площадей, коллекций и пр., которые характерны для малых музеев. Рассмотрены классические формы взаимодействия с аудиторией и использования мультимедиа технологий с точки зрения плюсов и минусов их реализации на базе музеев-квартир.

Ключевые слова: музей-квартиры, аудитория, научно-просветительская деятельность, актуальность, востребованность в обществе, работа с местным сообществом

Для цитирования: Басманова Н.Ю. Особенности функционирования музеев-квартир в современной социокультурной ситуации. Наследие и современность. 2023;6(4):431–442. <https://doi.org/10.52883/2619-0214-2023-6-4-431-442>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

© Басманова Н.Ю., 2023

© Наследие и современность, 2023

FEATURES OF THE APARTMENT MUSEUM FUNCTIONING IN THE MODERN SOCIOCULTURAL SITUATION

Natalia Yu. Basmanova

The State Museum of V.V. Mayakovsky, Russian State university for the Humanities, Moscow, Russia, chenatasha@mail.ru

Abstract. The article discusses the peculiarities of the implementation of the museum mission in society, namely scientific and educational activities, in relation to the peculiarities of existence and interaction with society of a special small museum type – apartment museums. The factors, conditions, regulations, that form these features of activities, are given. In addition, the ways of expanding and attracting audience to apartment museums, are highlighted and described, that make it possible to minimize disadvantages of small museums, as space of the areas, collections' and other restrictions. All classical forms of interaction with the audience and the use of multimedia technologies are considered from the point of view of the pros and cons of their implementation on the basis of apartment museums.

Keywords: apartment museums, audience, scientific and educational activities, relevance, relevance in society, work with the local community

For citation: Basmanova N. Yu. Features of the functioning of apartment museums in the modern sociocultural situation *Nasledie i sovremennost' = Heritage and Modern Times*. 2023;6(4):431–442. <https://doi.org/10.52883/26190214-2023-6-4-431-442>.

Современная тенденция бытования и развития музеев-квартир в целом связана с расширением профильной направленности мемориальных музеев и круга хранимых и экспонируемых ими объектов наследия, с поиском наиболее востребованных форм работы с аудиторией, новых путей расширения информационного поля своей деятельности, отстаиванием уникальности и особого статуса малых музеев.

Музеи-квартиры – один из относительно молодых видов музеев, получивший своё начало с музеефикации квартиры Д.И. Менделеева при Петербургском университете в 1911 году. В Москве в 1918 году Т.Ф. Шлецер-Скрябина – вдова А.Н. Скрябина – добилась охранной грамоты на квартиру, где великий композитор жил и работал с 1912 по 1915 гг., и уже в 1922 г. в этой квартире по инициативе Общества имени А.Н. Скрябина был открыт музей.

В отличие от домов-музеев, создание музеев-квартир было связано преимущественно с деятелями культуры и государственными деятелями советской эпохи. Заметный рост количества музеев-квартир наблюдается в XX веке дважды: после Великой Отечественной войны и в 1990-е годы. В 1990-е интерес привлекают личности, творческая и иная деятельность которых не рассматривалась ранее по идеологическим причинам: П. Флоренский, М. Цветаева, М. Булгаков, – в обществе возникает интерес к этим личностям, желание сохранить память о них и, в частности, желание создания музеев на основе их квартир. С другой стороны, 1990-е годы характерны обратным процессом – закрытием мемориальных квартир. Прекращают своё существование некоторые музеи-квартиры, связанные с деятелями революции. Музеи-квартиры впервые глобально сталкиваются с проблемой утраты актуальности своего «героя» в обществе, проблемы, которая требует особого рассмотрения в обилии отечественных практик, внимания и проработки на стадии проектирования музея.

Требующим особого внимания аспектом работы музея-квартиры в рамках реализации музейной миссии, а именно научно-просветительской работе, являются ограничения [1], вызванные наличием весьма небольших музейных пространств, связанные с небольшим количеством посетителей, которых может одновременно принять площадка (рис. 1). К решению данного вопроса бесполезно привлекать головное учреждение – ни его масштабы, ни имидж не могут никак повлиять на результат. Однако ситуация может быть удачно разрешена несколькими способами:

- задействованием городского пространства: пешеходные экскурсии, квесты, приложения и т.п.; таким образом возможно снять или существенно уменьшить количественные ограничения для аудитории культурно-образовательных проектов;

- возможностью «делить» большие группы посетителей между двумя-тремя музеями-квартирами, которые «в одиночку», как правило, не имеют возможности принять группу более 15 человек.

Рисунок 1 – Государственный музей В.В. Маяковского. Квартира на Большой Пресне, интерьер

Как уже было сказано выше, количественные показатели для музея квартиры не могут быть определяющими. Его востребованность в обществе, скорее, будет определяться узнаваемостью и популярностью как площадки для разного рода культурных событий, информационных поводов, значения в социокультурном пространстве города и, конечно, узнаваемостью самого героя, если речь идёт о мемориальной квартире или мастерской. Однако на данный момент существующий управленческий подход весьма отличается от приведенного выше, и количественные показатели имеют решающее значение в определении успешности и востребованности музея в обществе, его нужности и праве на существование в целом. Подобная ситуация ставит музеи-квартиры в заведомо проигрышное положение и заранее практически сводит на нет всевозможные усилия по привлечению аудитории, поскольку конкурировать с музеями, имеющими более подходящие для потоков посетителей помещения и полноценные выставочные залы, музеи-квартиры не могут.

Количество посетителей в музее-квартире регулируется не только документами, направленными на сохранение музейных коллекций и экспонатов [2], но и технической документацией, техникой пожарной безопасности, расчетом техногенной нагрузки [3]. В таких условиях традиционные формы работы с посетителями должны быть адаптированы под специфику и реалии. В среднем одновременно на площадке музея-квартиры может находиться не более 15 человек. Группа же, состоящая из учебного класса, редко будет меньше 30 человек. Это ограничение существенно затрудняет работу музеев-квартир со школами, а это та самая классическая аудитория музеев, которая вносит свой весомый вклад в количественные показатели посещения музея.

Ситуация с лекциями варьируется в зависимости от размера доступных для них помещений музея, но, зачастую, говорить о масштабной лекционной работе можно применительно только к партнерским площадкам, организация мероприятий на которых имеет целью расширить аудиторию музея и привести в него нового посетителя, а не актуализировать включение в социокультурное городское пространство пусть и партнерских, но всё же сторонних площадок. В таком случае музей должен четко представлять себе, чем обоснован выбор того или иного места для выездной работы, и иметь общую концепцию развития и работы на сторонних площадках. В частности, цикл лекций в рамках общегородской культурно-досуговой программы в ближайшем городском парке влечет за собой расширение аудитории, привлечение новых посетителей и участие музея в жизни города. А чтение лекции в ближайшей библиотеке обосновывается лишь наличием в ней (или любом другом учреждении) зала на несколько десятков человек.

Мастер-классы, интерактивные программы – формы работы популярные и востребованные. И именно в музее-квартире мастер-класс и интерактивная программа могут получить максимальное смысловое наполнение. Для этого они

должны быть тематически близки музею, включать теоретическую часть, содержащую популяризацию наследия того, в чьей квартире они организованы, и иметь некую закономерность или цикличность в проведении, то есть не быть одиночным событием [4]. В таком случае камерность мероприятия становится только плюсом, и изначальные методические рекомендации для проведения мастер-классов и интерактивных программ о количестве их участников лишь подтвердятся показателями числа посетителей, одновременно присутствующими на площадке.

Творческие и профессиональные встречи – самый удобный формат для музеев-квартир. Но привлечение медиа-персон влечет за собой невозможность принять всех желающих присутствовать посетителей, и даже набирающие популярность онлайн трансляции не решают вопрос. Приглашение же людей малоизвестных, не имеющих своей публики, ведёт к возможному «фиаско» всего мероприятия. Вследствие этого данный формат должен быть продуман особенно тщательно и представлен системой циклов. Общая концепция и закономерность проведения подобных мероприятий позволит привлечь постоянную аудиторию и создать значимый имидж, образ локации.

События, тематически близкие музею (презентации книг и чтения в литературных музеях-квартирах, музыкальные вечера в квартирах композиторов, спектакли и театральные перформансы в театральных музея-квартирах и т.п.), кроме камерности, должны обладать теми же качествами, что и творческие встречи, а также некоей уникальностью, озвученной в характеристиках события, которая могла бы привлечь посетителя и стимулировать его выбор в пользу небольшой и не всегда удобной для посетителя, привыкшего к инфраструктуре большого городского музея, площадки. Музеи-квартиры имеют ограниченное пространство, не имеют возможностей смены экспозиции, в них отсутствует традиция регулярного посещения, поэтому создание дополнительных инфоповодов, дополнительных мероприятий – единственная возможная эффективная работа по расширению аудитории, привлечению новых посетителей и созданию социокультурной среды в целом (рис. 2).

Рисунок 2 – Государственный музей В.В. Маяковского. Квартира в Студенецком переулке, интерьер

Театрализованная экскурсия [5] – относительно старый формат экскурсии, компромисс между академической экскурсией и зрелищем. С помощью уже созданных и продуманных методистами-профессионалами образов облегчается восприятие информации, смещаются акценты от текста к образу, что позволяет неподготовленному посетителю улавливать основной посыл и заданную концепцию. Подобная форма экскурсии служит, скорее, тому, чтобы заинтересовать темой, стимулировать дополнительную самообразовательную деятельность, а не дать полноценную и самодостаточную картину экспозиции. Популярность и востребованность театрализованных экскурсий возрастает, хотя на практике зачастую музеи проводят костюмированные экскурсии, называя их театрализованными (рис. 3). Элементы театрализации в интерьерах музея квартиры особенно хорошо принимаются посетителями, приходящими в музей-квартиру и уже имеющими в представлении некий образ человека или эпохи, с которыми они планируют познакомиться в музее. В процессе театрализации имеющийся образ претерпевает изменения или развивается. Это оптимальный способ для работы с устоявшимися стереотипами, разрушение которых всегда ведёт за собой желание самостоятельно углубиться в тему. Кроме того, остаётся ощущение включенности, чего не всегда можно достигнуть во время классической экскурсии. Учитывая обстановку музеев-квартир, имеющих мемориальные, истонне всегда возможно достигнуть во время классической экскурсии. Учитывая обстановку музеев-квартир, имеющих мемориальные, исторические интерьеры, ощущение участия и причастности к эпохе и кругу особой личности возникает изначально и без дополнительных усилий.

Рисунок 3 – Фрагмент театрализованной экскурсии на площадке Государственного музея В.В. Маяковского, квартира на Большой Пресне

Использование цифровых технологий [6], мультимедийных комплексов и элементов (всего того, что уже несколько десятилетий помогает музеям дополнять визуальный ряд экспозиции и искать новые пути коммуникации с посетителем) в музеях-квартирах может использоваться весьма ограничено. Связано это не только с камерным пространством, но и с тем, что по результатам опросов [7] посетитель не хочет внедрения в мемориальную среду элементов, нарушающих камерность обстановки, создающих диссонанс со средой, в которую он попадает, перешагнув порог музея квартиры (рис. 4). Экспозиция музея-квартиры практически всегда апеллирует к личному, повседневному опыту посетителя, который становится не просто зрителем или участником экскурсии, а отчасти гостем того человека или той эпохи, о которых музей рассказывает – в музеях-квартирах особенно присутствует «эффект погружения». Исходя из этого, при проектировании мультимедиа в музеях-квартирах помимо характерных для всех музеев общих особенностей его использования должен учитываться и средовой аспект. Выход за пределы экспозиционного пространства, интеграция с интернет-средой для музеев-квартир особенно актуальны.

Рисунок 4 – Государственный музей В.В. Маяковского.
Квартира в Студенечком переулке, интерьер

Поскольку музеи-квартиры существуют, в основном, в структуре более крупных учреждений, то и представление их в интернет-пространстве [8] отражает это положение дел. Музеи-квартиры не имеют своих сайтов, а представлены неким разделом на сайте учреждения, в состав которого

входят. Иногда музеи-квартиры имеют свои страницы в соцсетях [9], но охват аудитории и количество подписчиков у них значительно меньше, чем на страницах основного учреждения. Создание единой платформы, объединившей бы музеи-квартиры, позволило бы создать среду удобную и полезную для аудитории, а самим музеям – расширить зону своего информационного влияния и активизировать коммуникационные процессы, в том числе и между коллегами.

Взаимоотношения с местным сообществом [10] – тема в рамках направления работы с аудиторией благодатная и в той или иной мере прорабатываемая многими музеями-квартирами – становится темой сложной в рамках административной и хозяйственной деятельности учреждения. Здесь, прежде всего, надо отметить, что с соседями необходимо разговаривать, договариваться, а иногда просто общаться, принимая как данность то, что не всем жителям многоквартирного дома соседство музея приятно (рис. 5). Посторонние люди в подъезде, на лестницах, суэта в вечернее время в дни общегородских культурно-образовательных акций и программ, достаточно громкие мероприятия, проблемы с парковкой около дома – всё это вызывает понятный дискомфорт и иногда раздражение, которые может снять лишь сам музей, объяснив жителям все положительные стороны подобного соседства (вплоть до повышения значимости и имиджа и даже стоимости недвижимости в доме, где расположен музей) и дав им некоторые преференции перед другими посетителями. При этом музей-квартира (учреждение, в состав которого он административно входит) также, как и все остальные жильцы, имеет право и должен входить в состав ТСЖ и прочих организаций, принимающих решения, важные для музея как социокультурной институции, имеющей свои цели и функции учреждения культуры. Это направление слабо развито на данном этапе, в основном из-за отсутствия специалистов, имеющих возможность заниматься этим конкретным направлением в деятельности музея-квартиры [11].

Малому музею и музею-квартире в частности по форме своей деятельности легче выстраивать взаимодействие с конкретным индивидуумом и с местным сообществом в целом. Соседи, жители ближайших домов, района – активная, перспективная аудитория, имеющая потенциал в сохранении локальной памяти совместно с музеем и на его базе. Малые музеи имеют возможность изучать и представлять исторические события через индивидуальный опыт, максимально задействовать его в интерпретации тех или иных событий и явлений, а, значит, они всегда будут обращаться к собственному переживанию посетителя, вызывая его неподдельный интерес.

Однако есть и другая сторона вопроса привлечения посетителей [12], и это также общая для музеев-квартир проблема, требующая внимания: мемориальные музеи-квартиры, зачастую, являются зоной интереса определенного профессионального или тематического сообщества. Ин-

терес к музею-квартире музыканта, художника, ученого, прежде всего, характерен для профильных студентов, людей, интересующихся достаточно узкой темой. Работа с профильными учебными заведениями – та зона комфорта, за которую необходимо выходить любому мемориальному музею-квартире для выполнения собственной миссии – максимальной популяризации наследия меморируемого персонажа, «героя» музея.

Говоря о перспективе развития музеев-квартир [13], необходимо оценить их актуальность на сегодняшний день. Но свидетельством актуальности не должны становиться, например, количественные показатели посетителей подобных музеев, которые изначально не являются сильной стороной музеев-квартир [14]. Что же дает нам возможность говорить о востребованности мемориальных музеев-квартир и актуальности дальнейшего исследования темы?

Рисунок 5 – Государственный музей В.В. Маяковского.
Квартира в Студенецком переулке, подъезд

Во-первых, новые музеи-квартиры продолжают создаваться довольно активно. Среди открывшихся и известных широкой аудитории музеев-квартир только в последнее время – музей-квартира А. И. Солженицына (дата открытия – 2018 год), музей-квартира Г. М. Кржижановского (дата открытия – 2019 год), мемориальная квартира семьи Маяковских (дата открытия – 2019 год).

Во-вторых, организация работы внутри музеев, в состав которых входят музеи-квартиры: всё чаще они выделяются в учреждениях в особую структуру, чем позиционируется их специфичность (отдел малых музеев, отдел мемориальных квартир) [15].

В-третьих, в освоении такого динамично развивающегося направления работы с аудиторией, как работа с местным сообществом, именно

малым музеям уделяется всё большее внимание [16]. Это именно то направление деятельности, которое позволяет говорить о влиянии музея на социокультурное пространство города. Малые музеи и музеи-квартиры, в частности, способны создавать особый смысловой, знаковый уровень в этом пространстве, становясь точкой притяжения района, пространства, города, региона (рис. 6).

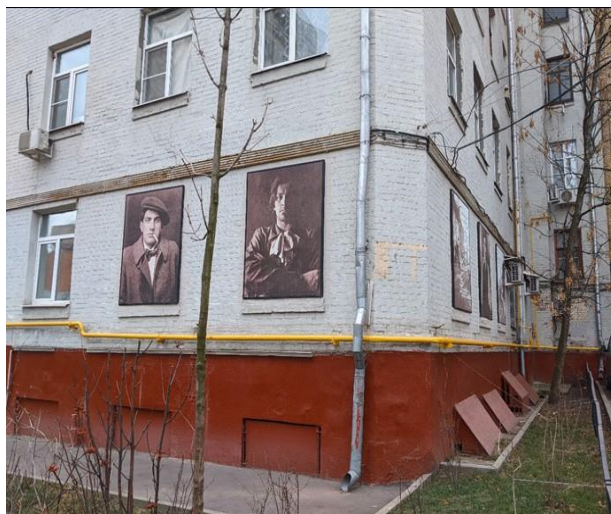

Рисунок 6 – Государственный музей В.В. Маяковского.
Квартира на Большой Пресне

Ведомственная разобщенность, кардинально разное подчинение музеев-квартир и отсутствие единого пространства для обсуждения общих проблематик (некоторые из которых довольно быстро бы могли решиться при комплексном подходе) не позволяют музеям-квартирам развиваться успешнее, несмотря на востребованность в обществе последних лет, когда бытовой, средовой аспект и интерес к интерпретации исторических событий через личный опыт, снова стали популярны.

Литература

1. Приказ Министерства культуры РФ от 23 июля 2020 г. N 827 «Об утверждении Единых правил организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций» // http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011060011?ysclid=ljwwq6d7_dt635332638 (дата обращения 23.01.2023).

2. Единые правила организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, Утверждены приказом Министерства культуры Российской Федерации от 23.07.2020 № 827 // http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011060011?ysclid=ljwwq6d7_dt635332638 (дата обращения 23.01.2023).

3. Методические рекомендации по разработке нормативов посещаемости музеев Российской Федерации в зависимости от их объективных возможностей по приему посетителей. Минкультуры России от 27.11.2017 № 400-01.1-39-ВА // https://musrzn.ru/uploads/images/files/metod_rekomendatzii_po_razrabotke_normativov_poseshchaemosti.pdf (дата обращения 02.12.2022).

4. Глущенко Л.И. Интерактив на музейных площадках // Сообщения Муромского музея. 2011. Материалы отчетной конференции. С. 24–32.

5. Тимофеева А.Л. Метод театрализации в работе музеев России // Ученые записки. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный институт культуры», 1(19), 2019. С. 29.

6. Будагян Р.Р. Тенденции применения цифровых технологий в пространстве современного музея // Сфера культуры, 1(3) 2021. С. 61–68.

7. Опросы посетителей, проводимые на площадках ГБУК г. Москвы «Государственный музей В.В. Маяковского» в 2019–2020 гг.

8. Саркисова Е.Г. Музей в Интернет-пространстве: актуальные коммуникационные стратегии и практики // Журнал Института наследия, 1(28), 2022. С. 19.

9. Технологии продвижения мемориальных музеев-квартир в России. ВКР НИУ ВШЭ. М. 2017.

10. Работа музея с местными сообществами: пособие для музейных работников. М., 2020.

11. Ватаман В.П. Мемориальный музей в культурном пространстве региона // Современные проблемы сервиса и туризма, № 4. 2014.

12. Маркова А.С., Балаева Д.П., Тимофеева Л.С. Проблема привлечения посетителя в музей // Казанский вестник молодых ученых, 2(10), 2019. С. 44.

13. Гудима Т.М. История, современное состояние и перспективы музеев России // Горизонты гуманитарного знания, № 3, 2017.

14. Поляков Т.П. Музейная экспозиция: Методы и технологии актуализации культурного наследия. М., 2019. С. 519–563.

15. Виды организационных структур музея // Справочник руководителя учреждения культуры. 4/ 2021. С. 11–14.

16. Бутакова Д.А., Гаврилова Н.И. Музей в социокультурном пространстве города: особенности культурной коммуникации // Теория и практика общественного развития, 8, 2011. С. 80.

References

1. Prikaz Ministerstva kul'tury RF ot 23 iyulya 2020 g. N 827 «Ob utverzhdenii Edinykh pravil organizatsii komplektovaniya, ucheta, khraneniya i ispol'zovaniya muzeinykh predmetov i muzeinykh kollektzii» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011060011?ysclid=ljwwq6d7dt635332638> (data obrashcheniya 23.01.2023).

2. Edinye pravila organizatsii komplektovaniya, ucheta, khraneniya i ispol'zovaniya muzeinykh predmetov i muzeinykh kollektzii, Utverzhdeny prikazom Ministerstva kul'tury Rossiiskoi Federatsii ot 23.07.2020 № 827 // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011060011?ysclid=ljwwryhyur99340481> (data obrashcheniya 23.01.2023).

3. Metodicheskie rekomendatsii po razrabotke normativov poseshchaemosti muzeev Rossiiskoi Federatsii v zavisimosti ot ikh ob"ektivnykh vozmozhnostei po priemu posetitelei. Minkul'tury Rossii ot 27.11.2017 № 400-01.1-39-VA // https://musrzn.ru/uploads/images/files/metod_rekomendatzii_po_razrabotke_normativov_poseshchaemosti.pdf (data obrashcheniya 02.12.2022).

4. Glushchenko L.I. Interaktiv na muzeinykh ploshchadkakh // Soobshcheniya Muromskogo muzeya. 2011. Materialy otchetnoi konferentsii. S. 24–32.

5. Timofeeva A.L. Metod teatralizatsii v rabote muzeev Rossii // Uchenye zapiski. Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Al'taiskii gosudarstvennyi institut kul'tury», 1(19), 2019. S. 29.

6. Budagyan R.R. Tendentsii primeneniya tsifrovyykh tekhnologii v prostranstve sovremennogo muzeya // Sfera kul'tury, 1(3) 2021. S. 61–68.

7. Oprosy posetitelei, provodimye na ploshchadkakh GBUK g. Moskvy «Gosudarstvennyi muzei V.V. Mayakovskogo» v 2019–2020 gg.

8. Sarkisova E.G. Muzei v Internet-prostranstve: aktual'nye kommunikatsionnye strategii i praktiki // Zhurnal Instituta naslediya, 1(28), 2022. S. 19.

9. Tekhnologii prodvizheniya memorial'nykh muzeev-kvartir v Rossii. VKR NIU VShE. M., 2017.

10. Rabota muzeya s mestnymi soobshchestvami: posobie dlya muzeinykh rabotnikov. M., 2020.

11. Vataman V.P. Memorial'nyi muzei v kul'turnom prostranstve regiona // Sovremennye problemy servisa i turizma, № 4. 2014.

12. Markova A.S., Balaeva D.P., Timofeeva L.S. Problema privlecheniya posetitelya v muzei // Kazanskii vestnik molodykh uchenykh, 2(10), 2019. S. 44.

13. Gudima T.M. Istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy muzeev Rossii // Goriizonty gumanitarnogo znaniya, № 3, 2017.

14. Polyakov T.P. Muzeinaya ekspozitsiya: Metody i tekhnologii aktualizatsii kul'turnogo naslediya. M., 2019. S. 519–563.

15. Vidy organizatsionnykh struktur muzeya // Spravochnik rukovoditelya uchrezhdeniya kul'tury. 4/ 2021. S. 11–14.

16. Butakova D.A., Gavrilova N.I. Muzei v sotsiokul'turnom prostranstve goroda: osobennosti kul'turnoi kommunikatsii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya, 8, 2011. S. 80.

Сведения об авторе

Басманова Наталья Юрьевна, начальник отдела мемориальных квартир ГБУК г. Москвы «Государственный музей В.В. Маяковского». Соискатель ученой степени кафедры музеологии факультета Истории искусств Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.

E-mail: chenatasha@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 6 июля 2023. Одобрена после рецензирования: 8 августа 2023. Принята к публикации: 14 августа 2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Author of the publication

Natalia Yu. Basmanova, the Head of Department of memorial apartments GBUK of Moscow “The State Museum of V.V. Mayakovsky”. Applicant for a degree of the Department of Museology of Faculty of Art History of Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

E-mail: chenatasha@mail.ru

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: July 6, 2023. Approved after peer reviewing: August 8, 2023. Accepted for publication: August 14, 2023.

The author has read and approved the final manuscript.

СОХРАННОСТЬ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ КАК ЧАСТИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ИНФОРМАЦИОННОГО РЕСУРСА СТРАНЫ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Юлия Викторовна Маслова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия,
maslova_yv@mail.ru*

Светлана Дамировна Бородина

*Казанский государственный институт культуры, Казань, Россия,
borodina_tema@mail.ru*

Айслу Радифовна Мансурова

*Казанский государственный институт культуры, Казань, Россия,
abdulh@mail.ru*

Аннотация. Интеграция страны в процессы цифровизации и формирующийся информационный ландшафт требуют значительного внимания к решению проблем и реализации комплекса системных мер по обеспечению сохранности письменных памятников как части культурного наследия страны. Актуальность представленного автором исследования заключается в обобщении тенденций цифровой трансформации учреждений культуры, в частности их документных массивов, ориентированных на повышение качества обслуживания пользователей, обеспечение сохранности документных фондов, увеличение возможностей распространения информации о коллекциях, экспонатах за пределы учреждения культуры, предоставление оперативного доступа к удаленным ресурсам.

Ключевые слова: письменные источники, сохранность фонда, документный фонд, культурное наследие, документ, библиотека, учреждение культуры, цифровизация

Для цитирования: Маслова Ю.В., Бородина С.Д., Мансурова А.Р. Сохранность письменных памятников как части культурного наследия и информационного ресурса страны в цифровую эпоху. *Наследие и современность*. 2023;6(4):443–454. <https://doi.org/10.52883/2619-0214-2023-6-4-443-454>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

© Маслова Ю.В., Бородина С.Д., Мансурова А.Р., 2023

© Наследие и современность, 2023

PRESERVATION OF WRITING SOURCES AS PART OF CULTURAL HERITAGE AND INFORMATION RESOURCE OF THE COUNTRY IN THE DIGITAL ERA

Julia V. Maslova

Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia, maslova_yv@mail.ru

Svetlana D. Borodina

Kazan State Institute of Culture, Kazan, Russia, borodina_tema@mail.ru

Ayslu R. Mansurova *Kazan State Institute of Culture, Kazan, Russia, abdulh@mail.ru*

Abstract. The integration of the country into the processes of digitalization and the emerging information landscape requires significant attention to solving problems and implementing a set of systemic measures to ensure the preservation of document collections as part of the country's cultural heritage. The relevance of the research presented by the author is to generalize the trends of digital transformation of cultural institutions, in particular their document arrays, focused on improving the quality of user service, ensuring the safety of document collections, increasing the possibilities of distributing information about collections, exhibits outside the cultural institution, providing operational access to remote resources.

Keywords: preservation of the fund, document fund, cultural heritage, document, library, cultural institution, digitalization

For citation: Maslova Yu.V., Borodina S.D., Mansurova A.R. Preservation of writing sources as part of cultural heritage and information resource of the country in the digital era. *Nasledie i sovremennost'* = *Heritage and Modern Times*. 2023;6(4):443-454. <https://doi.org/10.52883/2619-0214-2023-6-4-443-454>.

Письменный памятник – важнейший стратегический ресурс современного общества, источник духовного наследия, посредством которого воссоздается историческая картина мира, исследуется историкокультурное наследие. Он несет информацию о прошлом, которая может быть использована историком, музееведом, культурологом, библиотекарем, документоведом и работником учреждения культуры в научных исследованиях и профессиональной деятельности. На протяжении веков документально зафиксированные сведения как накопленный человечеством опыт тщательно отбирались, передавались современникам и сохранялись для передачи последующим поколениям. Так появилась цивилизация.

В ходе исторического развития возникло множество разнообразных письменных источников, обеспечивающих функционирование социально-экономической и культурной подсистем общества, что делает актуальной проблемы их организации и хранения. Значимость и масштабы работы с письменными памятниками, в частности, с документами, в учреждениях культуры характеризуются постоянно возрастающей актуальностью, поскольку цифровизация сделала результаты этой работы публичными, следовательно, более востребованными. Библиотеки, музеи – активно функционирующие социальные институты современного общества, обеспечивающие сохранение и трансляцию культурного наследия посредством документа. Система документных фондов учреждения культуры, представляет собой информационный ресурс, имеющий безусловное значение как для общества, так и для деятельности учреждения культуры. Практика работы с документами в музеях, библиотеках актуализировалась в связи с внедрением цифровых технологий. Генетическая общность происхождения данных учреждений, пересечение функций, комплексность форм обслуживания и, главное, общий объект деятельности – документ – позволяют рассматривать библиотеки и музеи в едином профессиональном поле.

В едином информационном поле рассматриваются такие аспекты, как,

- документ как социокультурный феномен;
- документный фонд библиотеки, музея в меняющейся коммуникационной среде;
- гуманитарные аспекты цифровой трансформации документа в библиотеках, музеях;
- экспозиционно-выставочная работа учреждений культуры как форма коммуникации;
- фольклорные источники в современном социокультурном пространстве;
- социально-культурные практики использования документа как средства идейно-эмоционального воздействия и др.

В современной социальной действительности индивидuum регулярно сталкивается с обширным объемом информации, которая разнообразна по своему содержанию и формату. Он фиксирует и классифицирует ее в зависимости от своих культурно-исторических установок, ориентируясь на принятую в социуме систему ценностей и социальную память поколений [1].

Прогресс общества в эффективном управлении своей коллективной памятью произошел, когда оно перешло от бессистемного накопления исторической информации к намеренной консолидации ее в специальных институтах, известных как хранилища. Древние архивы – библиотеки, ведомственные архивы, кабинеты «раритетов» и отдельные собрания документов – на протяжении веков превратились в сеть библиотек, музеев, частных или корпоративных хранилищ. Одновременно шло размежевание функций этих учреждений. В современных

библиотеках в большей степени кумулируется ретроспективная информация, мало связанная с субъектом обучения, воспитания, релаксации. Информация, отобранная для едомственного архива учреждения культуры, всегда ассоциируется с определенным местом и содержит информацию социально-биографического характера о региональном сообществе. Прежде разрозненные учреждения, благодаря информационным технологиям – сегодня являются элементами одной информационной системы, способными не только организовывать информацию и выдавать ее по требованию, но и быть институтами хранения социальной памяти.

В последние годы региональные музеи, библиотеки субъектов РФ издаются такие труды, как «Книга памяти», «Знаменитые уроженцы края», проводят исторические изыскания на региональном материале. Например, национальные библиотеки РФ издаются сборники документов, раскрывающих биографии известных деятелей культуры, искусства и т.д., тем самым внося существенный вклад в сохранение исторического и культурного наследия.

В республиках Российской Федерации имеются публичные библиотеки, которые хранят ресурсы региональной тематики. Например, Национальная библиотека Республики Татарстан предоставляет такие материалы, как «Календарь знаменательных и памятных дней Татарстана» и «Выдающиеся деятели культуры и искусства Республики Татарстан». Аналогичным образом Национальная библиотека Чувашии предлагает такие ресурсы, как «Литературная карта Чувашии»,

«Культурное наследие Чувашии» и «Краеведение Чувашии». Эти коллекции играют жизненно важную роль в сохранении и популяризации культурного наследия этих регионов, выступая в качестве ценного актива, способствующего воспитанию национального самоуважения и патриотизма. Документные фонды составляют значимую часть общенационального культурного наследия России и являются ценнейшим информационным ресурсом нашего государства, особенно это касается библиотечных фондов в силу их открытости, доступности и бесплатности.

В настоящее время главными проблемами сохранения культурного наследия являются:

- обеспечение сохранности библиотечного фонда в процессах его массового использования;
- сохранение копий документов в виде электронных файлов или с помощью облачных технологий;
- выявление, изучение, регистрация и сохранение ценных и редких книг, книжных памятников, памятников письменности и культуры. Библиотечные технологии хранения фондов обеспечили человечеству возможность приобщения к культуре Древнего Египта, Шумера, античной Греции и т.д.

Сохранность фондов, составляющих культурное наследие и информационный ресурс страны, может быть эффективно обеспечена за счет реализации различных мер, в том числе:

- соблюдение нормативно-физических и санитарно-гигиенических правил во всех складских помещениях;
- оснащение учреждений культуры современными системами пожарной безопасности, реставрационными инструментами, выставочными помещениями, технологиями оцифровки;
- создание научной системы хранения, консервации и реставрации особо ценных фондов.

В настоящее время, по мнению экспертов, большинство российских библиотек не выполняют необходимых условий, что приводит к тяжелой ситуации с сохранением библиотечных фондов из-за недостаточного финансирования. Эта проблема сохраняется как на региональном, так и на национальном уровне, на протяжении двух десятилетий происходило уменьшение библиотечного фонда.

В условиях тотальной цифровизации библиотеки и музеи сохраняют статус институтов социальной памяти, вступают в конкуренцию как держатели уникальных фондов, интегрированных в качестве одного из базовых элементов в мировую информационную систему.

Уникальность документных собраний, характерная для библиотек всех уровней – от сельской до общенациональной, в условиях цифровизации становится общественным достоянием и ориентирует специалистов на взвешенное отношение к своему фонду как части общенациональной и мировой информационной системы. Как результат – расширение спектра предоставляемых услуг, усиливающаяся коллаборация учреждений культуры на региональном, межрегиональном, федеральном уровнях.

Стратегия цифровизации принципиально трансформировала продвижение книжных памятников учреждениями культуры. Перевод их в цифровую форму – ключевая задача таких институтов, как библиотека и музей независимо от их ведомственной принадлежности. Оцифровка уникальных фондов целесообразна не только с точки зрения продвижения фондов, но и их сохранности, поскольку цифровая копия, аутентичная оригиналу, становится его замещением в процессе обслуживания [2].

Появление такого феномена, как электронный документ, характеризующегося неограниченной тиражируемостью и мобильностью, максимально сократило их различие, обусловило взаимопроникновение технологий, форм и методов работы и др. Например, крупные учреждения культуры позиционируют себя как культурно-исторические центры, создают в своих стенах музеи, формируют библиотеки-музеи, музеи-библиотеки и т.д. Библиотеки приступают к музеологической визуализации своих фондов, а музеи создают библиотеки для служебного пользования.

Сохранение книжного культурного наследия путем оцифровки документов стало еще одним приоритетным направлением в работе биб-

лиотеки в условиях ее адаптации к цифровым вызовам современной эпохи. Актуальность данной проблемы обусловлена ее включением в национальный проект «Культура» (в частности, федеральный проект «Цифровая культура») на федеральном уровне, в котором особое внимание уделяется оцифровке книжных памятников. Интересен опыт Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина по оцифровке документных коллекций. В этих библиотеках оцифровка документов является одной из традиционных областей применения цифровых технологий [3].

Например, коллекция Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина состоит из редких книг XVI–XX веков, которые были переданы в дар Президентской библиотеке в мае 2009 года. Эта коллекция во многом уникальна: во многих документах отражены характеристики исторических книжных памятников, классифицированных по их хронологическому порядку. В настоящее время коллекция насчитывает 170 идентифицированных экземпляров изданий, в том числе западноевропейские издания до 1700 года, кирилловские шрифтовые издания XVIII века, а также отечественные издания гражданским шрифтом XVIII века и гражданским шрифтом 1800–1830 годов, которые обладают высокой историко-культурной ценностью. В связи с этим, руководство библиотеки приняло решение о приоритетном преобразовании данных документов в электронный формат, с целью сохранения их для будущих поколений и удовлетворения потребностей социума в доступе к культурному наследию. В настоящее время Президентская библиотека формирует цифровую коллекцию, известную как «Книжные памятники Президентской библиотеки» (<https://www.rplib.ru/collections/1307365>), как важнейший компонент своей деятельности. Эта инициатива служит эффективным средством сохранности книжных памятников, которые являются ценными компонентами национального библиотечного фонда, и одновременно предоставления открытого доступа к эксклюзивному культурному наследию России. Задача создания электронных коллекций на основе своих фондов становится традиционной как для публичных, так и для научных библиотек, которые преследуют в ее решении две цели: сохранение и защита подверженных рискам разрушения и утраты документов культурного наследия и расширение свободного и равного доступа к ним.

Как известно, в интернете хранится большее число документов, чем во всех библиотеках, вместе взятых. Судя по тому, как быстро растет интернет-аудитория, общество предпочитает работать именно с электронными документами [4]. Вслед за изменившимися форматами общения с документом на путь новаций встали

библиотеки и музеи. С каждым годом они предлагают все большее число сервисов, касающихся удаленного обслуживания, получения цифровой копии документа, что позволяет «стирать» территориальные границы между фондом и потребителем информации. Вступление человечества в новую эру вызвало к жизни виртуальные музеи, электронные библиотеки. Документные учреждения электронного века рассматриваются сегодня специалистами как информационные навигаторы, поскольку возможность доступа важнее владения документом.

Процесс оцифровки библиотечных фондов открывает широкий спектр возможностей для обеспечения сохранности оригинального документа и повышения доступности информационных ресурсов для читателей. Например, в отделах редких книг и рукописей осуществляется работа по переводу документов в цифровую форму, создаются полнотекстовые копии документов, которые предназначены для использования вместо их подлинников. Первоочередной оцифровке в библиотеках подлежат печатные и рукописные документы: входящие в состав коллекций или тематических групп, обладающих историко-культурной значимостью; особо редкие и ценные единицы хранения (рукописные документы, документы из личных архивов деятелей культуры и искусства, архивные документы периода Великой Отечественной войны); книжные памятники. Вопрос сохранности книжных памятников на территории Российской Федерации требует реализации комплексной инициативы проекта «Единый фонд книжных памятников Российской Федерации», создание которого зависит не только от государственных мер в виде финансирования, организационного и методического руководства, но и таких технологических решений, как унификация описания документа, учет, сохранность, доступность, способы идентификации, группировки и др. Свод книжных памятников Российской Федерации – это распределенный банк данных о книжных богатствах всей страны, независимо от места их нахождения. Его качество зависит от координации и кооперации библиотек. Удачными примерами распределенных баз данных являются «Русские писатели. Поэты» (советский период), «Русские художники», «Владимир Маяковский» и др. [5]. Эти ресурсы представляют собой распределенный банк данных о книжных памятниках, независимо от места их хранения. Описание документа, составленное по единой методике, позволяет осуществлять поиск в единой информационной сети.

Для хранения документов, не пользующихся спросом, но потенциально представляющих информационную ценность, организована особая система хранения, называемая депозитарной. В 1975 году в Российской Федерации созданы депозитарии в соответствии с Постановлением Правительства, основанного на результате обширного научного исследования «Закономерности формирования фондов научных библиотек», проведенного в период с 1971 по 1975 годы. Согласно утвержденному положению об организации депозитарного хранения книжных фондов библиотек, 16 крупнейших

региональных библиотек назначены межобластными депозитариями, а более 100 общегосударственных депозитарных библиотек обязаны собирать и постоянно хранить максимально полные фонды, включая малоиспользуемую литературу. Цель создания депозитариев – это рациональное размещение библиотечных ресурсов и удовлетворение информационных потребностей населения. Система депозитарных хранилищ способна покрыть 100% запросов граждан России на отечественные издания. Однако, данная система привела к книгохранилищному кризису в библиотеках-депозитариях, так как закрепление за библиотеками функции постоянного хранения литературы проведено без выделения дополнительных площадей, финансового и кадрового обеспечения.

Создание и содержание документных массивов требует значительных материальных и трудовых затрат, но общество признает эти затраты целесообразными и готово выделять под них необходимые ресурсы.

Документные массивы учреждений культуры являются базой для разработки разнообразных информационных продуктов и услуг. На практике и сам документный фонд представляет собой специально организованный специфический информационный продукт, созданный для удовлетворения информационных потребностей пользователей. Таким образом, сама технология формирования и организации документного фонда имеет целью получение информационного продукта для решения конкретных поисковых задач.

Создание электронных коллекций на основе традиционных источников является в настоящее время самым распространенным способом повышения информационной емкости фонда, особенно для удаленных пользователей. Попытки перевода печатных документов в цифровую форму впервые начали предприниматься в нулевые годы. Первоначально цифровые копии создавались стихийно, без определенной системы. И только спустя десятилетие процесс стал носить планомерный характер и даже оформился в отдельное направление библиотечной деятельности. Приоритетным направлением, как у нас в стране, так и странах ближнего зарубежья (например, в Республике Беларусь), было определено создание полнотекстовых копий документов [6].

Оцифровка коллекции редких книг и рукописей становится приоритетом из-за ее значительной исторической и культурной ценности, что делает ее одним из ключевых компонентов огромной научной библиотеки. В эту коллекцию вошли ценные документы, являющиеся выдающимися артефактами книжной культуры. Так, отдел рукописей и редких книг Национальной библиотеки Республики Татарстан занимается подготовкой электронных тематических коллекций, таких как

«Памятники истории и культуры. Путеводитель», «К 1100-летию принятия ислама Волжской Булгарии», «Отечественная война 1812 года» и т.д. Аргументами в пользу первоочередной оцифровки редких книг и рукописей служит то, что они часто могут быть отнесены к региональному или национальному культурному наследию народов, представители которого проживают в самых разных местах и очень ценят возможность удаленного доступа к подобным ресурсам. Наконец, в пользу первоочередной оцифровки рукописей и редких книг свидетельствует, как правило, их неудовлетворительное физическое состояние [7].

Объективная реальность сегодняшнего дня — отсутствие единой нормативно-технологической базы создания цифрового фонда.

К числу документов, регламентирующих процессы оцифровки фондов, можно отнести программу ЮНЕСКО «Память мира», которая направлена на достижение следующих целей:

- сохранение мирового документного наследия;
- содействие равноправному доступу пользователей к документному наследию;
- повышение осведомленности общественности о значимости и важности документного наследия;
- продвижение программы среди широкой аудитории [8].

В международный реестр «Память мира» вошли 13 значимых памятников документного наследия России. К ним относятся Архангельское Евангелие 1092 года, Евангелие Хитрово, собрание карт XVIII века с изображением Российской империи, славянские издания с использованием кириллицы XV века, русские плакаты конца XIX – начала XX веков, сборник газет, исторический фонографический архив Санкт-Петербурга с 1889 по 1955 год, Супраслинский кодекс, архив Радзивиллов, Несвижское собрание книг, а также Остромирово Евангелие и др.

При отборе документов для создания электронных копий необходимо полное соблюдение требований четвертой части Гражданского Кодекса Российской Федерации, касающихся авторских и смежных прав [9]. Электронные копии иных категорий документов учреждениям культуры разрешено создавать только при условии соблюдения регламентов правовых актов субъектов Российской Федерации или заключения специального договора с автором документа или иным правообладателем.

На современном этапе развития цифровизации, трансформируя информационные ресурсы и эффективно управляя документным фондом, учреждения культуры могут создать стратегический ресурс культурного наследия, что, в свою очередь, влияет на социально-экономический прогресс и интеллектуальный потенциал нашей нации.

Появившиеся в последние несколько лет нововведения в сфере организации и сохранности фондов свидетельствуют о высокой востребованности документных фондов и актуальности проблем, с ними связанных.

Литература

1. Рыжова С.В. Оцифровка библиотечного фонда как форма сохранности документов // Культурные тренды современной России: от национальных истоков к культурным инновациям: Сборник докладов X Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых учёных. В 6-ти томах, Белгород, 28 апреля 2022 года / Отв. редакторы Н.В. Посохова [и др.]. Том 2. Белгород: Белгородский государственный институт искусств и культуры, 2022. С. 109–112.

2. Кондратова Ю.Н. Оцифровка документов как основа современной концепции сохранности библиотечных фондов // Современное состояние инфосферы учреждений культуры: Материалы V Международного студенческого научно-практического форума, посвященного 50-летию Орловского государственного института культуры, Орел-Минск, 24 марта 2022 года / Науч. редакторы и сост. Д.Н. Грибков, Н.Е. Беляева, редколлегия: Т.Н. Сомова, Н.А. Бекетова, Е.Э. Политевич, О.А. Барма. Орел: Орловский государственный институт культуры, 2022. С. 219–222.

3. Рубчинская О.В. Деятельность российских библиотек по сохранению фондов: практический опыт // Огарёвские чтения: материалы научной конференции: в 3 ч., Саранск, 06–11 декабря 2021 года. Том Часть 3. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2022. С. 69–76.

4. Кубанцева И.А. Электронные издания в фондах библиотек: особенности формирования и использования (по материалам национальных библиотек регионов РФ) // Символический капитал традиционной культуры: опыт прошлого в моделях будущего: материалы II Международной научно-практической конференции, Саранск, 15–16 декабря 2021 года / Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2022. С. 40–44.

5. Гришина Н.Н. Проекты по сохранению культурного наследия региона: от замыслов к реализации // Рязанская земля: история, культура, общество: Материалы Восьмой межрегиональной научно-практической конференции: в 2-х частях, Рязань, 25 августа 2022 года. Рязань: Государственное бюджетное учреждение культуры Рязанской области «Рязанская областная универсальная научная библиотека имени Горького», 2023. С. 27–35.

6. Пинчук Т.В. Проекты по оцифровке фондов Центральной научной библиотеки Национальной академии наук Беларуси как основа для формирования национального цифрового контента в сфере культуры // Электронный век науки. Информационное и ресурсное обеспечение научной деятельности в контексте цифровой трансформации: материалы I международной научно-практической конференции, Махачкала, 27 сентября – 01 октября 2021 года / Библиотека по естественным наукам Российской академии наук; Дагестанский Государственный Университет. – Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Библиотека по естественным наукам Российской академии наук, 2021. С. 38–45.

7. Методические рекомендации по оцифровке библиотечных фондов / Гос. универ. науч. б-ка Краснояр. кр.; сост.: Т.А. Вольская, В.С. Курнатов, ред. Т.И. Матвеева. Красноярск, 2018. 24 с.

8. Программа «Память мира». URL: <http://rus-eu-culture.ru/610/memory/> (дата обращения: 27.08.2023).

9. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1: принята 30 ноября 1994 года [в редакции от 8 декабря 2020 года № 427-ФЗ]; Часть 2: принята 26 января 1996 [в редакции от 27 декабря 2019 года № 489-ФЗ]; Часть 3: принята 26 ноября 2001 [в редакции от 18 марта 2019 года № 34-ФЗ], Часть 4: принята 18 декабря 2006 [в редакции от 20 июля 2020 года № 217-ФЗ]. Текст: электронный // До-

ступ из справочно-правовой системы Консультант Плюс. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 27.10.2022).

References

1. Ryzhova S.V. Otsifrovka bibliotechnogo fonda kak forma sokhrannosti dokumentov // Kul'turnye trendy sovremennoi Rossii: ot natsional'nykh istokov k kul'turnym innovatsiyam: Sbornik dokladov X Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, magistrantov, aspirantov i molodykh uchenykh. V 6-ti tomakh, Belgorod, 28 aprelya 2022 goda / Otv. redaktory N.V. Posokhova [i dr.]. Tom 2. Belgorod: Belgorodskii gosudarstvennyi institut iskusstv i kul'tury, 2022. S. 109–112.

2. Kondratova Yu.N. Otsifrovka dokumentov kak osnova sovremennoi kontseptsii sokhrannosti bibliotechnykh fondov // Sovremennoe sostoyanie infosfery uchrezhdenii kul'tury: Materialy V Mezhdunarodnogo studencheskogo nauchnoprakticheskogo foruma, posvyashchennogo 50-letiyu Orlovskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury, Orel-Minsk, 24 marta 2022 goda / Nauch. redaktory i sost. D.N. Gribkov, N.E. Belyaeva, redkollegiya: T.N. Somova, N.A. Beketova, E.E. Politevich, O.A. Barma. Orel: Orlovskii gosudarstvennyi institut kul'tury, 2022. S. 219–222.

3. Rubchinskaya O.V. Deyatel'nost' rossiiskikh bibliotek po sokhraneniyu fondov: prakticheskii opyt // Ogarevskie chteniya: materialy nauchnoi konferentsii: v 3 ch., Saransk, 06–11 dekabrya 2021 goda. Tom Chast' 3. Saransk: Natsional'nyi issledovatel'skii Mordovskii gosudarstvennyi universitet im. N.P. Ogareva, 2022. S. 69–76.

4. Kubantseva I.A. Elektronnye izdaniya v fondakh bibliotek: osobennosti formirovaniya i ispol'zovaniya (po materialam natsional'nykh bibliotek regionov RF) // Simvolicheskii kapital traditsionnoi kul'tury: opyt proshlogo v modelyakh budushchego: materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Saransk, 15–16 dekabrya 2021 goda / Natsional'nyi issledovatel'skii Mordovskii gosudarstvennyi universitet im. N.P. Ogareva. Saransk: Natsional'nyi issledovatel'skii Mordovskii gosudarstvennyi universitet im. N.P. Ogareva, 2022. S. 40–44.

5. Grishina N.N. Proekty po sokhraneniyu kul'turnogo naslediya regiona: ot zamyslov k realizatsii // Ryazanskaya zemlya: istoriya, kul'tura, obshchestvo: Materialy Vos'moi mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2-kh chastyakh, Ryazan', 25 avgusta 2022 goda. Ryazan': Gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie kul'tury Ryazanskoi oblasti «Ryazanskaya oblastnaya universal'naya nauchnaya biblioteka imeni Gor'kogo», 2023. S. 27–35.

6. Pinchuk T.V. Proekty po otsifrovke fondov Tsentral'noi nauchnoi biblioteki Natsional'noi akademii nauk Belarusi kak osnova dlya formirovaniya natsional'nogo tsifrovogo kontenta v sfere kul'tury // Elektronnyi vek nauki. Informatsionnoe i resursnoe obespechenie nauchnoi deyatel'nosti v kontekste tsifrovoi transformatsii: materialy I mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Makhachkala, 27 sentyabrya – 01 2021 goda / Biblioteka po estestvennym naukam Rossiiskoi akademii nauk; Dagestanskii Gosudarstvennyi Universitet. – Moskva: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie nauki Biblioteka po estestvennym naukam Rossiiskoi akademii nauk, 2021. S. 38–45.

7. Metodicheskie rekomendatsii po otsifrovke bibliotechnykh fondov / Gos. univer. nauch. b-ka Krasnoyar. kr.; sost.: T.A. Vol'skaya, V.S. Kurnatov, red. T.I. Matveeva. Krasnoyarsk, 2018. 24 s.

8. Programma «Pamyat' mira». URL: <http://rus-eu-culture.ru/610/memory/> (data obrashcheniya: 27.08.2023).

9. Grazhdanskiy kodeks Rossiiskoi Federatsii. Chast' 1: prinyata 30 noyabrya 1994 goda [v redaktsii ot 8 dekabrya 2020 goda № 427-FZ]; Chast' 2: prinyata 26 yanvarya 1996 [v redaktsii ot 27 dekabrya 2019 goda № 489-FZ]; Chast' 3: prinyata 26 noyabrya 2001 [v redaktsii ot 18 marta 2019 goda № 34-FZ], Chast' 4: prinyata 18 dekabrya 2006 [v redaktsii ot 20 iyulya 2020 goda № 217-FZ]. Tekst: elektronnyi // Dostup iz spravочно-правовой системы Kon-sul'tant Plyus. URL: www.consultant.ru (data obrashcheniya: 27.10.2022)

Сведения об авторах

Маслова Юлия Викторовна, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация.

E-mail: maslova_yv@mail.ru

Бородина Светлана Дамировна, Казанский государственный институт культуры, г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация.

borodina_tema@mail.ru

Мансурова Айслу Радифовна, Казанский государственный институт культуры, г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация.

abdulh@mail.ru

**Раскрытие информации
о конфликте интересов**

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16.09.2023.

Одобрена после рецензирования: 28.09.2023.

Принята к публикации: 14.10.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Authors of the publication

Julia V. Maslova, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

maslova_yv@mail.ru

Svetlana D. Borodina, Kazan State Institute of Culture, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

borodina_tema@mail.ru

Ayslu R. Mansurova, Kazan State Institute of Culture, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

abdulh@mail.ru

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 09.16.2023.

Approved after peer reviewing: 09.28.2023.

Accepted for publication: 10.14.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Дата выхода в свет: 26.02.2024. Бумага офсетная. Печать
цифровая. Формат 70x108 1/16. Тираж 500 экз. Заказ № 24 /2.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательства Казанского университета.

Адрес: 420008, Российская Федерация, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Профессора Нужина, д. 1/37
Тел.: +7 (843) 233-73-59; +7 (843) 233-73-28.

Перепечатка допускается только с письменного разрешения редакции.

Approved for printing on 02.26.2024. Offset paper. Digital
printing. Format 70x108 1/16.
Circulation 500 pieces. Order No 24 /2.

Printed from ready-to print file in the printing house
of Kazan University Publishing house.

1/37, Prof. Nuzhin str., Kazan, Russian Federation, 420008
Ph.:+7 (843) 233-73-59; +7 (843) 233-73-28.

Reprint of materials is allowed with the written permission of editorial board only.